Сидоров А. С.

Знахарство, колдовство и порча у народа коми.

Ленинград
1928

ИЗДАНИЕ ЦЕНТРОСОВНАЦМЕНА НАРКОМПРОСА РСФСР

А. С. СИДОРОВ

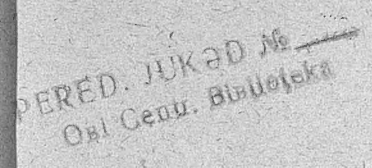
ЗНАХАРСТВО, КОЛДОВСТВО И ПОРЧА У НАРОДА КОМИ

(Материалы по психологии колдовства).

ЛЕНИНГРАД
1928

Главлит А. 13717. Тираж 2.000 экз.— 12 л. Зак. 1060.

Типография „Коминтерн“, Центрального Издательства Народов СССР.
Ленинград, Красная улица, 1.

СОДЕРЖАНИЕ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемая читателям работа представляет собою часть курса «Этнография Коми», составившегося в результате этнографического изучения народа Коми в течение ряда лет, начиная с 1918 г. Оформлению настоящей работы я обязан не только своим личным усилиям, но и коллективному творчеству своих учеников, слушателей Коми-Института Нар. Образ. в гор. Усть-сысольске, преобразованного вдальнейшем в Практический ИНО, а впоследствии в Педагогический техникум.

Здесь при преподавании, в общей совместной работе преподавателя и слушателей,—имена и фамилии последних, к сожалению, здесь нет возможности привести,—восполнялись пробелы в наличном материале, устанавливались формы его внешнего выражения и намечались методологические пути для его осознания.

Не приходится скрывать, что многие положения, — говорящие о генезисе того или другого явления или указывающие на новые связи явлений, иногда не согласующиеся с существующими о них теориями,—несомненно требуют проверки на материале широко-сравнительном, выполнение каковой в условиях научной работы в одной из самых глухих окраин при крайней скудости там литературных научных материалов представляется, однако, почти совершенно невозможным.

Благодаря последнему обстоятельству данная работа имеет характер не столько строго методологического исследования, сколько краеведческого описания. Общие положения, встречающиеся в работе, приведены более [для освещения фактического материала, чем в качестве непосредственных выводов из него.

Тем не менее местные научные работники отнюдь не могут удовлетвориться ролью только собирателей материала, так как участие в научной жизни, особенно в краеведении, широких слоев населения и представителей разных народностей имеет значение

для науки, по нашему мнению, не только в ее потребности массового накопления материала, но и в получении результатов качественного порядка, в смысле некоторого стимулирования в отношении методологического оживления в общем поступательном движении науки на окраинах. Помимо этого я счел возможным опубликовать и такие свои положения, которые требуют дальнейшей проработки даже в пределах коми-материала, напр., вопрос об эволюции анимизма и др., предопределяя этим самым характер дальнейших своих изысканий в данном направлении.

Взаключение не могу не выразить своей искренней благодарности членам и научным сотрудникам Яфетического Института Академии Наук СССР—В. Ф. Шишмареву, Ив. Ив. Мещанинову, И. Г. Франк-Каменецкому, В. В. Струве, Б. А. Латынину, в особенности директору его академику Н. Я. Марру,—принявшим живое участие в ускорении выхода моей работы в свет, указавшим мне своими замечаниями путь для дальнейшей работы и способствовавшим этим более трезвому осознанию мной выполненной части темы. Приношу также благодарность А. Д. Золотаревой, просмотревшей работу и указавшей на ряд стилистических погрешностей.

Автор.

Лепинград, 4 февраля 1927 г.

ВВЕДЕНИЕ.

Знахарство, колдовство и связанные с ними явления занимают исключительное место в коми действительности. Тяжелые исторические условия, суровый север, оторванность от культурных центров, отсутствие местных национальных культурных сил в прошлом удержали народ Коми на той степени мировоззрения, какая отличала, по древним русским литературным источникам, вообще всех финнов, как племена колдунов и чародеев по преимуществу. Многие сотни лет, прошедшие с тех пор, дали Коми народу очень немногое для перестройки своего понимания окружающей действительности на началах разума и науки. Это стоит в соответствии с тем, что также мало прогресса наблюдается у Коми, вплоть до последнего времени, и в отношении развития материальных сторон жизни. Указать хотя бы на то, что в то время, когда железо, как мерило высоты культуры, уступило уже свое место значению пара, электричества и т. д., мы встречаемся в некоторых деревнях Коми области еще с фактом употребления деревянной сохи, без всяких железных частей. Очень характерно, языковое переживание, выражающее уровень материального благополучия населения. Всякая нужда по языку Коми может быть понята только при сравнении с голодом (tšyg). Отсюда слово «tšygöm», производное от слова голод, есть выражение вообще тесноты и нужды.

В отношении общественной жизни мы видим у народа Коми в прошлом не только застой, но и регресс. В до-степановское время, до XIV века, в эпоху политической самостоятельности Коми напряжение борьбы за свою независимость вызывало стремление к организованности, к целесообразному использованию сил.

Результатом этой эпохи мы имеем целый ряд укрепленных городищ, обнаруженных по всей территории Коми области уже в революционные годы.

Подчиненное в национальном и классовом отношении население имело возможность проявлять свои общественные инстинкты только в драках, в убийствах и т. п., по существу не подвигаясь вперед от уровня родовых порядков.

Немудрено поэтому, что народ Коми сохранил до настоящего времени весь тот арсенал колдовства, суеверий, всяких несуразностей, чертовщины, о следах которых мы знаем в указаниях библейских текстов о бесноватых, в описаниях средневековых процессов ведьм и т. д. и т. п.

Так же не удивительно, что темное население Коми деревни, обращается по всякому поводу к знахарям и колдунам, но очень характерно, что сплошь и рядом к ним же идет и местное духовенство, ожидая от колдовской силы более надежных результатов, чем от своего христианского чародейства. Приходилось встречаться с случаями, когда священник для обнаружения виновника изувечения своей лошади шел к туну-ворожею, для исправления «порчи» звал к заболевшей корове знахарку-заговорщицу, а попадья ощутившая лихорадку, шла также к знахарке-банщице (pyv-śedtśiś), чтобы та выгнала жар, который «попал к ней в то время, когда она сидела на горячей печке». Какой спрос существует на знахарство, свидетельствуют указанные примеры. Существует кроме того целая группа знахарей, которые, по народным представлениям, занимаются исключительно только «порчей» и которые под страхом расправы скрывают свое искусство. По мнению некоторых деревенских «авторитетов» в иных деревнях около половины взрослого населения является причастным к знахарству в той или другой степени.

Если сюда прибавим 25% женского населения, больных «порчей»-кликушеством, особым видом истерии, уже по свидетельству настоящих авторитетов,—этнографов и врачей [1],—то получается очень реальная картина, выражающая роль колдовского мировоззрения в жизни народа Коми.

Такое мировоззрение, конечно, очень чувствительно должно отражаться и на хозяйственном быте. Большой штат «лекарей», гадателей требует и большого бюджета, для оплаты их услуг. Помимо всего прочего не возникает никакого сомнения в том,

---

[1] Држевецский, Мартынов, Максимов и др.

что поскольку имеется какая-либо профессия, постольку у нее существуют и профессиональные интересы, которые выражаются в организованной борьбе за миросозерцание, за «душу» крестьянина.

С другой стороны, культурно-историческая сторона вопроса указывает и на существование другого порядка взаимодействий. Если несомненно, что знахари и колдуны, как представители уже сложившейся профессии, культивируют колдовское воззрение, то также несомненно и то, что возникновение профессиональных колдунов и знахарей обязано всеобщему колдовскому мировоззрению, которое господствовало в древнейшие эпохи жизни человечества.

Современное же бытование колдовского мировоззрения, как массового явления, в значительной степени обязано соответствующим хозяйственным и общественным условиям, которые создали эти взгляды и которые, существуя и теперь, способствуют сохранению их и в дальнейшем. В этом отношении характерно, что в Коми области мы имеем, по выражению В. П. Налимова, целый музей разнообразных форм хозяйствования, начиная с самых экстенсивных видов эксплоатации природы — собирания готовых продуктов природы, охотничества, а также оленеводческого хозяйства с полуприрученным оленем, обычного сельского хозяйства — и кончая начатками нового социалистического хозяйства.

Таким образом, знахарство, колдовство, являясь узловыми моментами культурно-просветительной работы Коми деревни, в то же время связаны многочисленными корнями с примитивным хозяйством, с примитивным обществом и поэтому в этих основных предпосылках и нужно искать генезиса их происхождения, а также и способов борьбы с ними. Отсюда вытекает недостаточность мер одного административного воздействия,—требуется систематическая культурно-просветительная и общественно-хозяйственная работа для искоренения основ отсталого мировоззрения.

В этом заключается общественно-практический интерес вопроса о знахарстве и колдовстве.

Вместе с тем, современная этнография ставит колдовство в основу происхождения всех религиозных явлений, особенно в культовой их части. Анимизм, учение о душе, как основа развития религиозных воззрений вообще, в той формулировке, какая была

дана основоположником его Эд. Тейлором в 1867 году, в настоящее время уже не может объяснить всех явлений первобытной религии. Не удовлетворяет он нас прежде всего потому, что он плохо объясняет происхождение культа.

Первоначальные формы культа отнюдь не могут быть объяснены из каких-либо конкретных религиозных представлений, из каких-либо мифов. Культ имеет самостоятельные источники своего происхождения. Он непосредственно и гораздо ближе связан с инстинктами, с волевой деятельностью человека, чем с областью представлений. Наоборот, религиозные представления, область религиозного мифа, связаны уже с более поздними культурно-историческими эпохами, с эпохой возникновения речи.

Если человеческая идеология есть в значительной степени функция общественной и, в окончательном счете, хозяйственной жизни, то первичный культ есть эта самая хозяйственная жизнь, понимаемая в широком смысле этого слова, когда магическое и хозяйственное действие находятся в нерасчлененном состоянии в силу отсутствия понятия о магическом как таковом. Если исключить, что то и другое, т.-е. культ и миф, не представляют параллельно развивающихся и взаимодействующих процессов, то в основу изучения религии скорее нужно поставить не миф, не представление, тем более не словесное их выражение, а трудовое, магически-трудовое действие [1]).

Вместе с тем на этой ступени нерасчлененного **реально-магического** действия не существует еще для нас проблемы магического. Магическое действие, как таковое, начинает сознаваться с момента расчленения представления о вещах, со времени возникновения представлений о сверхъестественном в противоположность таковых о реальном. Магическое действие, **возникшее на почве владения орудиями**, оставаясь по существу попрежнему действием, получает теперь свое обособленное значение в свете применения его к объекту не только реальному, но и нереальному. Вполне понятно, что и первичное понятие о сверхъестественном должно было иметь формы очень близкие к реальному и последнее в свою очередь было очень расплывчато в своих очертаниях, но тем не менее, раз обособившись, и то и другое в дальнейшем начали

1) Принцип, установленный еще Гегелем.

развиваться самостоятельными путями. Таким образом, проблема магического в нашем понимании связывается с проблемой раздвоения человеческих представлений о внешнем мире. На почве этого раздвоения вырастает два параллельных мира, мир реальных предметов и мир двойников. Нужно при этом отметить, что понятие о сверхъестественном отнюдь не предполагает наличности ни персонификации, ни одушевления,—персонификация и одушевление связаны с представлением об антропоморфности человеческой души. Первичное же восприятие мира, оставаясь субъективным, не имело черт личности, так как понятие о человеческой личности могло выработаться только в процессе длительной эволюции; антропоморфизация есть продукт дальнейшего развития.

Сказанным определяется место, занимаемое колдовством в системе развития религиозной жизни, взятой в широком, а не только в форме системы представлений, смысле.

Затем, понятие о душе, духе—есть сравнительно новое приобретение человеческой культуры. Была эпоха, предшествовавшая анимизму, которая главным образом характеризовалась господством своеобразных обрядов, действий, которые были направлены отнюдь не на какую-то мистическую, духовную сторону вещей, а на предметы и явления в своей «реальности». Противопоставление духа и материи, души и тела предметов, есть обобщение позднего времени, возникшее в результате трансформации человеческого мышления вообще, а также перемещение дуализма этического (следовательно явления общественного порядка) в область представлений. Первоначально, нужно думать, не было представления ни этического начала, ни тем более двойственности во взглядах на природу и человека.

Доисторическое миросозерцание, было, несомненно, монистично.

В этом отношенни очень характерно, что душа, т.-е. двойник человека (ort), по воззрениям Коми, это вполне материальное существо, которое представляет точное подобие своего патрона [1]). Анимистические взгляды у Коми во многих случаях имеют печать первичности и, нужно думать, выросли в каждом отдельном случае на своей обособленной конкретной почве. Так, например, понятие о человеческой душе выросло несомненно при наличии представле-

---

[1]) Ср. В. П. Налимов. «Загробный мир по предст. зырян». Этн. Обозр. LXXII.

ний об умершем человеке, видения его во сне и т. п. Параллельно с этим лесной дух имеет в своем генезисе уже медведя. Водяной же от водных хищников и т. д. (см. об этом мою статью в журн. Коми Му, № 1—2, 1924 г. «Следы тотемических представлений в мировоззрении зырян»).

Во всех-же случаях основной формой творчества духов являются общие аналогии с миром социальных явлений, идущие через общие нормы мышления. Роль логики и умозаключения в создании первоначальных религиозных представлений не может считаться такой значительной, как это признается представителями классической антропологической школы этнографов, так как сама логика, как форма познания, обязана тому же процессу развития культуры.

Кроме того доисторическое мировоззрение постольку, поскольку оно было монистично, было несомненно «реально». Если в настоящее время колдовство является символом всякого мистицизма, если оно с точки зрения современной логики является мистическим и на самом деле, то в момент своего первоначального возникновения оно было весьма элементарно, примитивно, удобо-понятно, таково, что всякое другое понимание действительности и не могло иметь места. Колдовство было реально в более общем смысле этого слова, или, лучше, наивно-реально.

При отсутствии способностей к обобщениям, доисторическая мысль в то же время была неспособна и к анализу вещей и явлений, она оперировала целым комплектом предметов и явлений, имевших по отношению к человеку непосредственное, жизненное отношение. Вместе с тем связь и различие между отдельными частями этого комплекса были для доисторического человека недоступными. Часть органического целого вполне заменяла все целое. Например, рука является постоянно заместителем человека. Принципы расчленения целого на его составные элементы вырабатывались в результате трудового опыта.

Ассоциативная связь явлений смешивалась с причинной связью. Портрет, изображение, подобие вполне заменяли изображаемое, так как впечатление, как от предмета, так и от его изображения, соответствовали друг другу.

Быт Коми, благодаря вышеуказанным историческим условиям своего существования, дает достаточный материал для подтверждения тех или других выводов в области первичных форм мышления и религиозной жизни.

I. ЗНАХАРСТВО И ЗНАХАРИ.

Знахарство и колдовство у народа Коми в настоящее время нашли свое почти исключительное применение в народной медицине, в порче и лечении. Все болезни по народным воззрениям делятся на jenśań и mortjilyś, т.-е. от бога и от людей. Естественные причины болезней мало признаются, на них часто не обращается внимания, если даже естественная связь и установлена. По отношению к различным эпидемиям, считающимся происходящими чаще всего от бога или причиняющимися анимистическими существами, отношение населения тоже более или менее пассивное. На Печоре в недавнее время даже существовал обычай во время свирепствования натуральной оспы искусственно заражать ею своих детей [1]), очевидно, с той целью, чтобы урегулировать время болезни, при существовании убеждения, что рано или поздно дети все равно переболеют, раз уже появилась эпидемия.

Главное внимание обращается на болезни, причиняемые людьми. Для распознавания и лечения болезней обычно обращаются к знахарю, хотя от некоторых видов порчи умеет «лечить» и каждая женщина.

Для знахарей у Коми существуют разные названия, именно: tödyś, tšyködtśiś, (keryś), ńim-vidźiś, tun, pyvśödtśiś, kölaśńitśa, наконец, просто лица, знающие те или иные магические приемы и средства; кроме того коновалы, в силу своей профессии, считаются знахарями [2]). В общем нужно сказать, что применение в жизненном обиходе тех или других магических средств не составляет обязательно секрета и привилегии знахарей и потому более низшие группы знахарей сливаются с обывателями. Тем не менее некоторые категории из упомянутых разновидностей знахарей выделяются из ряда других и играют определенную, очень значительную роль в жизни Коми.

В настоящее время эта группа лиц формирует, направляет колдовское мировоззрение значительной части Коми населения и своей идеологией препятствует развитию научного мышления.

---

[1]) Тур. Эпидемические заболевания зырян Устьсысольского уезда, Волог. Губ. Вед., 1880 г. №№ 32, 34.

[2]) В Верхне-Вычегодских селениях во время прошлой империалистической войны некоторые сосланные военно-обязанные немцы прослыли за весьма сильных колдунов.

Обычно считается, что знахари действуют бесовской силой. Но эта мысль прилагается не ко всем знахарям. Таковы только tšyködtšiš'и (keryš'и, jeretńik'и,) kölašńitša (по Сысоле), а также некоторые «tödyš'и» («знающие»). Другие выдают себя исключительно за добрых и действующих божественной силой людей. Они, обычно, выступают в качестве лекарей, тунов (гадателей) и т. п. При этом все они по своему могуществу располагаются в известной иерархии. Такое различие в силе по более основным воззрениям вытекает уже не от источника их силы, а скорее от суммы колдовских знаний и колдовских средств, которыми обладает данное лицо.

Могущество знахарей. Значение знахарей в быте Коми поддерживается верой в их могущество. Могущество это основано на знании колдовских приемов, благодаря которым знахари могут достигать результатов бо́льших, чем достигает их обыкновенный человек, не знающий этих средств и приемов. Часть этих приемов направлена к тому, чтобы воздействовать на окружающий знахаря мир в смысле раскрытия недоступных для обычного человека явлений, чтобы осуществить как бы абсолютное знание, с тем чтобы, зная все обстоятельства события или явления, целесообразно воздействовать на него.

Другая же часть приемов направлена к тому, чтобы самому колдуну принять такой вид и приобрести такие качества, которые могли бы лучше способствовать осуществлению поставленной им колдовской цели. Для этого прежде всего используется вера в возможность превращений.

Колдуны сообразно своим желаниям могут превращаться в самые разнообразные предметы. Наиболее предпочитаются ими, однако, животные формы. Из таких животных известны по рассказам: медведь, волк, черная собака, конь, поросенок, лягушка, курица, собака, голубь и др. Но могут превращаться колдуны и в простой неодушевленный предмет, например, в метлу (ros) и т. п.

Превращение при этом чаще бывает полное. Колдун, принявший форму того или иного животного или предмета, приобретает все физические особенности его, сохраняя, повидимому, свою личность, свои человеческие психические способности. При несоблюдении в точности всех необходимых для этого приемов превращение может быть неполное.

В Конше по этому вопросу мне рассказали следующий случай: «Одна невестка проследила, куда ее свекор часто подозрительно отлучался. Однажды она заметила следующее: свекор ее пошел однажды в лесок, перекувырнулся через склонившийся к земле ствол березы и оказался медведем. Сноха сделала то же самое и последовала за ним, но при этом она по неловкости задела одной ногой березовый ствол. Из-за этого у нее одна нога осталась человеческой, тогда как вся она превратилась в медведицу. Эта ошибка сделалась для них обоих роковой: у них потерялась возможность превратиться снова в людей и они принуждены были разделить участь настоящих медведей: осенью зашли в берлогу, а потом были убиты охотниками».

Для превращения себя в волка по мнению Вомынского tödyś'а (Rotś Mitrej) достаточно всадить в основание пня нож, а затем самому перекувырнуться через голову. При соблюдении указанных приемов такой результат получится у любого человека.

По мнению печерцев превращение в медведя происходит таким образом: колдун сначала снимает с себя одежду, затем три раза перекувыркивается через голову против движения солнца, буквально—«против шерсти солнца» (śondy-gön-pudźyd) и становится медведем. Для обратного превращения человека производится то же действие, только в обратном направлении, по солнцу, т.-е. «по шерсти солнца» (śondy-gön-ńilyd) [1]). При этом, если кто-либо подберет одежду колдуна, снятую им при превращении в медведя, то колдун теряет возможность принять свой естественный вид.

«Колдуны могут превращаться и в лошадь. В с. Устьвыми однажды молодежь увидела странную лошадь, которая не имела хвоста. На это обратили внимание ребята и стали ее мучить своими шалостями. После этого лошадь взмолилась человеческим голосом: оказалось, что это была колдунья, превратившаяся в лошадь».

Какой смысл имеет превращение в то или другое животное? В одних случаях этим стараются проникнуть в те места, куда проникнуть человеку невозможно, и при этом остаться незамеченным, в других же случаях для того, чтобы усилить свои физические силы свойствами того или другого животного.

---

[1]) Солнце, повидимому, представлялось раньше в виде животного, по всей вероятности, медведя.

Хотя один крестьянин из с. Усть-Уса объяснил мне, что колдуны, превратившиеся в медведя, становятся «вроде газа» (пара), как начнешь стрелять—они исчезают, пока произносишь слово,—они тем временем могут совершить большой круг, но такое воззрение принадлежит уже к более позднему времени.

Для «порчи», напр., коровы, необходимо достать колдуну клочек ее шерсти. С этой целью он превращается в ворону, незаметно для окружающих выщипывает шерсть намеченной коровы и, возвратившись домой, производит над этим клочком свои колдовские приемы, в результате которых порча по колдовскому мировоззрению переходит на самую корову.

Яков из Мыелдина пострадал от своих односельчан тем, что последние извели его корову. Не имея возможности естественным путем отомстить обидчикам, Яков пошел в д. Ваполку к одному колдуну с просьбой, чтобы тот превратил его в медведя, предполагая в этом состоянии растерзать всех коров у граждан своего поселения.

Обращенный в медведя человек подвергается большому риску быть убитым, как обычный медведь. Распространено большое количество преданий относительно увечий, полученных тем или другим колдуном, принявшим вид обычных предметов. Занесет хозяйка метлу, оказавшуюся в хлеву на необычном месте, сломает или обрубит ненамеренно концы ее веток—и на следующий день по селу обнаруживается, что та или другая женщина начинает ходить искалеченной, при этом получается совпадение мест поранения и испорченной части метлы.

«Кр-ка О. А. из д. Конша при доении своей коровы на пожнях постоянно замечала какую-то черную лягушку, которая каждый раз оказывалась сидящей под коровой в напряженной позе. О. А., рассердившись, избила лягушку, проткнув ей бока вицей. Одновременно у одной женщины из той же деревни (А. М.) заболели бока; на одном ее боку даже открылась рана».

Колдуны не только сами могут превращаться в животных, но превращают и других часто с враждебными целями с тем, что превращенные теряют способность произвольно возвращаться в свой первоначальный вид. Чаще всего такие превращения, по преданиям, бывают во время свадеб. Целые свадебные поезда, если они восстановили против себя какого-нибудь колдуна и не при-

няли против него всех мер предосторожности, превращаются в волков. Поэтому, по преданиям, охотники, снимая шкуру с пойманного волка, иногда встречают под его шкурой остатки красного человеческого кушака—следы одежды человека из свадебного поезда, превращенного в стаю волков.

Иногда колдуны превращают в волков даже своих детей. Так один из них захотел потешиться над свадебным поездом своего сына, рассказывают в Лопидине: участники свадьбы, возвращаясь из-под венца, при захождении на сарай все оказались волками. Испугавшись встречавших их гостей, все волки разбежались в лес. Результаты шутки оказались неожиданными и для самого родителя, так как никто из превращенных не остался в его распоряжении и потому он не в силах был исправить своей шутки (возвращение, повидимому, мыслилось по принципу парциальной магии).

Упомянутый выше Яков из Мыелдина однажды поспорил с ижемцем и за это будто-бы был превращен последним в лебедя. Три дня он летал в таком виде. Принужден был вести образ жизни обычных лебедей: спускался на озеро для кормежки, «перелетал моря», переносил смертельные опасности: какой то охотник однажды выстрелил в него, но, к счастью, не попал.

Превращения и другие колдовские результаты достигаются колдунами определенными магическими приемами и средствами. Одним из таких средств является сила заговора. Слово, по мнению Коми «пуще стрела». Слово, особенно в устах знающего колдуна, неотразимо действует не только на человека, но и на внешний мир. Если колдун скажет соответствующее слово, то даже «дерево засохнет».

Инвентарь колдунов.

Помимо этого имеется у колдунов и соответствующий инвентарь для своего промысла. Так, они часто применяют травы для лечения, многие лекарства приготовляются ими самими, наконец, они не игнорируют и медицинскими средствами, поскольку имеют о них то или иное представление.

То, что называется народной медициной, известно колдунам больше, чем кому-нибудь другому из дер. населения. Само собой разумеется, что от применения сильно действующих веществ сплошь и рядом бывают несчастные случаи.

В других случаях пускаются в ход магические приемы. Ими колдун пользуется в своих интересах и в интересах тех, кто к нему

приходит. Этими мерами колдун «прозревает» будущее, портит людей и скот ненавистных ему лиц, наконец, своими заговорами и заклинаниями может будто-бы распоряжаться зверями, которые начинают собираться в этом случае прямо в сенях лесной избушки. Особенных эффектов достигают знахари при посредстве воды. Вода является излюбленной стихией колдунов. В воде они в состоянии ходить как по суху, в ней они неуязвимы. Если воды мало, могут умножить ее в любом количестве. Очень часто они производят опыты над любопытными для доказательства своей силы. Тогда в комнату они напускают воду, которая начинает на полу прибывать все выше и выше, так что публика начинает спасаться в верхних частях избы. Затем приплывают откуда-то утки и начинают плавать и кормиться в воде. В реальность этих явлений Коми не особенно верят, но вместе с тем многие из них видали подобные опыты. Объясняют факт тем, что тут колдуны действуют на зрение (s'in pörtmalöny) таким образом, что глаза у всех начинают видеть то, чего нет, т.-е. колдуны действуют внушением.

Что такие опыты действительно проделываются некоторыми лицами, об этом свидетельствуют многие очевидцы. Мне рассказывала одна Лопидинская женщина, очевидец анологичного случая, как знаменитый Небдинский колдун Сп. наказал одного крестьянина тем, что наслал на него трясучку из-за того, что последний, заподозрив его в краже денег, догнал его, идущего на охотничий промысел, с должностными лицами и обыскал его. После этого он и показал свой фокус напущения воды в избу.

При такого рода утверждениях, хотя бы они и были искренни, нужно принимать во внимание то обстоятельство, что у суеверных субъектов с течением времени реальное вполне может перепутаться с теми суеверными представлениями, которые, будучи вложены еще с детства, являются настолько же реальными, как и действительные события; поэтому очень легко им, незаметно для самого себя, воображаемое выдать за реальное.

На Печере колдунов, между прочим, наделяют свойством почти всеведения: слышит будто-бы он—где, кто и что говорит, независимо от расстояния, знает—что у кого есть скрытного и т. п.

Корткеросский И. В. был настолько силен, что «своим колдовством останавливал пароход». При своих поездках он никогда

не спешил на пароход, хотя бы последний уже и отходил, говоря: «ничего, подождет». И действительно, пароход не в состоянии будто-бы был отойти раньше, чем И. В. садился на него: на пароходе все время то одно, то другое оказывалось неисправно.

Существует поверие, что колдовская сила зависит также и от образа жизни колдуна. Человек, распущенный в половом отношении, не может быть сильным колдуном.

Передача колдовской силы.

Передача колдовской силы происходит различным путем. Но общим местом всякого способа является некоторое обучение и восприятие особой силы или посвящение желающего в тайны колдовства, при котором он получает особую силу. В настоящее время считается, что эта сила бесовского происхождения; она, обычно, получается через знахаря. Кровное родство здесь не играет особой роли, хотя обычно всегда высчитывают родословную знахаря,—в каком отношении родства находится данный знахарь по отношению к известным знахарям в прошлом. В данном отношении большое значение играет не столько свойство родственной крови, сколько возможность более легкой передачи колдовства ближайшим членам семейства. Но знахарство можно передать при помощи обучения. Для обучения колдун предъявляет к обучающемуся следующее требование: последний должен сохранить во рту причастие, потом, выплюнув его, завязать в тряпочку, а затем итти в лес, повесить узелок на дерево и выстрелить в него из ружья. После этого колдун ведет его в полночь в баню. Здесь после тех или других обрядов приходит неизвестно откуда красная собака (иногда из-за очага выходит белая собака, а по представлениям Печерцев — длинношерстая собака) и выблевывает рвоту на пол. Эту рвоту посвящающийся должен вылизать. Если человек струсит, откажется от исполнения ритуала, то собака будто-бы обратно вылизывает свою рвоту. В других местах считают, что посвящающийся должен поцеловать зад лошади. Более мистически обставлено обучение в Пожегодском районе. Один крестьянин из с. Палевиц сообщал следующее: будучи в гостях у своего родственника, зятя, слывшего за колдуна, он настойчиво просил научить его колдовскому привлечению промысловых зверей в свои звероловные угодья. После усиленных просьб с его стороны колдун согласился.—Приступили к обучению. Предварительно затопили баню и здесь вы

мылись. После того, как оба вымылись, колдун открыл двери и впустил в баню собаку красной масти, которая тут на пол выпустила свою блевоту. Затем, колдун открыл снова двери, и собака выбежала обратно. Колдун предложил обучающемуся вылизать блевоту, но тот не смог этого сделать. Дальше, колдун предложил обучающемуся снять со своей шеи крест, положить его на пол лицом книзу, на тот крест положить другой крест из 2-х лучинок и встать на них (по объяснению колдуна если стать на наперстный крест, то можно провалиться сквозь землю, в данном случае человека поддерживает будто-бы крест из лучины). Затем предложено было обучающемуся отказаться от луны, от солнца, от родителей, от своих детей и от своей жены, заявив, что он их не знает... Рассказчик передавал, что тут он не выдержал, отказался от обучения. Такая клятва считается самой ужасной и потому по доброй воле будто-бы редко кто соглашается на нее. Все эти обряды, очевидно, имеют смысл отказа от покровительства бога и перехода под покровительство злого начала, злой силы.

На Печоре говорят, что для приобретения колдовской силы необходимо найти кошку черной масти (без всяких пятен другого цвета), затем в бане погрузить ее в кипящую воду. В это время в окне бани покажется лицо с двумя огненными глазами с кулак величиной. Если не испугаешься, то это страшное существо зайдет уже в виде молодого человека и научит искусству колдовства.

Для получения исключительного могущества, по мнению некоторых, необходимо вытащить зуб мертвеца своими собственными зубами. В Визинге рассказывают случай о том, как церковный сторож, лет 50 тому назад, застал одну женщину будто-бы за таким занятием,—для того, чтобы приобрести этот зуб, она осталась незамеченной на ночь в церкви.

Чаще всего обучают принудительно кого-либо из членов семейства, хотя злонамеренное колдовство держится в строгом секрете и часто супруги не знают о том, что другая половина является иногда колдуном. Отлучаясь на свой промысел, колдун иногда оставляет вместо себя под одеялом, возле своей супружеской половины, ступу. Члены семейства являются удобным материалом для колдуна, чтобы из них приготовить себе преемников. Поссорившаяся с родителями своего мужа невестка иногда жа-

луется своим соседям на то, что те (или свекор, или свекровь, а то и муж), вынуждают ее учиться знахарству. Несомненно, что такая слава пускается иногда и с целью, чтобы отомстить за какую-нибудь обиду, тем не менее указанный порядок считается вполне правдоподобным.

Колдун должен быть активным, он, во-первых, к известному сроку обязательно должен кого-нибудь испортить, в крайнем случае даже собственную корову, а во-вторых, до своей смерти колдун обязан оставить кому-нибудь свое знание, свою силу. Колдун, не передавший никому своей силы, не может умереть и при смерти бесконечно мучается, повторяет восклицания: «На! на! на, бери! Возьми» и т. д. Достаточно кому-либо из присутствующих сказать: «давай!», чтобы колдун получил возможность умереть, так как при этих словах передается колдовская сила, колдун освобождается от нее и умирает. В противном случае колдун будто-бы принужден бывает просить перерезать ему сухожилия на ногах.

Насколько обычны такие воззрения показывает факт, происшедший весной 1924 г. в деревне Прокопьевке, той-же волости. Там произвела сенсацию смерть одной молодой женщины, которая подозревалась в колдовстве. Она тяжело умирала и в бреду все повторяла: «Степа (муж), золото-то возьми!». Просила иногда подержать у своей племянницы руку. Все эти симптомы, вполне объяснимые естественным путем, для предубежденных зрителей казались несомненной передачей колдовства. Племянница, которая получила из рук умирающей ломтик белого хлеба, говорит о том, что она после этого почувствовала в груди «неладно». Толпа немедленно использовала замечание фельдшера об ослаблении пульса задолго до смерти в том смысле, что будто-бы душа (лов) давно уже вышла, а теперь говорит в ней только бесовская сила.

Для усиления своего могущества колдуны запасаются разными колдовскими травами. Эти травы, по народным представлениям, растут под водой, в омутах. Они бывают трех родов. Для отыскания их нужно опускаться под воду. Существует особый заговор, благодаря которому в воде можно находиться так же легко, как и на суше. При помощи этого заговора будто бы достается колдовская трава. Трава эта растет около находящегося на дне шила. Если заденешь при доставании за это шило, то уже из омута не выберешься. При помощи первой травы нужно зайти еще в два

другие омута за другими травами. После этого обладатель этих чародейских трав становится выше всех колдунов.

Могущество колдунов бывает не вечно. Колдун, потерявший один свой зуб, становится уже не страшным. Так на одном празднике крестьянин, подозреваемый в колдовстве, сообщил, что у него незадолго перед тем выпал зуб, тогда одна женщина, сидевшая тут же, облегченно вздохнула и сказала, что долго они от него дрожали, теперь, наконец, можно чувствовать себя поспокойнее. Не бывает колдунов моложе 9 лет. Последнее обстоятельство объясняется, повидимому, фактом выпадения к девяти летнему возрасту молочных и выростания новых постоянных зубов.

Человек, приобщившийся к таинственной колдовской силе, может быть отличаем от простых людей. Глазной зрачек, т.-е. отражение человеческой фигуры в зрачке (это изображение относят к составной части самих глаз, называя его śiń-akań, т.-е. глазная кукла), находится у колдуна в неестественном положении, вниз головой.

Колдуна можно узнать также и другим способом. Его можно запереть в избе. Когда зайдет в избу человек, которого хотят испытать, тогда подметают в избе след последнего зашедшего, или вышедшего, человека, затем под сиденье колдуна, под лавку, подсовывают круглую левую завертку или в стене три раза отсчитывают по 9 сучков и в последний сук втыкают нож или шило. После этих приемов колдун будто-бы теряет способность ориентироваться в комнате и принужден бывает сидеть в избе до тех пор, пока не вытащат из под сиденья завертку, не вынут из сучка орудие или пока кто-либо не выйдет или не зайдет через двери. Только после этого колдун приходит в нормальное состояние. У пермских Коми считается для запирания колдуна достаточным, если в переднем углу избы помещается нож.

Считают, что колдуна можно узнать так: сидящий за столом колдун принужден немедленно встать из-за него, если хозяйка добавит находящуюся на столе похлебку поваренкой.

Как уже было указано выше, каждый колдун обязан прилагать все свои усилия, чтобы услужить своему хозяину чорту, исполнить свое призвание. Ему нужно портить скот и людей. Для этого колдуны выходят на промысел поздней ночью, принимая на себя особую внешность. В глухую ночь их нередко встречают. Женщины колдуньи имеют распущенную косу, на голову бывает надета крышка

от кузова, вместо коня под ней — голик, а в руках — ножницы. Смелый встречный может вступить с ней в физическую борьбу. Ударять нужно левым кулаком и все наотмашь (в противном случае, удары не будут попадать по назначению), послюнив предварительно безымянный палец. Без последнего условия колдун может сам напасть. Можно ударять также рябиновой палкой (sös-pu-bed, т.-е. палкой из «нечистого дерева»)[1]). При этом смельчаку нужно быть очень осторожным: при своих ударах необходимо все время считать: раз! раз! раз! и т. д. В то время, как колдун (или колдунья) все время будет стараться сбить со счету, приговаривая: два! два! два! и т. д. Если же смельчак собьется и скажет «два!», тогда моментально появится второй колдун и ему не сдобровать,— искалечат [2]).

Через определенные промежутки времени колдуны собираются вместе для дачи отчета в своей деятельности чорту. Это бывает в ночь перед страстным четвергом. В с. Палевицах, между прочим, таким местом считается оконечность мыска, находящегося при впадении Курьи в р. Вычегду.

По Вишерскому рассказу одному солдату в старое время удалось присутствовать на шабаше. Дело произошло таким образом. Солдат, возвращаясь с военной службы домой, попросился ночевать в один дом. Ночью ему что-то не спалось. И вот заметил: как только наступила полночь, молодуха встала, занесла откуда-то шкатулку, вытащила оттуда нечто в роде кисти руки, похлопала ею всех спавших, чтобы они крепче заснули (при этом позабыла солдата). Затем занесла сноп соломы, поставила его под бруском, три раза обошла его и в результате птичкой выпорхнула из избы. Солдат сделал то же самое и последовал за ней. Пришел он в избу, где увидел множество людей, в том числе и молодуху. Пришел сам бес (omol). Все начали его целовать. Солдат, перед тем как поцеловать, произнес: «Бласлӧ Христос» (Благослови Христос) и перекрестился. Тот разгневался и приказал отнести его туда, откуда он пришел. Люди подхватили его и понесли. В дороге ему говорят, чтобы он ухватился рукой за наклонившуюся ель, а то понесут его дальше. Солдат так и сделал. Оказалось, что он держался

[1]) Настоящее название рябины pelyś-pu или pelidź-pu.

[2]) По мнению Сысольских охотников нельзя стрелять в медведя второй раз, так как в этом случае он встает и убегает (gorjalö).

за тот брус из-под которого отправлялся на шабаш. По прошествии некоторого времени пришла молодуха, затопила избу и стала обряжаться, как ни в чем не бывало.

На шабашах, по народному поверью, колдуны должны отчитываться перед старшим в своих успехах, составлять новые планы, запасаться колдовским опытом и т. д. Каждый владеющий бесовской силой колдун, обязан выполнять волю своего «властителя»: всеми мерами причинять людям вред, насылать болезни, портить людей и скот. Если не удается испортить кого-либо из посторонних, то в этом случае колдун обязан наслать порчу даже на своих детей.

Колдовские состязания.

Не всегда колдунами сознается свое занятие, как профессия, не всегда поэтому и свои интересы охраняются ими коллективно. Между самими колдунами сплошь и рядом выходят столкновения. Колдун не всегда является носителем отрицательной и губительной силы. Колдовские знания могут при известных условиях быть использованными и как оборонительная сила, против злоумышляющих колдунов. Во многих местах, напр., на Удоре, а также у пермских Коми, сохранился обычай призывать наиболее известных знахарей на свадьбы для охранения брачущихся от порчи (свадьба-vidźiś, вежливец). В таких случаях дело колдовской защиты передают в надежные руки «специалиста» и потому в отношении обрядов можно не так беспокоиться, лишь бы только не обидеть колдуна.

До недавнего времени такую же охраняющую роль играло колдовство в охотничьем быте. Когда охотники отправлялись на зимние лесованья артелями, последняя обязательно возглавлялась колдуном-«хозяином».

«Хозяин», обычно, не пользовался никакими привилегиями. Он также охотился, как и другие члены. В некоторых только местах ему полагается готовить квас для всей артели. Главная его роль — охранять артель от колдовских чар со стороны могущих встретиться недоброжелателей, и следить за исполнением всех предписаний охотничьей морали.

Охотничий быт, как быт, имеющий мало точек соприкосновения с культурными способами эксплоатации сил природы, способствует появлению и сохранению в своей среде элементов колдовского мировоззрения. Сплошь и рядом психологическое настроение охотника отражается на количестве добычи. Постигающие его неудачи

промышленник конкретизирует с порчей самого себя, своего ружья, своей собаки, своих угодий, наконец, признанием напускных оборотней-зверей: белки, оленей и т. п. Таким образом роль знахаря определяется только что описанными затруднениями на охоте. Поскольку существует вера в могущество колдуна-хозяина, постольку у членов данной артели не бывает поводов для возникновения нарушения психической неуравновешенности со всеми отрицательными ее последствиями. В этом случае, наоборот, есть основания для безнаказанного нарушения охотничьего обычного права и экономического интереса соседней артели или одиночки-охотника. Иногда возникают конфликты, которые выливаются в состязания в силе колдунов, главарей 2-х артелей. Это состязание имеет свой термин »etšaśöm». Каждый из колдунов пускает в ход все свои силы и способности, чтобы сбить «с толку» своего противника колдуна и его сотрудников. Все эти старания обычно принимают форму: порчи ружья, собаки, потери способности самого охотника в ориентировке в лесу, в напущении искусственных подменных зверей, нагих белок (paśtöm-ur) и в том, что называют — śin pörtmalöm, т.-е. обычного внушения. Одним словом, все направлено к тому, чтобы так или иначе нарушить у противников успех охоты. Конкретно эта борьба может принять иногда своеобразную форму, в которой противник не всегда в состоянии ориентироваться.

Мыслимы такие случаи, что охотник-хозяин встречает случаи порчи, в которых он сам не может разобраться, или же констатирует симптомы, свидетельствующие, по его мнению, о грозной для артели силе, против которой он не имеет всех требующихся средств. И тогда может наступить психологический момент несостоятельности знахаря. При всем том, конечно, и все соучастники «по оружию» не являются пассивными зрителями: они особенно чутко реагируют на отдельные впечатления в лесу в течение охотничьего дня и еще более чутко реагируют на поведение и психологическое состояние своего «хозяина». В конце концов эта напряженная атмосфера борьбы разрешается тем, что у одной из артелей начинает падать настроение. Это падение усиливается ежедневно чувствуемым повышением настроения членов враждебной артели и таким образом дело кончается полным поражением одной из сторон. Побежденным остается итти к победителю просить прощения и освобождения от колдовских чар или же бросить охоту и возвра-

титься домой, чтобы там совершить все обряды очищения и освободиться от этих чар с помощью какого-нибудь более сильного колдуна.

Характерно, что весь цикл этой борьбы может произойти без всякого реального столкновения друг с другом враждебных половин: участники двух артелей могут ни разу не встретиться друг с другом. Тем не менее ход борьбы реально учитывается по тем звукам и совершенно недоступным для постороннего человека мелким признакам, по которым охотники определяют настроение своих противников, их удачу или неудачу, по ним судят о силе своего и враждебного колдуна и в результате всего этого складывается свое собственное настроение, предопределяющее исход борьбы.

Потеря дороги (ordym guöm). При неосторожном отношении к интересам соседа-одиночки или артели, в том случае, если пострадавший является колдуном, охотник по общим воззрениям, может потерять способность ориентироваться в лесу. У него «крадется» его дорога. В результате этого охотник, иногда возвращающийся в свою избушку из темного леса среди глубокой ночи, совершенно теряет возможность «держать направление», путается и все время возвращается непроизвольно на одно и то же место. В этом случае испортившийся принужден бывает итти к лицу, или артели, по отношению к которому он допустил враждебный поступок, и здесь или попросить прощения, или, воспользовавшись оплошностью врагов, осуществить колдовские приемы, необходимые в таких случаях.

Если в неприятельском стане испорченному удастся получить кусок хлеба или что-либо съедобное, например, если там кто-либо напоит его квасом, то порча переходит на того, кто накормил и вместе с тем испортил. В таких случаях отказывают испорченному даже в курении. Интересно, что получение околдованным человеком съедобного от непричастного, стороннего человека для него безразлично, от этого ему нет пользы. Чтобы никто из членов артели не ошибся в этом отношении, «хозяин», обычно, предупреждает своих членов, чтобы те были осторожны. Без соблюдения указанных предосторожностей порча может быть возвращена на голову наславших ее, и в том даже случае, если потерявший «путь» и не знахарь.

Но раз порча возымела свое действие, она не может быть уничтожена: она может только переходить от одного противника к другому. Для освобождения от порчи пострадавший должен

итти домой, выпариться в бане и переменить белье (pyvśiny da döröm-gatś vežny). Само собой разумеется, что порча не может действовать, если человек защищен талисманами (металлическая монета, но не кредитные билеты, иголка без ушка, медвежий зуб, щучий зуб, пуговица и т. п.).

Порча ружья. Может быть испорчено ружье. Неисправность ружья выражается в том, что замок и пистон без всякой видимой причины начнут сыреть и ружье начнет давать осечки (vaźedö).

Существуют колдовские рецепты для исправления ружья. В этом случае нужно задний конец заряженного ружья положить в костер и выстрелить. Иногда рекомендуют так: взять черемуховую леторосль, отрезать от нее кусочек и зарядить им ружье. Полезно бывает подстрелить без утилитарной цели какое-либо непромысловое животное, а то—конец дула ружья воткнуть ненадолго в землю. Радикальным средством для исправления ружья служит обыкновение прибавлять к заряду кусочек хлеба. Существуют еще такие рецепты для исправления ружья. На Печоре в этом случае рекомендуется встать на длинной охотничьей тропе, взять ружье на левое плечо дулом назад, прочитать «святый боже» и выстрелить холостым зарядом. Так нужно проделать три раза и затем через левое плечо три раза плюнуть. Пулей стрелять не советуется, так как в этом случае будто-бы умирает испортивший. На Вишере для исправления ружья берут его прикладом вперед дулом назад и в таком положении обносят его три раза вокруг левой ноги спереди назад.

Порча собаки. Портят будто-бы чаще кобеля, чем суку, потому что сука во время течки исправляется. Испорченная собака имеет все признаки заболевания: не ест, теряет живость и все время лежит, на охоте идет позади хозяина или перед самым его носом. Если пощупать у нее нос, то он бывает сухой и горячий. В действительности, повидимому, здесь мы имеем дело с собачьей чумой, но охотники об этом не имеют представления и им кажется, что дело заключается только в колдовстве.

Исправление заключается в ряде магических приемов. У больной собаки выцарапывают из носу кровь, пропитывают ею хлеб и подают собаке. При исправлении читают заговор. Думают, что если при этом высказать пожелание о том, чтобы порча перешла на

самого ее виновника, то это пожелание обязательно осуществляется. В таком случае виновный принужден бывает просить прощения у мстителя.

Для выцарапывания крови существуют разные инструменты. Чаще всего употребляют для этого щучью челюсть, но можно оперировать также новой, неупотреблявшейся иголкой, но без ушка. У некоторых на этот предмет существует специальный инструмент: иголка бывает насажена в пробку особого футлярчика с внутренней стороны; на дно футлярчика кладут соответствующую магическую траву. Иногда собаку для исправления ее от порчи бросают неожиданно в воду, в надежде на то, что вместе с испугом собаки порча ее оставит, другие парят ее в бане.

В настоящее время бывают случаи порчи собак естественными средствами, именно вскармливают ее сильно пахучими веществами, напр., чесноком или луком, после чего она на несколько дней теряет остроту чутья из-за одуряющей ее вони изо рта.

Иногда борьба колдунов оканчивается не только потерей успешности охоты, но и всего промысла, ранее наловленного. Об этом мы имеем следующий рассказ. «Охотн. артель [1]) с Вишеры отправилась на охоту к Вятской границе. В артели был, «хозяин» — лучший охотник артели. Все около «хозяина» чувствовали себя спокойно. Единственной привилегией «хозяина» было освобождение его от обязанностей заготовки дров. Кроме того при передвижениях он наряду с лучшими охотниками шел налегке: они по пути охотились, менее же искусные тащили нарты. Подошла к ним другая артель, из с. Небдино с Вычегды, остановилась поблизости и также начала промышлять. Работники из двух артелей заспорили между собой. Тогда у первой артели были испорчены собаки. Вследствие этого той артели пришлось совершенно прекратить охоту. Другая же артель нормально охотничала, она побывала у самой Вятской границы. При возвращении домой успешно охотившаяся артель увидела, что та артель все еще бездействовала: «хозяин» ее только утешал своих членов да заквашивал квас (это дело «хозяина»). «Погодите»—говорил он своим товарищам—«может быть наши дела поправятся». Та артель, не обратив на лежебоков внимания,

---

1) Теперь артелями ходят на охоту реже, отчасти из-за того что леса поредели от пожаров и промысла поэтому для целой артели в одном месте не хватает.

отправилась дальше к дому, но к вечеру неожиданно для себя она возвратилась на старое место,—не нашлась дорога.

Так повторялось в течение трех дней. Тогда «хозяин» виновной артели запросил пощады у своего противника: «прости,—говорит— за мое «качество». — «Прощу, только предварительно переложь промысел со своих нарт на мои нарты; зачем ты не ужился с нами, мы вам совершенно не препятствовали, даже к Вятке вы имели возможность ходить»—предложил тот.

Пришлось тем свой груз переложить в чужие нарты.

«Затем,—говорит мститель,—вот там есть молодая рябина (söspu), поди сруби ее и принеси». Тот приносит.

«Наклонись»! Наклоняется.

Затем мститель ударил раза 3—4 по спине своего недруга и разрешил ему с пустыми руками итти домой—сопутствуя наставлениями, чтобы в другой раз были скромнее».

Так наказывается, по охотничьим воззрениям, жадность и внесение в охотничий быт элементов недоброжелательства друг к другу.

Вообще считается, что колдун при своих попытках всегда рискует пострадать сам, так как над ним всегда может оказаться более сильный колдун, через которого пострадавший может обратить порчу на него самого (as vylas kosödny).

«В Поэтыкеросе одна женщина слыла за колдунью. Сосед позвал ее как-то домовничать, но предупредил, чтобы она не применила своего искусства по отношению к хозяйскому скоту. Возвращаясь с сенокоса, хозяева увидели, что их корова лежит на боку, а вымя все опухло. Хозяин немедленно поехал в с. Вашкурью к известному колдуну. Тот произвел лечение, при котором пострадавший захотел отомстить: при произнесении заговора «положил зарок». Как было положено, так и вышло. Женщину в Поэтыкеросе застали на том, что она мазала коровьим пометом свои стены. Во время сна она постоянно прискакивала, повторяя: заяц скачет, поскакивает, 3 раза припрыгнуть приказано!»

Иногда на шумных и хмельных праздниках и на свадьбах бывают публичные состязания (etšaśöm) в искусстве колдования. Вот случай, рассказанный мне «очевидцем» парнем из Позты, между прочим, ходившим уже на медведя. «На празднике в д. Четдин в компании два человека как-то заспорили о том, существуют ли колдуны; один отрицал, а другой утверждал. Более осторожные

и трусливые знахари, признававшие за собой некоторое искусство, заранее ушли из компании. Человек, утверждавший, что колдуны существуют, указывал своему противнику, что он может доказать: „вот на три часа потеряешь способность речи, будешь искать свою шапку в то время, как она будет у тебя под мышкой"—добавлял он. Так все и вышло. Сомневавшийся стал повторять какие то несвязные слова, но никто его не понимал, искал шапку, а она была у него на голове. В дальнейшем подоспел на место состязания брат потерпевшего, тоже колдун. Испортивший немедленно после этого скрылся, ушел. Брат расспросил у присутствовавших тут женщин, в чем состояло дело, так как сам потерпевший ничего не мог рассказать, потом он попросил ковш холодной воды, выходил с ним зачем-то в сени, а затем, возвратившись, всплеснул наотмашь водой из ковша испорченному на лицо. После этого последний очнулся уже совершенно потрезвевшим».

На свадьбах, по рассказам, бывают случаи, когда заспоривший, но побежденный, знахарь совершенно подчиняется воле победителя и в таком случае иногда начинает грызть, по приказу победителя, отхожее место.

Очень возможно, что все дело чаще объясняется просто нетрезвым состоянием человека, потерявшего рассудок, тем не менее, рассказы о колдовских состязаниях распространены повсеместно и эти состязания обставляются часто весьма торжественно. Внушение в быту Коми играет очень большую роль вообще.

Колдовской эпос. Современные представления Коми о колдунах непосредственно связаны с колдовским эпосом. Реальные личности часто еще при своей жизни получают эпические черты. Поэтому необходимо обратиться к легендам Коми о знаменитых колдунах. Колдовство и знахарство играли еще более значительную роль в жизни Коми в древности. Вместо богатырского эпоса у Коми существует колдовской эпос. Все исторические предания, напр., о разбойниках, разъезжавших по Коми краю, а также и местных героях, сообщают не столько о подвигах физической силы, сколько о подвигах колдовства. Колдовской эпос заключает вместе с тем и национальные моменты.

Главный цикл колдовского эпоса сосредоточился вокруг исторического лица, устьсысольского купца начала XVIII столетия Суханова-Шыпичи. Сюжет этот в настоящее время приспособлен

к историческому событию, к ограблению разбойниками устьсысольского купеческого дома Сухановых. Сохранилась по этому поводу челобитная Елисея Ивановича сына Суханова на имя Анны Иоанновны в 1739 г.[1]). Несомненно, что сюжет о колдуне Шыпиче существовал и раньше этого исторического события. В настоящее время его можно встретить в Устьсысольске также и в устной передаче.

Сюжет заключается в следующем. Был знаменитый колдун Шыпича. Он был вместе с тем страшный для русских атаман. Могущество его было настолько сильно, что он повелевал стихиями. В воде он чувствовал себя, как дома. Бросится в колодезь в Устьсысольске и выходит в обрыве речки Чов-ю в 9 верстах от Устьсысольска. Для своих врагов он был неуязвим. Смерть его заключалась в его кушаке (по другим версиям—в повязке штанов gatś-vön'). Однажды на него неожиданно напали разбойники-русские. Шыпича бросился в кадку с водой для того, чтобы скрыться, но вероломные слуги, оказывается, не наполнили ее водой. Разбойники схватили Шыпичу и начали его избивать. Но Шыпича был бессмертен и потому разбойники могли его только мучить. Для спасения от мучения Шыпича велел, чтобы они разрезали его пояс. Тогда разбойники его убили. Чтобы Шыпича не встал из гроба, его могилу победители закладывают камнями, строят на могиле собор (существует и в настоящее время). Но Коми народ верит, что Шыпича умер не окончательно. Р. Сысола в настоящее время подмывает свои берега под собором и подходит к могиле Шыпичи. Оползень угрожает уже самому собору.

Говорят, что когда река подмоет окончательно берега под собором, весь собор полетит в пропасть со всеми своими колоколами и святынями, могила Пама-Шыпичи разверзнется, — встанет тогда освобожденный Пам-Шыпича, могучий и мудрый, и снова поведет народ Коми к независимости и к счастью.

---

[1]) Н. Богословский. К материалам по истории общественной и торгово-промышленной жизни в Коми области. Журн. Коми-му № 1—2, 1924 г., стр. 58—64.

К. Ф. Жаков. Пам-Шипича.

В. П. Налимов. Легенда о Паме Шипиче. Этнографич. обозрение, LXII.

В. И. Лыткин. Пам Шыпiча (в сборнике Voj töv šuvgöm).

Ф. Арсеньев. Устьсысольская старина. Разбойники. (Русск. старина, 1891 г., т. 69-й, стр. 214—218 и т. 71-й, стр. 174—178.

А. А. Чеусов. Пам Шыпiча (ненапеч. поэма).

Аналогичными чертами обладал Деревянский герой Тув-ныр-як. Он свободно проходил по речному дну, как по суху. Единственным условием при этом было,—не трогать плававших кругом рыб. А то расстелет Тув-ныр-як коровью шкуру на поверхности реки и на ней располагается со своими товарищами обедать [1]).

Рассказы о героях водной стихии распространены и в других местах. В Палевицах рассказывают про колдуна, который из Архангельска поднимался по дну Двины и Вычегды. Только в трех местах он был принужден выходить из реки: под Орленском (на Двине), в Юрыме (около Устьвыма) и под Палевицами (во всех трех местах находятся известные для всех плотовщиков грандиозные водовороты). Причиной выхождения из воды служит или речное чудовище, или страшная щука, или масса налимов, покрывающих своими скользкими телами все дно реки.

Вымский цикл преданий связан с именем героя-охотника Йир-Капа [2]), жившего около Симдорского озера. Кроме того известен еще целый ряд местных колдунов, героев эпических сюжетов. На Ижме известны легенды о Яг-Морте, [3]) Мартине, на Удоре—о Сьӧд-Зоне, Люсее, Самее и т. д., по Локчиму—о Гулене, в Устькуломе—об Абае, в Палевицах—об Елке, в Корткеросе—о Кӧрт-Айке [4]) и т. д.

Печерский цикл преданий и песен, сопровождающихся даже народными драматическими представлениями, сосредоточен вокруг имени разбойника-колдуна Гань-Ивана [5]). Гань-Иван обладал свойствами, аналогичными упомянутым колдунам. Происходил он родом из с. Подчерема. Там указывают его потомков и в настоящее

---

[1]) а) «Следы тотемических представлений в мировоззрении Коми», «Коми му» № 1—2 1924 г. стр. 43—50, а также:

б) К. Ф. Жаков. Тунныр-як.

в) Ф. Арсеньев.—Устьсысольская старина. Разбойники. Рус. старина 1891 г., т. 69-й, стр. 214—218.

[2]) См. рассказ К. Ф. Жакова. Йир-кап.

[3]) Литература о Яг-Морт'е.

1. А. В. Круглов. В земле коми-войтыр. Пчела, 1876 г., №№ 27, 28.

2. Яг-Морт (Чудское предание). «Пантеон и репертуар русской сцены», 1851 г., № 5, смесь (41—51).

3. Из жизни зырян. Газ. «Наше Время, 1862 г., № 101.

4. Яг-морт. (Чудское предание). Волог. Губ. Вед. 1848 г., №№ 19, 20.

[4]) М. Н. Лебедев. Кӧрт-Айка.

[5]) № 7—10 Коми-му, 1924 г. стр. 119.

время. Колдовству научился у какой-то женщины, которая однако не научила его всему тому, что она сама знала. Но и того, чему она научила, было достаточно, чтобы разбойник Гань-Иван мог погружаться со своей лодкой и с помощниками в р. Печору и плыть под водой. Выходил он из воды только в тех местах, где было местопребывание водяных (va-muťi).

Были, однако, колдуны сильнее Гань-Ивана. Так, один горбун с берега однажды встретил его словами: «что тут шляешься проклятый Гань-Иван». Заспорили. Горбун снял свои штаны и показал свою задницу, предлагая стрелять. Гань-Иван выстрелил в задний проход, в надежде, что он не заговорен. Но оказалось горбун и тут неуязвим.

Фольклор Коми содержит много рассказов относительно колдунов jeretn'iков, встававших из гроба и губивших людей своими железными зубами. По преданиям колдунов хоронили навзничь, завязывая пальцы рук и ног пеньковыми прядями (uv-pyš).

К городищу Iag-jiv на Вашке относится предание о двух колдунах: о Iag-jiv-sa жившем на мыску Iag-jiv и о Šöla-pöľa-sa, жившем на другой стороне реки в урочище Šöla-pöľa. Заспорив, они пригрозили отомстить друг другу после смерти. Раньше умер Šöla-pöľa-sa и в первую же ночь после смерти явился к Iag-jiv-sa, расправиться с ним. Jag-jiv-sa принял все меры предосторожности: запер двери, а сам забрался с сыном на печку и сидел там, пока мертвый грыз запертую дверь. Через некоторое время двери были прогрызены, мертвый колдун зашел и потребовал сердца противника в качестве угощения. Тот предложил согреться сначала горячим кирпичем, выбитым им с печного устья. Пока гость был занят кирпичем, Iag-jiv-sa убежал со своим сыном из дома по направлению к близ лежащей д. Жуковской, идя задом наперед [1]). Когда мертвец заметил отсутствие хозяина, то погнался за бегущим, но, будучи введен в заблуждение обратным следом врага, все снова и снова возвращался по его следу в пустую избу. Это продолжалось до тех пор, пока с первыми петухами колдовская сила не покинула мертвеца.

1) От лешего тоже уходят задом. По сообщению Н. Рогова у пермских Коми в 60-х годах выбранный в рекруты выходил из мирской или земской избы задом, в дверях ухватывался руками за верхний косяк и старался отгрызть от него небольшую частицу; то же делалось и дома при выходе из избы в рекрутское присутствие (Материалы для описания быта пермяков, 89).

Тот же мотив мы встречаем в предании о знаменитом вишерском колдуне Тювӧ [1]). Он жил в 20 верстах выше по реке от с. Богородска, в устье р. Пугдым.

Посетители каждый раз заставали его сидящим на приступке около печки. Сокровища его были спрятаны в косяке окна. Как то он имел столкновение с колдуньей из Большелуга Наста-мать. Когда последняя умерла, Тювӧ сказал, что в эту ночь его попробует посетить Наста-мать, но собака его Badźe не пустит ее перейти по скользкому шесту, переброшенному через устье речки Пугдым. Так и случилось. Наста-мать принуждена была обойти речку через ее верховье, а между тем колдовское время прошло и Тювӧ спасся.

Мотивы, которые приведены в связи с представлениями о старых, живших в давнее время колдунах, точно также приурочиваются ко многим колдунам, жившим на памяти стариков. В Четдине был знаменитый колдун Dańe-Ieprӧm. Он на ряду с другими фокусами показывал следующее: засунет свой нож в горло, там сполоснет и никакой крови не бывает. По рассказам, он разбойничал. В Устьсысольске грабил под тем предлогом, что проводил землеустроительные просеки, направляя свою просеку на строения тех, кого собирался ограбить, заставляя тем самым их сносить. Владельцы принуждались этим платить ему богатый выкуп. Сам ходил всегда со светлыми пуговицами. Однажды на р. Локчиме напали на него разбойники. Он взял нож, зажал лезвие его в одной руке, другой рукой его выдернул и бросил наотмашь в реку. При этом действии оба нападавшие разбойника утонули.

Некоторые знания Dańe-Ieprӧm будто-бы передал своему внуку Аврааму, который с детства странствовал на Богословских заводах и питался там знахарством. Мординский М. С. З. рассказывал, что Авраам, его родной дядя, предлагал ему однажды научиться как безвредно пребывать в воде, но он не посмел научиться.

Про Лопидинского знахаря (pyvśӧdtśiś'a) Коктӧм-Назар, умершего лет 30 тому назад, рассказывают, что он научился уменью пребывать в воде в Нижнем заводе на Урале. Там он в мельничном пруде ночевал 12 ночей. Летом, когда бывает много комаров, он будто-бы никогда не спал в дымной избушке в лесу, а в воде.

---

[1]) К. Ф. Жаков. Тювӧ (Сб. «В поисках за Памом-Бур-мортом») и «Живая старина», 1908 г.

Между прочим он свою ногу будто-бы потерял с намерением, чтобы не попасть на 25-летнюю солдатскую службу — сгноил ее с этой целью куриным пометом.

Современные колдуны. Характер колдовства у современных колдунов и взгляды населения на этот предмет обуславливаются суммой представлений, передающихся о колдунах из поколения в поколение.

Теперь попытаемся отчасти по личным впечатлениям, отчасти по тем данным, которые имеются у меня по рассказам, охарактеризовать наиболее яркие типы современных колдунов.

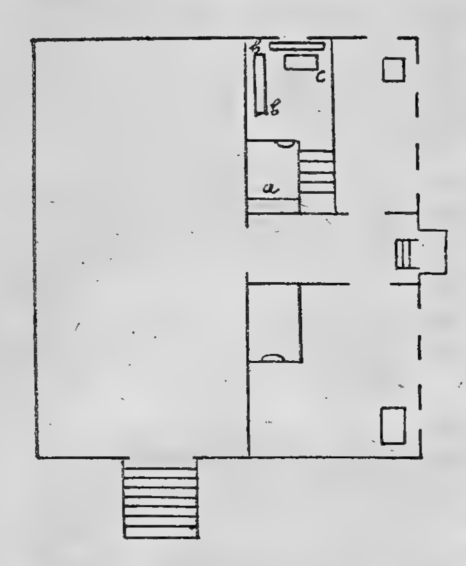
И.-Мш. Наиболее интересный тип колдуна я встретил в с. Позтыкерос. И.-Мш. крестьянин среднего роста, коренастый, с черной окладистой бородой. Живет вдвоем с женой, детей не имеет. Человек очень общительный, разговорчивый и интересный собеседник, грамотный (проявляет разнообразные даже «научные» интересы). Рассказывает очень убедительно, стараясь образами, повторениями, подчеркиваниями заставить усвоить ту мысль, которую он хочет передать.

Круг интересов очень широкий, начиная с вопросов культурно-исторических и кончая филологическими. Очень обстоятельно изложил мне, уловив мое желание узнать старинный быт Коми, что первоначально вместо жерновов у Коми была ступа, что чем древнее, тем примитивнее была культура и т. д. Сообщил о примитивных ткацких станках того времени, когда Коми не знали теперешних станков, заимствованных, по всей вероятности, у русских. Коснулся вопроса о происхождении Коми, изложил теорию акад. Лепехина о том, что Коми-зыряне происходят с Камы, откуда их вытеснили русские («зырны»—теснить), что поэтому и «зыряне». Слово швец считает происшедшим от слова «шывец»—«шить» и т. д.

В хозяйственном отношении И.-Мш. является очень домовитым и практичным. Во всем заметна аккуратность, точность и основательность. Дом по своей величине не отличается от домов крестьян среднего достатка, но почти весь отделан им самим. И.-Мш. является незаурядным сапожником, плотником, столяром; печка сложена им же самим очень хорошо. На сарае масса новых саней, розвальней, плетенных экипажей, последних им сделано всего более 60 штук. В каждом предприятии видна оригинальность ума. Строя дом, он изобрел деталь, которая является большим усовершенствованием зимней избы у Коми, которая за 25 лет успела распространиться

по всему бассейну р. Локчима. Можно предсказать распространение его и дальше. Это изобретение горенки (патчер-комната) в верхней четверти избы около надпечного окна.

Приустьсысольские избы устроены так, что печка расположена в заднем углу комнаты и устьем направлена к входу; на печке или на голбце имеется небольшое окошко, у которого в зимние холода можно вести кое-какую работу. Но помещения на печке при таком устройстве избы там все-таки мало. Потолок низок и там бывает пыльно и света недостаточно.

И.-Мш. применил нововведение: перенес печку в тот угол, куда раньше смотрела она своим устьем, освободив таким образом заднюю часть избы, где было печное окошко (см. план). При этом получилось такое соотношение частей избы, которое существует в плане избы по Ниж. Вычегде. На освободившееся от печки место он, на уровне печки, настлал пол. Таким образом, в одной половине избы получился второй этаж, занимающий немного более четверти объема комнаты. Этот этаж является замкнутым со всех сторон: со стороны остальной части комнаты он отделен поднятой с уровня нового пола на месте бывших брусьер (śor) стеной. Потолок же над вновь образовавшейся надпечной комнатой приподнят. Вместо маленького окошка прорублено большое—$1^1/_2$-листовое окно. Вход лесенкой устроен рядом с печкой. Получилась небольшая, но очень удобная, теплая, светлая комната. Верх печки (paťśer) составляет продолжение пола, на печке устроена лежанка (*a*), по стенам комнаты скамейки (*b*). Такое нововведение в зимнее время спасет не одну детскую жизнь, пока Коми не достигли еще возможности иметь детскую теплую комнату обособленной.

Нужно сказать, что такая комнатка, с приподнятым потолком, мыслима только в определенном типе построек, именно, в Сысоль

ском и В.-Вычегодском, где в соответствии с этим расположен фронтон дома параллельно длине комнаты, так что приподнятость потолка в этой печной комнате осуществляется за счет чердака. В Н.-Вычегодском типе домов крыша обычно направлена своим коньком поперек жилых помещений и поэтому там навесная часть крыши препятствует такому увеличению высоты жилых помещений. Для последнего требуется перевернуть крышу под углом в 90°.

Аккуратность и пунктуальность доведены у И.-Мш. в некоторых случаях до крайности. Так, например, поленница дров сложена около стены под крышей на высоту по крайней мере четырех метров, почти до самого «князька» крыши.

В свое время И.-Мш. был в солдатах на очередной службе. Там также выделялся из ряда других. Был «дядькой» и обучал строю от 9—13 человек. Говорит по-русски сносно.

Он слывет за очень сильного колдуна. Одна женщина жестоко страдает болезнью ноги (повидимому, рожа). Это приписывается И.-Мш., будто он испортил ее через след за то, что она без спроса хотела переправиться через реку в лодке И.-Мш. Многие обращаются к И.-Мш. за лечением людей и скота, но в другие волости, по его словам, он не ездит. В пределах своего села и на дому лечит, хотя при мне одна женщина звала завязать порезанную рану на ноге лошади, так он ей ничего определенного не сказал. На мой вопрос о причине отказа, отозвался, что просить всякий умеет, но не всякий умеет сказать «спасибо». Своей профессии не скрывает. Лечит людей и скот.

Показал мне как-то костяной деготь и самодельный аппарат, при помощи которого перегоняется деготь из коровьих костей без доступа воздуха. Костяной деготь употребляется им от ломоты костей (ревматизма). Кроме этого у него еще имеется запас супного жира, заготовленный им для лечебных целей.

Умеет останавливать кровь. На мой вопрос, может ли остановить кровь, которая брызжет струей, сказал, что не всякую кровь полезно остановить, что в амбулаториях, наоборот, рану нарочно быстро не заживляют. В особые молитвы для остановки крови не верит, но однако знает три магических слова, которых мне не сообщил. В крест из ниток поперек раны тоже не верит. Кровоточащую рану бинтует. Сначала закрывает рану многим слоем

невыщелоченного трута. Иногда вместо него употребляет сбитые волокна ниток от чистого холста.

По его собственному рассказу он является приличным ветеринаром. У одного крестьянина 8-ми летняя молодая лошадь раскрыла себе пах. Крестьянин было оставил уже свою лошадь издыхать. И.-Мш., ничем в данном случае не рискуя, вызвался лечить. Когда он осмотрел лошадь, то увидел, что внутренности у нее были целы. Тогда от вымыл рану, приготовил из конских волос нитки и зашил отдельными нитками всю рану. Через некоторое время рана начала заживать, шов с волосом отвалился и через 3 недели лошадь вполне выздоровела.

И.-Мш. является очень ревнивым по отношению к собственным интересам. Ни один охотник не смеет подходить к его охотничьему району, из страха быть жестоко наказанным колдовством И.-Мша.

По сообщению соседей у него часто бывают состязания с другими знахарями. Так с другим местным знахарем он никак не может ужиться. Если встретятся па рыбной ловле на одном озере, то один из них обязательно должен покинуть озеро.

Несмотря на свои познания, он как-то смертельно заболел будто-бы от vomidź (вследствие «порчи»—см. ниже) и принужден был ехать лечиться к Небдинскому знахарю. Однако причину своего заболевания он сказал мне не ту, которая была в действительности. Сам он объяснил свою болезнь тем, что при постройке своей избы похвастался своей исключительной силой, тогда как его сестра, тоже знахарка, сказала, что причиной было то, что как то он, выпивши, похвастался белизной своего тела, подняв свою рубашку и поколачивая в свой живот.

И.-Мш. живет с достатком. Во время революции кое-что у него было реквизировано. Участвовал в общественной жизни; в декабре 1920 г. он был на уездном съезде Советов.

Уже в самый разгар политической борьбы, среди бурного, сравнительно молодого состава съезда, И.-Мш. выделялся своей черной бородой, со своими рассудительными, но своеобразными речами у всех присутствующих вызывая улыбку. Неизвестно, в целях ли хитрой иронии или желая попасть в тон остальным докладам, доложил в своем сообщении «с мест», что и у них имеется союз молодежи, что она тоже работает; молодые люди в обрыве берега вырыли себе хижину и там ежедневно собираются.

Знахарь П. О. Совершенно другой тип знахаря представляет П. О. кр-н из того же села. Первый из среднего крестьянства, второй в имущественном отношении ниже среднего уровня. Живет в чужом доме, в доме брата, отдельно от своих детей, лет 45. Сам себя, говорят, старается афишировать, как потомка известных знахарей. Лечит заговорами, обрядами, а также и разными травами, знает грыжную траву «ызöнув-турун», растущую по его словам, только в одном, известном ему месте. Лечит венерических больных, по сообщению некоторых, сулемой. Оказался довольно скрытным—знает заговоры, но в первый раз, будучи не у себя дома, не сообщил их под тем предлогом, что для произнесения их необходимо переменить белье, чтобы оно было чистое, но во второй раз также уклонился от сообщения.

Многие верят в его могущество. Одна женщина рассказала, что он по следу человека заставил возвратить котел, украденный во время сенокоса из под копны сена. П. О. попросил при этом только показать то место, откуда был украден котел. Котел, сказала она, был после этого принесен укравшим на следующий же день. Больную ногу упомянутой выше женщины, говорят, не мог вылечить. По мнению другой знахарки, он просто сварил ее на горячем пару. Для остановления крови употребляет особую «молитву», заговор, в которой упоминается богородица. Перевязывать рану отнюдь по его мнению не нужно, а нужно при произнесении «молитвы» поперек раны положить крестообразно нитки, выдернутые из одежды пациента.

Себя считает только лекарем, действующим силой молитв. Ставя перед собой положительные цели, такие лекари будто-бы могут не опасаться злых колдунов их мести, так как последние тогда бессильны, подобно подсудимым, сознающим свою вину. Он был на советской службе лесником, но выказал большое самодурство, потому был исключен из числа лесных служащих и уволен.

И.-Мр. Это очень расторопная женщина, сестра И.—Мша; на одну ногу приседает. Разговор очень уверенный, отрывистый, не допускающий сомнений и возражений. Догмы колдовства, повидимому, знает в совершенстве, точно также знает, какой знахарь каким заговором действует. К П. О. относится очень скептически, говоря, что П. О., хотя и афиширует

себя как потомка известного знахаря П. Е., но последний приходится только мужем его бабушки по матери. Это родство она считает слишком далеким для того, чтобы оно могло для знахарства играть какую-нибудь роль. Она очень внимательно, повидимому, наблюдала за взаимоотношением П. О. и его родителей. За сыном П. О. признает всетаки она «худую кровь», являющуюся иногда причиной для заболеваний (vomidź). С иронией рассказывает о том, как одна женщина, потерявшая 3 золотых по 5 рублей, обратилась к П. О. посмотреть на воду, погадать. П. О. будто очень смело принялся за дело.—«Это можем», сказал он. «У тебя,—говорит он женщине,—это уже давно случилось, с месяц тому назад» (а сыновья этой женщины тут стояли и ухмылялись—И.-Мр.). Потом спустилить в реке «по следам вора», и здесь П. О., увидел обруч от кадки и через него (рассказчица произнесла ядовито—А. С.) начал смотреть на воду. Сказал, что здесь вор перешел через реку (должно быть сам ничего не увидел — И.-Мр.). А на самом деле у одного из сыновей той женщины, присутствовавших тут же, и находились деньги,—сказала уверенно И.-Мр.

— А как ты узнала, потом это, наверно, обнаружилось?—спросил я, чтобы определить основания для такого уверенного заключения.

— Нет, говорит И.-Мр.—Так и не обнаружилось.

Вообще она, а также и ее брат И.-Мш., очень неравнодушно расказывают все, что рисует П. О. в непривлекательном свете, отрицая у него серьезные потомственные знания и приписывая ему только память, простое подражание другим. Особенно неприятно ей употребление П. О. разных лекарств, в роде сулемы и т. п.

Сама И.-Мр., повидимому, верит в свою силу. Очень характерен, между прочим, сон, который она рассказала.

«Это было в ночь, перед большим инеем. Сижу у окна. Потом задремала и заснула. Вижу какой-то человек говорит: „Нужно бы было все до черна заборонить“.

— Где еще забороновать!—говорю я.

Снова легла да его же опять вижу: „Ты,—говорит мне этот человек—очень крупно со мной разговариваешь, я вот с тобой лягу“.

— Где тебе ко мне ложиться! Я ведь откачусь.

Но сама никак не могу двинуться. Как то с большим трудом всетаки от него отошла. Потом на самом деле случился большой иней, чуть не до черна погибли посевы. Ну, а я потом болела же».

Собеседник ее, повидимому, был какой-то злой грозный дух, могущий посылать иней и болезни, но она вела себя по отношению к нему очень вызывающе. Себя она считает только лекарем. Лечит баней. По ее мнению для такого лечения нужен только «šuryd» человек (см. об этом ниже), нет необходимости быть знахарем в полном смысле слова.

Л-ыд. Наоборот, Л-ыд из этого села считается вредным знахарем. Он, как говорят, словами мягко стелет (на этом основании ему и дано прозвище Л-ыд), но при этом жестко спать. Достаточно ему кому-либо просто похлопать по плечу, чтобы человек заболел.

«Крестьянин З.—рассказывает ямщик,—продал ему как-то корову на выбор, одну из трех. При первом же доении коровы Л-ыд стал ныть (lajgyny), вот, мол, у всех же коровы лучше, чем наши и т. д. После этого вымя у коровы совсем засохло и корова не стала доить, с другой стороны у продавца коровы также испортились . У них молоко свернулось в вымени, получилось воспалениe, а молока не стало. После этого коровы стали не в состоянии зачинать телят. Пришлось всех распродать. Теперь никто из односельчан не дает и не продает знахарю ничего племенного, распложающегося (скот, семена и т. д.). Многие даже опасаются с ним встречаться на дороге, далеко обходят его при встрече».

Тем не менее односельчане выбирают иногда его на общественную службу,—был уполномоченным, между прочим, по землеустройству. На меня же он произвел впечатление нелюдима. Высокого роста, сухощавый, Л-ыд сидел на лавке и ни с кем не разговаривал, бесцельно направив свой взор в одну точку.

Гамза-баба. Исключительно большой известностью в течение более четверти столетия пользовалась костоправ-женщина из с. Гам (Гамса-баба), умершая, кажется, года 4 тому назад. В д. Прокопьеве называли ее не иначе, как «врач» и считали ее знания более солидными, чем у квалифицированных врачей. Такую репутацию она отчасти поддерживала рассказами,

как она в течение четырех лет работала в Петроградских больницах над скелетами.

С другой стороны некоторым навыком в костоправстве она несомненно обладала. Вправляла вывих плечевой кости, даже позвоночного столба у детей и т. п. Несомненно, конечно, также, что в других случаях, неизвестных, она и калечила людей. Больные приходили к ней массами, иногда около ее дома можно было видеть до десятка повозок.

Сама, очень резкая на слова, однако, повидимому, превосходно учитывала и настроение больных. Свои познания она афишировала по мере возможности, говоря, что она при захождении человека в дом уже определяет болезнь его, что ее знают и казенные больницы и приглашают туда на службу, но она сама отказывается от приглашений, так как терпеть не может больничной атмосферы.

Кроме основного своего занятия, костоправства, она занималась лечением и других болезней. Основными лечебными средствами ее являлись баня и ńim-kyv (гадание с загов. водой).

В лечении никому не отказывала. По ее словам, двум она предсказала смерть, но в виду тяжелого впечатления, которое производит этот диагноз, больше она этого никому не говорила, хотя будто-бы и видит ясно близкую смерть.

Дарук-Паш. Дарук-Паш—известный колдун по всей Печоре. Родом он происходил из с. Подчерем. Имел такую странность, что менял очень часто место своего жительства. Первоначально Дарук-Паш имел свой дом в с. Троицко-Печерском. Однажды односельчане заметили, что вечером дом его был на месте, а на следующее утро находился уже в другом селе на 80 верст ниже: ночью успел спустить дом к реке, сплавить и снова поднять его уже в другом селе. Таким образом втечение своей жизни он возводил свой дом-избу во многих пунктах (д. Якӧ, Троицко-Печ., д. Васька) по Печоре на расстоянии между крайними пунктами в несколько сот верст. Кроме того, будучи одним из немногих плотников на Печоре, он ежегодно переделывал свой дом, состоявший почти всегда из одного сруба. То заделает окна на одной из стен и перенесет их на другую стену, то двери поменяет местом с каким-либо окном. Это, как рассказывают печерцы, вызывалось необходимостью, так как Дарук-Паш, как

колдун, преследовался духами, которые постоянно требовали себе работы. Вместе с тем Дарук-Паш имел три жены—в Пидздине, Мылдине и на Ылыче.

Своему знахарству Дарук-Паш научился где-то на Ижме. Он мужчина, как редкое исключение, был одержим кликушеством. По временам он начинал говорить не обычным своим «толстым» голосом, а неестественным высоким тембром. Сам считал это бесом, зашедшим в него в лесу во время охоты.

Его считали прозорливцем. Строя дом одному печерцу, сказал, что внутренность избы он должен стесать до определенной высоты, а то хозяин умрет. Так, говорят, и случилось. Крестьянин, возвратившись с лесованья, был убит односельчанами.

Будучи при смерти, Дарук-Паш будто-бы очень долго не умирал,—не допускала колдовская сила. Под конец он попросил подрезать сухожилия на своих ногах и тогда только умер. Легенды о Дарук-Паш распространены по всей Печоре [1]).

II. **КОЛДОВСТВО** (Симпатическая магия).

Колдовство у Коми в настоящее время приурочивается главным образом к свойствам знахарей и колдунов. Одни из них tšyködtšiš'и имеют по преимуществу злые функции и приносят вред окружающим, а другие tödyš'и отличаются от ряда обычных людей только тем, что «знают» (tödöny) те или другие приемы, обряды, свойства окружающих вещей и явлений, при помощи которых они владеют вещами или силами, не находящимися в распоряжении тех, кто является непосвященным в это знание. Колдуны обычно выдают себя за полезных людей. Но это знание оказывается доступным далеко не им только, тот же колдовской результат, получается, если эти приемы употребит человек совершенно непричастный к колдовству, как к бесовской силе.

Таким образом, колдовство можно совершенно отделить от той чертовщины, которая ему приписывается христианским мировоззрением и рассматривать именно как систему знаний, воззрений и обрядов, применяющихся для воздействия на внешний мир в целях направления его деятельности в благоприятную сторону.

---

[1]) См. об нем К. Ф. Жаков. Дарук-Паш (В хвойных лесах).

В. Варсонофьева. На Ылыче. Очерк природы и быта. Журн. Коми-му № 3 (25) 1926 г. стр. 19.

С этой точки зрения исчезает необходимость деления колдунов на добрых и злых, на портящих и лечащих, так как по существу основа в том и другом случае одна и та же.

Колдовство заключает в себе определенную систему действий, согласующихся с соответствующей системой взглядов. Колдовские действия могут быть направлены на предметы и явления природы, а также и на организм человека и животных. В быте Коми сохранилось главным образом колдовство, выражающееся в порче и в ее лечении. Люди, причастные к колдовской порче, и считаются колдунами в тесном смысле слова.

Спрашивается — в чем выражается порча? Испортить можно в различной степени и на разный срок смотря по тому, какое решение было принято колдуном. Формы болезней от порчи бывают настолько же разнообразны, насколько много существует видов болезней. Обычно болезнь начинается сразу же после акта порчи тяжелым приступом. Тогда стараются установить, кто бы мог явиться причиной болезни, с кем заболевший вступил в данное время в более или менее тесное взаимоотношение. Если подозреваемый или известный субъект здесь налицо, вопрос становится ясным, если же окружающая обстановка не позволяет приходить к определенному заключению, то подходящий случай подбирается в прошлом. В третьем случае, когда вопрос о происхождении болезни является сомнительным, тогда прибегают к знахарю для выяснения природы болезни, т.-е. от бога или из-за злых людей, и, в последнем случае, для точного указания виновного лица колдун ставит так называемый «ним-кыв». Колдун, открывая при помощи «ним-кыв» виновника, рекомендует и способ лечения. В случае же запущения болезнь, по народным представлениям, развивается и заходит все глубже внутрь организма и настолько там укореняется, что становится недоступной для лечения.

Особенно часто происходят болезни домашних животных, приписываемые порче.

Парциальная магия.

Порча коров, например, происходит следующим образом: у коровы отрезают концы ушей или вынимают из них кусок в виде угла. После этой колдовской операции, как говорят, не оказывается никаких следов крови, а разрез остается в виде беловатого хряща, источающего кровавую сыворотку. Также доят коров с колдовской целью.

Для порчи овец, у последних отстригают клок или несколько клочков шерсти. При этом предпочитают брать клочки с определенного места: обычно отстригают или со лба 3 клочка, или с хребта, или с крестца. Порча собаки происходит несколько иным путем.

У Позтыкеросского колдуна И.-Мш. вырезали не уши его коровы, а вынули кусочек кожи у нее с боку. Иногда ограничиваются тем, что отстригают у коровы конец хвоста. После такой операции, по общему мнению, корова заболевает, перестает доить, сохнет и в конце концов должна умереть, если не поспешить принять соответствующих колдовских мер.

Ограничивается ли процесс порчи только подстриганием и вырезанием частей, и в чем заключается сила этого акта? Повидимому, порча в настоящее время явление уже не такое распространенное или может быть это держится заинтересованными лицами под строгим секретом, что довольно трудно установить, какие существуют приемы порчи.

В деревне Каринской хозяин моей квартиры сообщил, что однажды у одной женщины во время сезонного доения коров на лугах [1]) нашли в ее постели, которую она особенно оберегала, большое количество отрезанных коровьих ушей и ее половых частей (bož uv-vöra) туго набитыми в полый травяной стебель. Эти части она под собой сушила. Указанный момент сушки в порче коров и является, повидимому, главным. Здесь проявляется та система мировоззрения, которой обуславливается так называемая симпатическая магия, широко распространенная еще в настоящее время у стоящих на низкой ступени развития народностей, а в эпохи хронологически первобытные, господствовавшая исключительно насколько мы можем судить по тем ископаемым остаткам их материальной и пережиткам их духовной культуры, которые дошли до нашего времени.

Характерным признаком этой симпатической магии является то, что на предмет, недоступный непосредственному воздействию, влияют через посредство его части или на недоступное явление воздействуют через посредство его подобия.

---

1) У Коми существует обычай осенью после уборки сена пасти свой скот на удаленных участках пожен вне выгона. Там строятся общественные, общие для всех, баньки и отдельные для каждого домохозяина хлева.

При магической операции руководствовались принципом,—что сделаешь с частью предмета или с его подобием, то произойдет с самим предметом. В этой формуле заключается характерная сущность данного способа мышления, допускающего какую-то другую связь между предметами и явлениями, совершенно чуждую современному причинному, логическому мышлению. Чем это объясняется, мы разберем ниже. А теперь скажем, что очень много бессмысленных обрядов, примет, суеверий так цепко опутавших народ Коми имеют корень в этом колдовском принципе. Если хочешь воздействовать на целое—воздействуй на его часть, если недоступна и часть, то создай некоторое подобие объекта и то действие, которое применишь ты по отношению к этому подобию, отразится на соответствующем предмете.

Сказанное применяется и при порче людей. Можно испортить человека, воздействовав соответствующим образом на его часть. Такими частями могут быть волосы, одежда, экскременты и просто предметы, бывшие у тех или других лиц в употреблении. Так, на Удоре молодые девицы, возбуждающие у кого либо зависть своей внешностью, здоровьем, ловкостью и т. п., очень ревностно следят за своей одеждой, так как злоумышляющий знахарь может отрезать часть их одежды, платка и т. д., и через отрезанный лоскуток их испортить.

В Палевицах помешательство одной женщины объясняют тем, что во время свадьбы из угла шелковой шали, находившейся на ней, вынули кусок и через это ее испортили. Болезнь перешла на нее несмотря на то, что платок принадлежал не самой невесте, а ее сестре и был выпрошен пострадавшей только на один раз [1]).

Бывают случаи, что у вывешенной на воздух для сушки после рыбной ловли грязной одежды оказывается вырезанным круглое отверстие в той ее части, которая соответствует местоположению или сердца или какой-либо другой важной части тела. В связи с этим собственник этой одежды будто-бы начинает страдать болезнью сердца или другого, соответствующего вырезанному месту, органа.

---

[1]) Для порчи людей, между прочим, существует заговор: «Господи Иисусе, помяни Господи на синего морю, на океане щука, губы его медной, зубы железный, нос булатный, крылья медный, сечет и мечет пывко и ярко, крепко и безопасно всех рабов (имя жертвы) тысящу тма одесную обрати обратно». (Записан Г. А. Старцевым на Удоре).

Вполне понятно, что женщины в силу особенности физиологических функций своего организма должны иметь особую осторожность, чтобы не быть испорченными злоумышляющими что-либо против них лицами. Самым обычным способом их околдования является так называемое döröm guöm (воровство рубашки). У намеченной жертвы стараются украсть «товарища», т.-е. месячное очищение вместе с грязной рубашкой. Затем с этой рубашкой идут в лес, выбирают скрипучее болезненное дерево и в это дерево заделывают рубашку. С этого момента женщина должна хронически болеть и «скрипеть» подобно этому скрипучему дереву [1]).

Иногда достаточно бывает следа человека, чтобы его испортить. Порча следа производится так: подходят к намеченному для порчи следу не обычным способом, а задом, вынимают частицу земли со следа в средней его части или в том месте, где из-под носка выбита кучка земли, затем завертывают вынутую землю в тряпочку. После этого где-либо около дороги ищут искривленную («lolyd koz») ель; делают на ней надрез, всаживая топор по направлению слоев и в образовавшуюся щель забивают тряпочку с ее содержимым при помощи деревянного клина. В зависимости от того, насколько глубоко всажена тряпка со следом, настолько сильно должен заболеть человек. Иногда след сушат просто в кармане.

Девица, у которой П. О. «сварил» при излечении ногу, будто-бы первоначально пострадала (keröma) от И.-Мш. Она как-то хотела переехать через реку в лодке И.-Мш. Но тот застал ее прежде, чем успела она оттолкнуться от берега, в лодке побывала она только одной ногой. Тем не менее после этого будто-бы у нее заболела эта злополучная нога.

Колдовать над следом можно не только по отношению к человеку, но и животному. Когда купленная из дальнего селения лошадь постоянно начинает убегать на старые привычные ей пастбища, обращаются к знахарю, чтобы он удержал ее на ближайших выгонах. Тогда он вынимает след, колдует и достигает того, согласно поверию, что лошадь не отлучается дальше 3-х верстного расстояния от дома хозяина.

---

[1]) В условиях деревенской жизни при напряженном физическом труде хроническая болезнь—самое тяжелое переживание как для больного, так и для домашних. В этом случае чрезвычайно рады смерти выбывшего из трудового строя не только его окружающие, но и сам несчастный.

Чтобы овца в летнее время не отбилась от «руки», «крадут» у нее след, завязывают в узел и носят в поясе на животе. Весной, когда овцы в первый раз выходят из хлева, пояс протягивают по порогу, через который овцы должны перешагнуть при выходе. Эта манипулизация направлена к тому, чтобы завладеть следом овцы, другими словами, ее привычками.

Наряду со следом и тень человека считается частью самого человека. Подкрасться к человеку, растоптать его тень, пронзить ножем или запеленать, крепко завязав ее, значит причинить человеку тяжкую болезнь.

Или вот простонародный рецепт,—как добиться, чтобы невозвращающиеся на ночь с выгона коровы усвоили обыкновение приходить ежедневно по вечерам домой. Он заключается в следующем: когда коровы проведут ночь вне стойла, нужно итти отыскивать их рано утром, чтобы застать их еще лежащими на месте ночлега. В этом случае нужно их поднять и погнать домой, захватив при этом с теплого места из-под коров все, что попадется под руку,—траву, мох, землю и т. п. По возвращении домой все принесенное нужно бросить в хлев.

Чтобы купленная лошадь позабыла старого хозяина и привязалась к новому, на Удоре применяют следующий обряд: прежде, чем завести лошадь в новое для нее стойло, снимают с хозяйки нового дома пояс и раскладывают его под поротом поперек входа. Затем через пояс перегоняют лошадь при входе в стойло. В это время наблюдают, где находится последний наружный след лошади. Землю из под этого последнего следа берут и бросают в стойло, а поясом поглаживают по спине лошади, приговаривая: «Старого хозяина забывай, а нового заведи» [1]). Ношение упомянутого пояса по мнению удорцев дает власть над новой лошадью.

Аналогичные обряды практикуются и во время проводов проданной коровы. Читают заговор: «как сани не боялись от пенья-коренья, шли по дороге, также моя скотина чтобы шла, не боялась пенья-коренья». Если при этом испражняется корова, то кал ее перекрещивают ее собственным хвостом и отправляют на санях вместе с коровой.

Упоминавшийся выше обычай, встречающийся в охотничьих артелях, вступивших в колдовское состязание друг с другом, и

[1]) Из записей Г. А. Старцева.

состоящий в том, чтобы не давать члену враждебной артели никакой вещи, ничего съедобного вплоть до курива, объясняется отчасти боязнью того, чтобы через посредство передаваемых вещей не могла быть предпринята противником контр-колдовская мера. Вместе с тем, с другой стороны — дать съестное противнику это значит выразить символ примирения, что в свою очередь имеет психологическое значение в понижении решимости борьбы.

Боязнью порчи объясняется обычай, существующий на Удоре, не вывозить со двора всего навоза, а также не давать перед страдой никому ничего взаймы, а если давать, то в обмен брать что-нибудь у берущего (köt-pö kepyś pövtö kol) [1].

Бывают для людей минуты, когда они особенно слабы для порчи: это родильницы во время родов и брачущиеся во время свадьбы.

Когда в доме есть родильница, остерегаются что либо давать соседям. Если же в силу необходимости приходится что-нибудь дать, то стараются некоторое количество передаваемого, — в том случае, если природа передаваемого этого дозволит, — оставить у себя в запасе, или же взамен передаваемого стараются обратно что-либо получить от того, которому что-либо передают. Взамен берется предмет в том случае, если предмет переходящий из дома родильницы не может быть разъединен. При мне в д. Лопидин по р. Локчиму имел место такой случай,—из дома, где была родильница, сосед попросил во временное пользование лодку, в лодке не отказали, но потом вспомнили, что сделали неладно. Для исправления оплошности сходили к соседу и принесли от него ломтик хлеба.

Во время свадьбы колдуны стараются получить те или другие предметы, имевшие отношение к жениху или невесте, для того, чтобы расстроить совместную жизнь новобрачных. Такими предметами могут быть подстилка в обуви, части одежды, ложки, венчальное мыло и т. п.

Подобно жениху и невесте и остальные гости легко могут быть испорченными, поэтому все они принимают по отношению к себе ряд мер предосторожности, кладут в подстилку своих валенок и сапог кусочки мочалы, а в одежду втыкают иголку с отломанным ушком и т. п.

---

[1]) П. А. Сорокин. Современные Зыряне. Изв. Арханг. об-ва изучения Рус. Севера, 1911 г., 884.

Когда невеста начинает причитать, позади нее в стену втыкаются ножницы для предохранения ее от порчи. Во все время свадьбы невеста особенно бережет свою косу и одежду, чтобы их не отстригли; мыло, подарок жениха, прячет она за пазуху сарафана. Жених же, чтобы избежать порчи, во время свадебных церемоний не должен снимать шапки. Когда начнут отправляться на венчание, у пермяков на голое тело невесты предварительно надевают лыковый пояс, а жених (на Ижме) должен носить пояс из материи, связанной наподобие сетей, т.-е. с узлами. Между прочим никогда не выметают на улицу сор из бани после того, как в ней вымылись жених и невеста.

Для полной безопасности на Удоре, как было указано выше, в этих случаях специально приглашают хранителя колдуна (svad'ba-vidźiś), которому оказывают наивозможный почет, чтобы держать его все время в хорошем расположении духа, в чувстве довольства и т. п.

На свадьбах с момента сговора из дома жениха, а особенно невесты, не подают милостыни. У пермских Коми не дают взаймы и не подают милостыни также в тот день, когда закладывается основание при постройке избы [1]).

В обычное время женщины Коми остерегаются бросать куда попало свои волосы. После «tojaśem» в праздничные дни, выпавшие с головы волосы бережно подбираются, завязываются в комок и кладутся или на шесток, чтобы бросить их потом в печку, или в печурку. Впрочем, нередко эти волосы, особенно женские, в дальнейшем идут в пряжу, на вязанье рукавиц и т. п. В др. местностях существует поверье, что если бросить волосинки на ветер, то заболит голова.

Опасением колдовства может быть объясняется также обычай запускать за ворот отрезанные ногти [2]).

Некоторые старые люди старательно зарывают часто свои экскременты даже в редко посещаемых местах. Это делается, по

---

[1]) Н. Рогов. Материалы для описания быта пермяков. (Журн. Мин. Вн. Дел. 1858, XXIX, 100).

[2]) У Удмурт остриженные ногти бросаются не на улицу, а в печку с той целью, чтобы злой человек не растоптал их, в противном случае с бывшим владельцем этих ногтей случится несчастье. Вечером совсем не стригут их, так как это, по их мнению, повлечет несчастье на скот (К. М. Баушев)

всей вероятности, не из-за одного только стремления к чистоплотности, а также и из опасения обратить на них внимание злого колдуна.

Влиять колдовским способом можно на человека не только через части его организма или предмета, имеющего близкое отношение к организму, но и через частицы предметов, которыми человек пользовался. Существует рецепт против вора такого рода. Если вор украдет, напр., клубок ниток и оставит какую-нибудь часть от этого клубка, даже хотя бы некоторой длины нитку, то в этом случае достаточно сжечь тот кусочек нитки, чтобы вор принужден был возвратить украденное, так как акт сжигания вызывает у него аналогичное горение в его сердце. Действие этого акта, повидимому, основано на том, что оставленный кусочек нитки от клубка имеет следы прикосновения вора и этого следа достаточно, чтобы известное действие над ним, как над частью, отразилось на целом, в данном случае на воре [1]).

Когда наступают разногласия и нелады между супругами, то это объясняют тем, что злые люди в бане встряхнули у которого-нибудь рубашку и тем их испортили, т.-е. что они завладели через это одним из супругов, вследствие чего последний уже считается испорченным,—он теряет свою волю.

Существует рецепт для уничтожения клопов. Чтобы все клопы исчезли из жилого помещения, достаточно собрать их в количестве 3 девяток, т.-е. 27 штук, и спустить их на чем нибудь вниз по воде. В данном случае предполагается, что за отдельными представителями собрания клопов последует вся их масса.

Положение, что часть может заменить целое, в приложении к коллективу означает—индивидуум замещает собой весь коллектив. На этом основан обычай магического уничтожения волков.

Население по реке Сысоле, чтобы освободиться от размножившихся около селений волков, подсовывает кость или несколько

[1]) В Гамской волости (по Вычегде) для обратного получения украденной вещи существует интересный обряд подвешивания веника к матице. Когда потеряется какой-нибудь предмет из имущества, берут веник, стягивают его около связок бечевкой и подвешивают к потолку под матицей в надежде на то, что в результате этого действия украденная вещь будет возвращена владельцу. (Д. А. Батиев). Магическая роль веника выступает и в ряде других обрядов.

костей изловленного волка в повозки проезжающим через селение вятским извозчикам, в надежде, что и остальные, живые волки, эмигрируют из этого места вслед за отправленным собратом-волком, т.-е. собственно, за его костью.

Во-первых, здесь интересно, что кость или скелет может заменять живого зверя, во-вторых, что за одним членом стада должны последовать и другие члены стада.

На аналогичном убеждении основан колдовской способ выведения тараканов из крестьянских домов, практикующийся по Лузе [1]).

В деревнях бывш. Яренского уезда существует обыкновение хором хохотать над пойманным и положенным на середину стола клопом с той целью, чтебы вывелись из этого дома клопы вообще.

Сильный зуд на подошве ноги (öśt'a), получающийся будто-бы вследствие ступания на чужую слюну, излечивается, по мнению некоторых удорцев, если потереть подошву об левый конец оглобли стороннего извозчика.

На том же убеждении, что, завладевая частью чего-нибудь, можно овладеть и всем предметом, основано воровство силы плодородия чужого поля. Для того, чтобы результаты урожая с поля соседа перешли к тебе, необходимо со средины чужого поля сжать некоторое количество хлеба и принести сжатое к себе домой.

В Пожегодской волости существует такой способ воровства производящей силы чужого хлебного поля: когда хлеб уже поспеет вырывают с корнем пучок хлебных стеблей [2]), вышедших из одного зерна, берут стебли в руки около оснований колосьев, забрасывают пучок стеблей на правое плечо корнями назад и несут их таким образом домой. Дальше, украденный хлеб заносят в амбар и вешают над закромом корнями вверх и колосьями вниз под самым потолком амбара. Вся церемония выполняется во время утренней зари. Во все время действия нужно сознательно держать в мыслях—с какой целью это делается, нужно думать, чтобы на том, чужом, поле не стало родиться хлеба, а в своем закроме чтобы его всегда было полно (Курочкин).

---

[1]) Из дома, в котором наплодилось много тараканов, берут несколько экземпляров их, заключают в лапоть и с определенными церемониями и заговорами выносят за околицу и здесь оставляют.

[2]) В некоторых местах выжинают с середины пола.

Считается, что в результате такого действия поле с украденным хлебом не будет давать хлеба, а у укравшего закромы действительно будут полнеть. В том и в другом случае считается при этом, что желание чего-либо, связанное с известными приемами,—психологически сходными с желаемым явлением,—является достаточной причиной для получения желаемого результата.

Магический прием перенесения хлеба с чужого поля опять таки основывается на убеждении овладеть целым при помощи овладения его частью.

Интересно, что в данном случае мыслится под понятием целый? Нужно думать, что во время перенесения хлебных стеблей мыслится перенесение не хлеба вообще, а именно производительной силы поля, выразившейся в хорошем урожае. Переносится возможность получения урожая. В соответствии с этим по Верхней Вычегде мы встречаем обычай переносить хлебные стебли с чужого поля не в амбар, а на свое поле, куда они и пересаживаются [1].

На данных примерах мы видим образчик весьма древнего комплексного восприятия (поле+урожай+плодородие), совпадающего вместе с тем с вполне конкретным представлением этого в виде полных, сильных и кустящихся экземпляров хлебных стеблей, с дозревшими уже семенами.

Этим же объясняется обычай переносить вместе с купленной коровой кусочек навоза из старого хлева и класть его в ясли хлева нового хозяина, для того, чтобы она благополучно зажила в новом месте. Смысл этого обычая, конечно, заключается в том, что с переносимым предметом, взятым из старого хлева, как с частью последнего, переносится как бы весь старый хлев, со всеми его свойствами.

Что это понималось именно так, как приведено выше, доказывает другое поверие, что вместе с кусочком навоза в хлев покупателя переходит из этого хлева вообще свойство получать от коров молоко и поэтому продавцы внимательно следят, чтобы покупатель не украл у них кусочка навоза и вместе с ним молокопроизводящего свойства хлева. Для пущей предосторожности они намеренно спрашивают покупателя: что ему нужно,—порода ко-

[1]) U. Holmberg. Die Wassergottheiten der finnisch-ugrischen Völker, 6.

ровы [1]) или молоко? Если последует ответ: порода! тогда вообще приостанавливается продажа коровы данному покупателю, так как считается, что при этом передается производящая сила хлева вообще. По Верхней Вычегде, когда овцы дома не размножаются, приносят из чужого хлева, где они плодятся, кусочек навоза и бросают в свой хлев [2]).

На той же мысли основано обыкновение загонять в свой хлев и присваивать чужую овцу (предпочитают ягненка), если свои овцы в силу неизвестных причин не распложаются. Нужно заметить, что получить ягненка при посредстве купли обыкновенно редко кому удается, так как каждый продавец опасается, чтобы вместе с ягненком не передать способности «своего хлева», или своего стада, «плодиться» вообще.

Отсюда недалеко до такого взгляда, что вообще опасно что-либо отдавать или продавать на сторону. Что действительно такое опасение у осторожных людей, повидимому, существует при всяком переходе из своей руки в руки постороннего какого-либо принадлежащего им предмета, свидетельствуют разные обряды, совершаемые при этом. Прежде всего сразу же необходимо упомянуть, что при всякой сделке, более или менее крупной, рукобитье совершается не голыми руками, а через посредство рукава или через посредство полы одежды. Это, повидимому, для того, чтобы через соприкосновение рук не передать чего-либо лишнего; рукав или пола в данном случае выступают в качестве простой материальной защиты.

Затем, когда дают взаймы или продают хлеб на сторону, ижемские хозяйки всегда надламывают хлеб, по всей вероятности, для того, чтобы часть от него (крошки) на всякий случай осталась. Молоко и т. п. продукты, связанные с коровой, никогда не продают без того, чтобы не посыпать в них щепотку соли.

Охотники считают, что звероловные принадлежности испортятся, если кто-либо неведомо для хозяина воспользуется оттуда добычей, не оставивши о том никакого знака. В обычное время на промысле охотники остерегаются давать чего-либо стороннему, иначе как взаймы (взамен А. С.).

---

1) Порода понимается не только в смысле хороших свойств коровы, но и в смысле удойности именно у данного хозяина.

2) Курочкин.

Некоторые же более осторожные хозяева вообще опасаются отдавать или продавать на сторону что-либо производящее, например, семена всякого рода, молодой скот и т. д., предполагая, что при этом может перейти вообще производящая сила данного растения или животного. Ясно, что всякие предосторожности усиливаются тогда, когда сделка производится с человеком, слывущим за колдуна.

В этом случае предпочитают с колдуном жить в постоянной ссоре, очевидно для того, чтобы не дать ему поводов для получения какой-либо вещи из домашнего своего обихода, или же стараются незаметно его ударить наотмашь. В последнем случае колдун становится безвредным.

Колдовская мысль не останавливается перед невозможностью действовать на время. Можно у человека украсть его года и у него тогда остановится нормальное развитие. Одна девочка, моя родственница, упорно не сообщала мне—сколько ей лет, так как боялась того, что когда люди узнают точное количество исполнившихся ей лет, могут их у нее «украсть»—и тогда она будет жить все время в том состоянии, в каком ее застанет эта кража, т.-е. она не будет расти, не будет прибывать ни в силе, ни в весе, ни в разуме.

Существует поверье, что если будешь считать стаю птиц, при их полете, они могут унести твой ум.

Симильная магия. Для наступления колдовского результата часто совсем не требуется имения обязательно части данного предмета. Достаточно иметь у себя изображение или просто подобие чего либо, чтобы властвовать над изображаемым. Подобие вполне может заменить то, что ассоциируется с ним как нечто такое же, подобное.

Известный в с. Визинге мельник боролся с ворами таким образом. Если кто-нибудь украдет у него какую-либо вещь, то он делает куклу, долженствующую изображать человека, подозреваемого в воровстве, а затем, с заговорами, с соответствующими злыми пожеланиями, зарывает эту куклу в землю. Предполагается им, что как кукла, зарытая в земле, начинает гнить, так же должен заболеть и разлагаться представленный этой куклой вор. Кроме того, рассказывают про него следующее: когда его товарищ, другой мельник, украл у него из ящика деньги, то он отдер-

нул доску от ящика и также закопал ее в землю. Вор будто-бы от этого сделался горбуном.

Иногда практикуют такой способ порчи новобрачных: позади их при сидении за свадебным столом втыкают в щель стены две заостренные щепки, направленные друг к другу под известным углом своими заостренными концами. Это делается, повидимому, для того, чтобы новобрачные потом все время делали друг другу „в пику".

Или же, когда они начнут заходить после венца в дом жениха, злоумышленники под крыльцо бросают две щепки, это означает то, что с того момента, как сгниют эти щепки, у новобрачных должна расстроиться совместная жизнь.

Представления о лечебных свойствах многих трав основаны на внешнем сходстве между частями трав и органами человека. Так, ki-modż-turun (повидимому, из группы Orchis)[1]) для лечения кисти руки имеет корни, похожие на кисть руки человека, jözvi-turun (Geranium prutenze L.) для лечения сочленений имеет очень ярко выраженные сочленения. Вороний глаз (Paris quadrifolia L.) со своим одиноко сидящим плодом напоминает пуп и потому употребляется от «вывиха пупа» (gög-turun). Дикий хмель pon-tag-turun (Atrogene sibirica) со своим «тягучим» стеблем ассоциируется со слизью и потому женщины во время родов пьют его отвар.

Часто подобные действия, вызывающие аналогичные действия в большом масштабе представляются уже только символом. Так, например, рассказывают случай, как один колдун сбил с дороги свадебный поезд тем, что повернул печную заслонку в печке обратной стороной наружу и в результате—свадьба направилась в сторону противоположную дому и шла так до тех пор, пока колдун не привел заслонку в нормальное положение.

Взгляды, что колдовской результат может наступить не только в случае намеренного выполнения колдовских приемов, но может обнаружиться иногда вопреки желания субъекта или из-за одного сходства какого либо трудового приема с колдовскими приемами или же простой ассоциации данного приема с тем или другим внешним явлением, можно проследить в некоторых охотничьих

---

[1]) Г. С. Виноградов. Самоврачевание и скотолечение у русского старожилого населения Сибири. Ж. Живая Старина, 1915 г., IV, стр. 377.

повериях. Локчимские охотники, например, утром, когда собираются на какого-либо сильного или ценного зверя, не пекут и не жарят ничего на масле (oz dźižaśny), чтобы не было при этом характерного треска в форме как бы взрывов. Эти взрывы у них ассоциируются с тем моментом, когда неожиданно зверь ускользает, как бы также взрывает (dźižöbtas). Предполагается, что это явление dźiža-śöm вызовет потом аналогичное—зверь dźižöbtas.

Здесь в наступлении колдовского результата нет никакого участия ни воли колдуна, ни воли заинтересованных лиц,—наступление его зависит исключительно от предполагаемой связи между двумя, с нашей точки зрения, совершенно разнородными явлениями. Единственная связь, которая здесь может быть указана, это психика субъекта, связь существующая только в сознании человека, каковая и переносится, объективируется, без достаточного логического основания, на внешние предметы и явления.

Между предметом и его представлением часто не делается никакой разницы. Сосредоточить на чем-нибудь свое внимание значит его вызвать. Поэтому остерегаются не только думать о нежелательных вещах и явлениях, но даже избегают и тех предметов, которые могут вызвать представление о нежелательном явлении по простой ассоциации. Этим объясняется масса суеверий.

Так, после снятия покойника со столов, на которых он лежал, последние немедленно разъединяются под угрозой иметь, в противном случае, нового покойника.

На Мезени к новорожденному ребенку прикладывают полено со словами: «расти и будь спокоен, подобно этому полену».

В новый выстроенный дом приходящие первый раз соседи не входят с пустыми руками, а что-либо при этот всегда заносят—хотя бы несколько полен дров. Полная рука «вызывает» по подобию полноту имущества в доме. Встреча с человеком с пустыми руками вызывает представление о своем возвращении с пустыми руками, а потому считается, что таковая содействует неудаче. «Во время первого умолота если в рот попадет зерно—будешь сыт круглый год»—подобие во времени. Плешина, оставшаяся в средине поля во время посева напоминает могилу и связывается со смертью кого-нибудь из данного семейства. Аппарат или инструмент, приводимый в движение бесцельно, без материала для обработки, вызывает ассоциацию о недостатке соответствующего мате-

риала, обрабатываемого данным аппаратом, поэтому запрещается детям приводить его в движение впустую.

Из всех вышеизложенных примеров магии по подобию можно сделать один вывод, заключающийся в том, что здесь мы имеем дело со смешением желаемого и реально совершающегося, а также представления о предмете или явлении и их действительном существовании. На боязни—вызвать в себе представление о нежелательном явлении, через представление, связанное с ним по ассоциации или смежности и времени,—основано много примет и суеверий, которые могут быть уяснены только бытовыми моментами, где данные предметы или явления действительно друг к другу могли иметь ближайшее отношение и могли быть связаны в психике теми или другими ассоциациями.

При постройке нового дома в Айкинской волости кладут по углам поднимаемой избы между третьим и четвертым бревном: в красном (serög) углу—старую монету, чтобы в доме всегда водились деньги; у порога—кусок хлебного теста, чтобы всегда было достаточно теста при стряпне, в запечном углу—клочек шерсти чтобы не было никогда нужды в материале для вязания рукавиц, чулок и т. п., в четвертом углу kyvt (женская половина)—траву со скрипом, чтобы «дедушко» хорошо относился к хозяйке дома (И. Разманов).

Полнота хозяйства в доме связывается с представлением о пауке, поэтому: если в избе много паутины, то хозяйство пойдет в гору. Если в страстной четверг обуешься в том углу, где стряпают (kyvt-pelesyn), то найдешь тетеревиный ток (хлеб—символ полноты), если же на мельничной полке в этот день обуешься—будет удача на круглый год [1]). Чтобы в хлеву было много овец, при начале рубки хлева, под первым его бревном кладут осиное гнездо (признак плодовитости) [2]). Свадьба в дождливый день—к счастью (вода—символ плодородия).

Представление об явлениях, сопутствующих какому-нибудь печальному явлению, вызывает несчастье.

Если прикусишь губы—перед смертью кого-нибудь.

---

[1]) Сообщение Т. С. Подорова.

[2]) Ср. Г. Виноградов. Самоврачевание и скотолечение у русского старожилого населения Сибири.

Подошва чешется—будет смерть; правая подошва—в своем семействе, левая—в чужом. Какая связь существует между этими явлениями, указывает яснее Визинская примета: подошва левой ноги чешется — придется топтать могилу, хотя правая нога в с. Вотче означает, между прочим, не смерть, а пляску.

Бровь чешется—умрет кто-нибудь из близких.

Губы или язык чешутся к разговору с незнакомым человеком.

Бросишь грабли вверх зубьями—будет дождь (положение противоположное тому, какое грабли имеют на работе).

Усы чешутся к гостинцу (вкусное).

Поп или гроб навстречу—в тот день несчастье.

Локоть чешется—ночевать у чужих (в тесноте).

Колено чешется—к выдаче невесты замуж. (При свадебном причитывании невеста бьет себя по коленям).

В доме упадет хлебная лопата—умрет хозяйка.

С дороги нельзя возвращаться обратно за чем-нибудь, нельзя уходящего окликать сзади—цель путешествия не будет достигнута.

По христианским представлениям правая рука, правая сторона лучше левой, поэтому:

Правая нога обувается раньше левой.

У правого уха звенит—перекрестись (ангел), у левого—плюнь (чорт).

Правый глаз чешется—увидишь приятное (ys̆tan), левый—испугаешься, слезы.

Биение пульса с правой стороны головы—добром поминают, с левой—плохим.

Правая ладонь чешется—подарок, левая—расход.

Близость диких зверей—к несчастью, к неприятности (так как это необычно), поэтому: мышка во время сна перейдет через грудь—умрешь. Увидишь зайца по дороге в лес—будет неудача.

Деревья валятся (во время бури) в лесу—перед войной [1]).

Повертеть ножницы—кто-нибудь умрет, повертеть рукомойник—кто-нибудь с ума сойдет.

На ассоциативной связи представлений основаны многие случаи истолкования сновидений:

---

[1]) По мнению Коми, у каждого человека имеется двойник в виде дерева, являющегося чудесным для своего двойника-человека. (См. мою статью—«Следы тотемич. представлений»).

1) Ткать холст—дорога, или рана.

2) Ткань запутается—умрешь.

3) Пенистое пиво—плохо (пьянство, дебоширство) [1].

4) Шаньга—перед добром (вкусно).

5) Звон на колокольне—скоропостижная смерть (начальство); в один колокол—горе одному человеку, во все колокола—всему обществу.

6) Венец на голове—смерть.

7) Поп ходит—болезнь ходит.

8) Потонуть в воде, упасть в колодец—к смерти.

9) Пожар—к жару или к морозу (к ясной погоде).

10) Дрова—разговор.

11) Чистая одежда—к добру.

12) Мытье полов—к печали (напоминает очищение после покойника).

13) Изба развалилась—человек умрет (чаще хозяин).

14) Жатва—не к добру.

15) Построишь дом или лодку—к смерти (гроб). Построишь дом на мху—заболеешь, но выздоровеешь.

16) Серебро и кредитные билеты — к добру, медные — к слезам.

17) Зеленая трава—к добру, черная наоборот.

18) Ребенок девочка—к горю, мальчик наоборот.

19) Голая женщина—к горю (любовь болезни).

20) Красный галстух на шее—удавление, убийство.

21) Птичий пух—к добру (мягко).

22) Ржаная мука—продолжительное горе, ячная—менее продолжительное (пропорция стеблей).

23) Поцелуй—лихорадка (воспаление на губах).

24) Коровы—умершие родители.

25) Поймать журавля—найти невесту.

26) Конопля, брусника, морошка и вообще ягоды, а также горох—к слезам (ассоциация по сходству).

27) Рыба—снег (по чешуе).

28) Пилка дров—к смерти (оборвать жизнь).

29) Увидишь мышку—найдешь деньги (домовитость мышки).

---

[1]) Об'яснения в скобках принадлежат автору.

30) На голове алая патка [1])—родишь мальчика [2]).

31) Падаешь с колокольни—значит растешь.

32) На полу пестрая собака—разговор.

33) Встреча ездока с колокольцем—вести.

34) Подаешь милостыню—кто-нибудь из семейства умрет (напоминает поминальный обед и дарение нищих).

35) Пахота—также смерть.

Колдовское лечение. Человек (или животное), заболевший от колдовства, не может вылечиться никакими средствами, кроме колдовских. Первым делом встает задача распознавания происхождения болезни, а в случае, если в болезни виноват какой-либо человек (mortjilyś), то обнаружения этого человека. Это распознавание происходит обычно у tödyś'a-знахаря. Считается необходимым, чтобы этот знахарь по своим познаниям и силе был выше испортившего, хотя, с другой стороны, знахарь П. О. сообщил мне, что такое соотношение не играет при лечении никакой роли, успех дела зависит исключительно от ряда приемов,—в объяснение он мне привел в параллель психологическое состояние подсудимого, который теряет возможность вредить судье. Кроме того обязательно, чтобы клиент был моложе знахаря.

Распознавание происходит при помощи гадания, которое сопровождается заговором. Это называется «смотреть» «ńim kyv», т.-е. смотреть именное слово, заговор. К pyvśödtśiś'y идет обыкновенно или сам больной, если он может, или кто-либо из родственников. Если идет сам, то часто перед тем, как приступить к самому заговору (ńim kyv), предварительно парят его в бане.

Баня топится чаще самим pyvśödtśiś'ем. В бане же приготовляется знахарем специальная вода для гадания iz-pyr-va, pritśa-va. Последняя берется из трех колодцев, или из трех источников, притом таких, чтобы они друг от друга не были видны. За водой ходят до восхода солнца и черпают ее, выливая в сосуд наотмашь. Когда возвращаются к дому, то стараются никому ничего не давать и ни с кем не разговаривать. Если-же возникнет необходимость чего-либо кому-нибудь сказать, то бурак с водой несущий ставит на землю, а сам на это время отходит по крайней

---

[1]) Патка—шелковый платок.

[2]) В крестьянском быту иметь мальчиков считается выгоднее, чем девочек.

мере шага на три в сторону и тогда только начинает говорить. Принести такую воду можно и заинтересованной стороне, но колдун будто-бы узнает—все-ли нужные предосторожности соблюдены, так как в противном случае будто-бы вода становится мутной. По возвращении с водой наливают часть ее в чашку или в другую посуду и туда кладут (izjalöny) три холодных камня, которые предварительно перед этим были вынесены на улицу, на вольный воздух (töv-vylö, с. Айкино). Каждый камень должен символизировать одного из трех предполагаемых виновников. При погружении камня, соответствующего настоящему виновнику болезни, вода должна «закипеть», т.-е. должны получиться шипенье и пузыри. Нужно заметить, что камни, предварительно, должны быть вымыты в 27 водах (kujim ökmys vayn). Таким образом узнается виновник болезни.

У вычегодских Коми существует гадание при посредстве нательного креста (perna petködlöm). Для выяснения болезни или указания пропавших без вести коров и т. п. идут к знахарю, дают ему свой крест и знахарь начинает гадать. Расположит на столе 4 хлебные крошки крестообразно по 4 разным направлениям, нательный крест берет в руки за конец шнурка, поднимает его так, чтобы он приходился против центра кресто-образной фигуры из хлебных крошек. По отношению к каждой крошке загадывает одну из 4-х возможностей применительно к данному вопросу. Сначала о причине: от бога, от людей, от «родителей» и т. п. При этом наблюдают, в которую сторону покачнется крест, висящий в руке колдуна на подобие маятника. Если он покачнется в направлении крошки, которая символизирует колдовскую причину «от людей», значит в разбираемом деле виноват колдун и т. д. Установивши первый пункт, приступают к другим вопросам, например: каковы внешние признаки этого колдуна—мужчина он, или женщина; близкий, дальний и т. д. Количество вопросов может быть увеличено в зависимости от интересов, какие проявит пациент, правда, до известного предела. Предсказать можно с любой «точностью» и для увеличения ее нужно каждый раз по отношению к крошкам загадывать четыре однородных возможности. Вполне понятно, конечно, что плата за труд знахаря устанавливается пропорционально его стараниям, времени и т. д.

Аналогичное гадание сохранилось у пермских Коми. Вещим предметом у них является не нательный крест, а топор. Поэтому

и обряд называется—вешание топора (tšer ösvan). Самый же обряд носит следы уже христианских воззрений. Задача вешания топора заключается в том, чтобы узнать, кто из всех святых держит гнев, кого из них нужно умилостивить, или же кто из умерших родственников является обиженным и требует себе должного почитания.

Для определения этих вопросов и вешается на веревке топор к полатям. Когда топор успокаивается, тогда знахарь (или знахарка) начинает перебирать имена разных святых, наблюдая при каком имени покачнется топор. Если он продолжает висеть спокойно, начинают перебирать имена святых сначала. При каком имени знахарь констатирует реагирование топора, тот святой или умерший требует умилостивления. Весь обряд кроме того сопровождается разными знаками набожности, молитвами, крестными знамениями и т. д. [1]).

Для придания воде особых колдовских свойств, ее часто пропускают через отверстия между камнями в очаге бани, а иногда ставят на подставке к волоковому окну, где выходит дым.

После гадания больной ведется в баню и здесь его парят тремя ветками из трех веников, при этом внутрь дается prittša-va, а также иногда больной и вспрыскивается этой водой изо-рта знахаря. Непременной принадлежностью в этих обрядах является нож. Нож обязательно должен быть воткнутым над верхним косяком входной двери. В противном случае и знахарю и больному грозит беда, так как нечистая сила, борясь за свое достояние, всеми силами старается проникнуть внутрь бани и нарушить обряды; иногда в виде собаки ходит кругом бани и лает, а то от неизвестных причин начинает трястись весь угол бани. При этом отнюдь нельзя оставлять в прихожей, или в сенях, или вообще в доступном месте своей одежды. Менее сильные колдуны, или допустившие промах в своем колдовском ритуале, будто-бы даже

---

[1]) О вешании топора см. еще:

1. В. Хлопин. Несколько слов о пермяках. Географические известия. 1849 г., стр. 26, 27.

2. Н. Рогов. Материалы для описания быта пермяков. Журн. М. Вн. Дел. 1858 г., т. XXIX, отд. III, стр. 87—89.

3. Н. Добротворский. Пермяки. Вестник Европы, 1883 г., т. II. стр. 578.

4. В. М. Янович. Пермяки. Жив. Старина, 1903 г., в. I и II, стр. 61.

запираются в бане этой силой и не находят выхода, пока кто-нибудь из сторонних людей не выпустит их из бани. В особо важных случаях в сени приводится кто-либо из домашних, вооруженный топором.

В непосредственной связи с баней иногда совершается самый заговор (ǹim-kyv). В зависимости от данной цели, по отношению к чему совершается ǹim-kyv, употребляются те или иные дополнительные предметы питания,—хлеб, соль, молоко и т. п. При болезни человека удовлетворяются одной только водой, оставшейся после отделения одной части для бани, при этом немного сыплют в воду сажи с печного чела. Воду, налитую в чашку, ставят или на стол перед образами или на шесток. В зависимости от серьезности момента на Удоре иногда повертывают иконы лицом к стене, обычно же их не трогают. Иногда ǹim-kyv совершается не над водой, а просто приносится клиентом и кладется в чашку хлеб и соль (для скота). Затем ǹim-vidźis' берет нож, моет его в воде, становится лицом к иконам (если обряд совершается на столе) после этого три раза плюет и 3 раза дует вправо и влево от себя, каждый раз начиная с правой стороны. При этом некоторые знахари употребляют нитку, на которой завязывают узлы, со словами: «kutšöm topyda taja gördys görddźaśśas, setšöm topyda med te loktan» («насколько крепко завяжется этот узел, настолько-же близко ты, испортивший, вынужден будешь притти на эту воду»). Ножом проводится три раза над принесенными вещами крест, причем если имеется хлеб, то крестообразно прорезывается корка, куда, между прочим, насыпается немного соли. Если-же в чашке имеется вода, то ножом три раза обводят по внутренней стороне чашки, как-бы изолируя воду и три раза крестообразно разрезают воду. Потом, держа в левой руке нож, читают «Во имя отца»., «Живый в помощи» и нек. другие православные молитвы, а затем «ǹim-kyv» (заговор [1]). По прочтении делается ножом вторично

[1]) М. Вересовым в с. Глотово на Мезени записан заговор, произносящийся при этом, заговор — русского происхождения, но уже совершенно искажен в устах Коми: «Господи боже, благослови, во имя отца и сына и святого духа и аминь. Андели боже, андел стреляние, святый боже выростяне же мой дуб сы, железного стугового луга стреляем же об век стрел выше реки на четыре сторон пребывает же на дванадесятого врага, отойди же ты враг черный от нас икерт, андели с усов (т.-е. ангел Иисусов). Страшители боже Габрил и Аркап-

знак креста над принесенными вещами и читается ńim-kyv вторично. После второго раза делается опять знак креста и нож вонзается в лавку со словами: «taja purt-uklad pyrys-kö te verman petny, bośt taja mortsö (skötsö-ĺi), kodi viśe» (т.-е. «если можешь пройти через сталь этого ножа, возьми этого человека» (или корову и т. д.). Затем читается заговор в третий раз. Некоторые ńim-vidziś'и будто-бы могут приводить на воду виновника, даже показывают в воде его фигуру присутствующему на обряде. При этом виновный становится в полной зависимости от тех, которые его вызывали; можно его как угодно изувечить, выколоть ему глаза, сломать конечности, можно высказать пожелание о порче самого колдуна—виновника болезни, в результате чего тот должен заболеть сам. Чаще всего удовлетворенные клиенты оставляют дело без последствий. Объективной основой этого приведения виновника на воду является иллюзия восприятия отражения от поверхности воды своего изображения у лиц, предрасположенных к вере в реальность могущества колдуна. Впрочем, мужчинам, менее подверженным иллюзии, колдун редко позволяет наблюдать заколдованную воду, мотивируя этот отказ тем, что мужчины в пылу своей запальчивости могут совершенно убить прибывшего на воду колдуна.

После окончания обряда дается рецепт, как лечиться, какой вести образ жизни. Хлеб, соль и молоко даются больной корове. Если человек был болен, его вспрыскивают обрядовой водой и дают ее попить. Нитку с узлами уносят домой и закапывают под навоз около среднего столба хлева. Если при завязывании узлов было вынесено соответственное пожелание, испортивший будто-бы приходит и начинает кружить около столба в хлеву. Также и во всех остальных случаях, по приходе ищущего излечения домой, или даже на дороге, испортивший будто-бы старается во чтобы то ни

дел, ключем и землем под небесном крышом и кровью, кровью Кристов кипарисов, круг землею калюша и на небеса сему и ключи и замок. Топи и господи сякую реки (урок) и порча имени его раба божья (или рабыча божья) тако же и мне послужите, ступайте вы за иду, за пяту на девятой ступени, где увидите старого хозяина в бане или в пути, бросьте сырую землю, пусть он лежит до второго суда Криста Пришествия, осылай своих дум, осылай чужик дум ветром и за море, где вороны не заигрывал, где собак не залаивал, там же и вам место отныне и до века».

стало вступить со своей жертвой в общение—или попросит ненадолго какую-либо вещь во временное пользование, а то взаймы, или, если проникнет в избу, выхватывает сор из избы и уходит, или, в крайнем случае, постарается вдохнуть хотя комнатного воздуха (apyštny). Если что-либо из перечисленного ему удастся сделать, тогда все труды по колдовскому лечению пропадают. Чтобы этого не было, стараются по возвращении домой запирать двери и никого не впускать. По общему убеждению, действительно, немедленно подозреваемое лицо приходит и начинает стараться вступить со своей жертвой в общение.

Рецепт лечения на дому дается иногда чрезвычайно трудно выполнимый. Так Позтыкеросский знахарь И.-Мш. сам будучи больным лечился у Небдинского знахаря и тот для окончательного исправления предписал ему: 1) год не пить вина, 2) три месяца не есть квашеного хлеба, 3) такое же время не спать с женой и 4) месяц никому не показываться. Наиболее трудно осуществимым условием для него явились 2 и 4 пункты, т.-е. лишение квашенного хлеба и отшельническая жизнь.

Заговоры чаще всего представляют заимствование с русского и, благодаря плохому пониманию русского языка, бывают искажены в лексическом и грамматическом отношении до неузнаваемости, тем не менее отдельные слова произносятся, как сознаваемые магическими.

Коми же заговоры несравненно короче и не имеют традиционной формы русских заговоров,—как вступление, содержание, обращение и ключевые слова. В коми заговоре выражается иногда образно простое пожелание (śijem). По Локчиму коми текст считается сильнее русского.

Обращаются часто к знахарям травматические больные для остановления кровотечения при поранениях и т. п. Для остановления крови существует особый заговор с применением некоторых приемов [1]).

---

[1]) Заговор на кровь.

1. Во имя отца и сына и святого духа. Аминь (имя рек). Кровы раны, кровы щетьеч духа не дует дула не дует два золота пречистая божя богородица утерай укрывай два золота защитье закрытье собелым платком тьури будьи. Аминь. Кровь стой как вы белая камень.

Существуют рецепты для парализования действия колдовского акта. Если остригут овцу, то необходимо в данном месте ее перестричь, а затем клок шерсти положить под «под» печки. Кирпич «пода» выбирается третий по счету от переднего края «пода» и с двух боковых краев; некоторые кладут под 5 или 7 кирпич. Туда же кладутся материалы и при порче.

«Руку» колдуна (ki-pod-tuj) нужно возобновить, когда сделан им злоумышленный вырез на одежде. Рану на отрезанном ухе коровы также нужно возобновить, отрезав кусок уха дальше, параллельно колдовскому разрезу, а затем, полученные куски сжечь на сковороде. Во время совершения этих, повидимому, тоже настоящих колдовских обрядов, испортивший колдун обязательно должен проникнуть в избу и в свою очередь оттуда достать для себя чего-либо у своей жертвы.

Окончательным победителем, нужно полагать, остается тот, который совершил обряд последним.

У известного нам И.-Мш. tödyś исправил испорченную корову следующим образом: остриг шерсть у коровы кругом раны, потом насадил ее по частям на 3 ощепка и повесил сушиться против чела печки.

На тот же случай:

2. Отче наш... (до конца), (имя рек). Ехал человек стар, конь под ним кар, по рысканьям по дорогам притоным местам. Ты, мать, руда жильная, жильная и телесная, остановись, назад воротись! Стар человек тебя запирает, на покой согревает. Как коню его воды не стало, так бы тебя, мать, руда небывало пух земля одна семя. Будь по моему слово мое крепко. (Записаны в д. Конша с написанного текста).

3. В с. Вендине существует для остановления крови такая формула—сказать—vir-top jaj-top, плюнуть на пол и в рану положить щепотку соли.

4. Заговор от укушения осами.

Kala-iz—jyröj,
Pińej—uklad,
Vernej slugaöj,
Vernej kazaköj,
Tśervon' görödys'
Vylö n'e kajny.

Считается, что осы не могут ужалить, произнесшего этот заговор. Но требуется при этом еще условие,—не показывать после произнесения заговора своих зубов.

Смысл всех этих обрядов по принципу парциальной магии заключается в воздействии на целое при помощи воздействия на его часть. Сжечь, высушить с места, окружающего колдовскую рану, шерсть, ткань, уже зараженные колдовской заразой, значит уничтожить распространение заразы внутрь, так как такое заболевание считается внедряющимся внутрь организма постепенно и в форме пространственного углубления—это с одной стороны.

С другой стороны, доисторическое мышление вполне допускает конкретизацию самого дела. Следы деятельности человека вполне могут рассматриваться как вещественная часть его самого (ki-pod-tuj) и колдовски уничтожить то место, где резче всего проявилась деятельность колдуна, значит не только прекратить действие заразы, но и повлиять таким же магическим способом на самого человека, проявившего себя в колдовстве, и представляющего уже нечто целое, от которого получилась эта овеществленная часть, испорченное место. Этим объясняется и тот факт, что если колдун испортит руку охотника тем, что пустит перед ним поддельную, нагую белку (paśtöm ur), то попавшуюся белку считают необходимым завернуть в хвою и спрятать в землю, после этого порча будто-бы возвращается на то лицо, от которого она исходила.

Таким образом, порча и ее лечение в общем и целом основаны на одном и том же принципе—на уверенности о возможности действия на предметы и явления путем воздействия на их часть или подобие.

Поскольку для исправления не требуется особой бесовской силы, а требуется только знание колдовской «закономерности», выполнение которой обязательно приводит к желательному результату, постольку же не обязательно таковое присутствие этой силы и при порче, хотя в настоящее время считается, что портить могут только колдуны, а лечить—просто знающие.

Таким образом, бесовская сила и т. п. атрибуты колдуна есть явление позднейшее, возникшее главным образод под влиянием христианского миросозерцания и агитации его служителей, а также отчасти потому, что колдовские обряды настолько уже чужды современному миропониманию и логике, что кажутся непонятными без привлечения сюда вмешательства некоторой мистической силы.

III. ШЕВА (кликушество).

Другой вид порчи (tšyködöm) у Коми известен под именем «шева», в Ижмо-Печерск. крае—«лишинка», на Удоре и у пермяков—«iköta».

Слово «шева» в пределах коми языка трудно этимологизировать с каким-либо другим словом. Г. С. Лыткин в своем словаре разлагает это слово на два элемента: шы + ва, получая части со значениями соответственно — звук (шы), вода (ва), т.-е. звук воды. Такое осмысление нужно считать искусственным.

Гораздо лучше это слово объясняется по принципам яфетической теории. Имеется грузинск. šva рука [1]) и арабское šiwa положил, т.-е. сал-берское слово от семантического ряда «рука—вложить — положить». В коми языке этому соответствует ševkńitny—отмахнуться (рукой).

В таком смысле значение слова шева вполне соответствует как самому содержанию поверий о шева, так и названиям других видов колдовства. Испортить вообще значит kerny или karny, т.-е. «сделать». Испортить, заколдовать человека или животное ki-mešt́itny, от слова ki рука, т.-е. наложить руку, переменить руку. Kid-tyny значит или отбить от руки домашнее животное так, чтобы оно не стало узнавать своего хозяина, или разлучить вообще (например, мужа с женой так, чтобы обе стороны не могли выносить друг друга). Название для руки во всех угро-финских языках созвучно со словом kid, напр. черем. kit, морд. ked́, остяц. kẽt, финское käte и т. д. [2]).

Таким образом по указанной этимологии слово «шева», как и названия всех других упомянутых видов порчи, связывается с названием руки, как хозяйствующего органа, могущего участвовать как в положительной творческой работе реальной, так и в отрицательной, разрушительной, в порче.

Шева представляет собой проявление определенного вида болезни, истерии. Женщины-коми страдают этой болезнью в сильной степени. В некоторых районах редкая из женщин свободна от нее. Некоторые исследователи считают эту болезнь в известном

---

[1]) Сообщение акад. Н. Я. Марра.

[2]) J. Szinnyei. Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, 20.

смысле заразительной. На Печоре шевой заболевают женщины вскоре же после своего замужества. Большую роль при этом играет психическое предрасположение, так как обычно после замужества женщина уже ждет этой болезни и в этом направлении настраивает свою психику. Но замужество не играет исключительной роли, так как заболевают и девицы, особенно состарившиеся. Мужчины заболевают этой болезнью гораздо реже. В некоторых местах считается, что мужчина будто бы не может вынести этой болезни и умирает. Форма проявления бывает очень разнообразна. Точно также и степень выражения болезни бывает неодинакова.

Нервно-патологическая сущность болезни „шева“. Объективной стороной болезни является по мнению Држивецкого особый вид истерии, Corea maqna [1]).

Доктор Краинский в результате продолжительного изучения кликушества в Смоленской, Тверской губерниях пришел к выводу, что «кликуши — сомнамбулы и в случае эпидемии (психической А. С.) заболевают именно и только люди, расположенные к сомнамбулизму.

Сомнамбулизм есть медико-психологическая основа болезни, а бытовые условия и народные суеверия составляют внешнюю картину ее» («Порча, кликуши и бесноватые», 208).

Врач Устькуломской больницы сообщил мне следующие симптомы у одной больной. В Петров день на празднике женщина поела очень обильно. Случился припадок, позвали врача. Врач нашел такую картину: больная с широко раскрытыми глазами сильно кричала, производя руками неправильные движения. Врач констатировал резко выраженный дермографизм (при надавливании кожи или при проведении ногтем по коже на груди появляется краснота, что свидетельствует о невралгии сосудов). Анатомического перерождения в нервном аппарате, однако, не было. Были налицо: функциональное расстройство, повышенная чувствительность и раздражительность. Мнительность точно также была резко выражена. Присутствующие сообщили, что больная часто жалуется на боли головы, «сердца» и т. п. Обычное состояние вялое. Указанный врач заболевание связывает с явлениями в области половой сферы, а также желудка. Вдовам обычно рекомендует выйти замуж. Корни болезни, конечно, лежат глубже, именно в обществен-

---

[1]) Медико-топография Устьсысольского уезда, 92.

но-трудовых и культурно-исторических условиях жизни Коми вообще и женской половины населения в частности.

В виду того, что психо-патологическая сторона этого вопроса требует от исследователя специальных познаний, меня в данной работе интересует чисто этнографическая часть,—система народных представлений, объясняющих эту болезнь с точки зрения своих воззрений на мир, сложившихся в процессе историко-культурного развития. Нервно-физиологическая же сторона вопроса оставляется мною в стороне и задевается только вскользь в ожидании этнографа-врача.

Внешний вид шевы. Шева представляет собою, по мнению Коми, существо материальное, могущее принимать самую разнообразную внешнюю форму. Чтобы незаметно попасть в организм человека через пищевод, дыхательное горло, через ухо и т. д., шева принимает вид волосинки, маленького червячка, бабочки, нитки, узла из ниток, насекомого с крыльями и с жалом, просто соринки и т. п. Такой вид, однако, рассчитан только на то, чтобы незаметно попасть в организм человека. После же попадания в организм, а также и раньше, когда она находится еще у колдуна, шева может иметь и различные другие формы. Если Коми увидят у кого-либо во рту волосинку, попавшую вместе с хлебом, то обязательно предупреждают об этом и друг другу помогают вытаскивать ее изо рта, предполагая в ней шеву. На улице не возьмут в рот хлеба, не сдунув предварительно приставших к нему волосинок; ни один Коми не начинает пить, не дунув предварительно на питье.

Шева, передаваемая в виде соринки, не в состоянии поселиться в организме намеченной жертвы, если последняя при приеме съестного заметит эту соринку и скажет об этом вслух.

В с. Слобода рассказывают случай, как во время чая прилетела маленькая бабочка из «кывта» (часть избы, где женщины стряпают) и села в чашку одной гостьи. Последняя не посмела попросить переменить чашку, хозяйка же, наоборот, заставила ее выпить и в результате у женщины появились признаки порчи. Лицами, распространяющими шеву, являются tšyködtšiš'и, особый род знахарей, являющихся по преимуществу злыми. Нередко бывает, что человек, слывущий за знахаря, раздающего шеву, лечит в то же время других, или же больные, подозревающие данного знахаря в порче, приходят к нему, чтобы он облегчил их страда-

ния, т.-е. чтобы несколько укротил их шеву. В этих случаях колдун парит больного в бане. Tšyködtšiš'и этого типа бывают мужчины и женщины, чаще женщины, так как и больными в преобладающем большинстве являются женщины.

Спрашивается, каким образом фабрикуются эти шевы? Некоторые полагают, что они получены колдунами одновременно с получением колдовской силы у своего хозяина-повелителя, злого духа. Другие же указывают, что шева может быть приготовлена колдунами самостоятельно. Приготовляют ее из брошенной сосновой иглы от печной метлы. Кроме того почему-то думают, что ее можно приготовить из черемуховых сердцевин, выбрасываемых при выделке тонких связей для прикрепления кос к рукоятке (kosa sargi), приготовляют шеву также из пепла. Наконец, можно приготовить ее просто из сора. Способ приготовления шевы неизвестен.

Как-бы то ни было шева чаще имеет вид маленького животного, червячка, бабочки, чаще ящерицы, жука и т. п., эти червячки хранятся обыкновенно где-либо в голбце, в хлеву, а то и вне дома, в бураках или в берестяных корзиночках (чуманах). Есть даже бранное слово «шева чуман». Как и всякое живое существо, шева имеет потребность в пище. Колдун принужден бывает кормить их, часто собственным телом. Это происходит тайком. Существует много рассказов в роде нижеследующих:

Одну женщину из с. Визинги будто-бы выследили, как она, переправившись за реку, снимала с себя в кустах шиповника одежду и здесь кормила своим молоком хранившихся в недоступном месте шев,—последние в виде червячков свободно ползали по ее телу.

Другая молодуха часто спускалась в хлев. Однажды свекровь услыхала, что она там что-то очень тяжело вздыхала. Потом будто-бы оказалось, что молодуха разделась донага и, подпустив к своим грудям ползавших по ней червячков, кормила их собственным молоком. В следующий раз свекровь увидела корзину, в которой в пуховом гнезде шевелились шевы в виде червячков (ƀegl'ašeny), она взяла корзину и бросила в печку. Шевы стали гореть с большим треском. В это время прибежала молодуха с поля, где она работала, с криком: Oj, sottši! Oj, sottši! (Горю! Горю!). Вообще жизнь колдуньи связана с сохранностью «шева чумана». Если бросить «шева чуман» в печку, колдунья умирает.

Один коквицкий крестьянин рассказывал о своей жене, скоропостижно умершей, как он обнаружил, что она была колдуньей. Как-то случайно он нашел у нее „шева-чуман“ и немедленно бросил ее в печку. В результате сожжения „шева чумана“ и умерла его жена. В данном случае, возможно, что он был виновником смерти своей жены, более непосредственным, чем таким, как он это изображал, но общераспространенные взгляды о колдовстве давали ему возможность рисовать свою роль в более безобидной форме.

Неловкая колдунья, не сумевшая распределить шев, должна расплачиваться за это своим организмом, кормить их как грудных детей.

Кроме того шевы требуют для себя и работы. Поэтому по ночам владелец высыпает на пол пуда четыре ржи и приказывает шевам собрать ее к утру по зернышку. Поэтому tšyködtšiš'и стараются сбыть с рук свои шевы, направляя их по адресу тех или иных людей. При этом пользуются моментом отсутствия бдительности у своих жертв и в праздничные дни, когда у всех бывает приподнятое настроение, когда люди приходят в более тесное общение друг с другом, позабывая принять меры предосторожности, тогда tšyködtšiš'и кладут свои шевы во все съедобное.

А. В. Красов приводит существующее мнение, что иногда шева входит и в животных: коров, лошадей, собак; они испытывают одинаковые с людьми последствия от присутствия шевы [1]).

Шева передается с лакомствами, с хлебом, с вином, с пивом, то в виде волосинки, то в виде червячка, бабочки или соринки. В некоторых местах думают, что часть ящерицы колдунами сушится, затем размельчается и уже в виде порошка подсыпается к еде. В других случаях расставляется шева по определенным местам, на перекрестке дорог, где больше людей проходит. Если шева предназначена кому-либо лично, то кладется она в те места, которые чаще посещаются данным человеком, при этом выбираются места более тесные, неудобные с таким расчетом, чтобы человек тут непременно выругался. Такими пунктами на дорогах являются раскаты, ухабы, высунувшиеся пни, обрывы, концы огородных кольев, а в домах столбы у ворот, пороги, лестницы, ведущие

---

[1]) «Зыряне и Степан, еп. Пермский», 81.

в хлев и т. п. Здесь шева уже автоматически, при произнесении ругательного слова, входит в человека.

Вообще считается, что шевы на улице имеется в таком же количестве, сколько там летает комаров. Шева, предназначенная кому-либо, принуждена ждать удобного времени, часто целыми годами, так как менять свое местонахождение произвольно ей нельзя, за исключением тех случаев, когда она пускается на далекое расстояние. В человека шева может попасть, по мнению некоторых, только на близком расстоянии и только в тот момент, когда у человека бывает открыт рот. По мнению удорцев «iköta» может зайти в человека в виде простой ящерицы, последняя заползает внутрь его, в то время, когда он неосторожно заснет на земле.

Пермские Коми считают, что шева (iköta) может переходить сама произвольно от одного человека к другому во время сна. Одному мужчине из с. Палевиц шева была положена на куртку в виде волосинки, которая незаметно подвигаясь, забралась в рот.

Случается, что шевы назначаются человеку, живущему от колдуна за сотни верст. Тогда шевы пристают к возам извозчиков и едут с ними незаметно до соответствующего места и затем терпеливо выжидают случая, чтобы зайти по месту назначения; не дождавшись такого случая, они забираются иногда и в другого, позабывшего принять меры предосторожности, человека. Шеву могут получить мужчины, женщины и даже дети. В д. Конша указывали на 2-х летнего ребенка, испорченного шевой. Говорят, что иногда ребенок, едва начавший говорить, бывает уже испорчен (tšyködöma). В таких случаях считается, что дети страдают по вине родителей.

Характер, поведение человека, одержимого шевой совершенно изменяются и все его поступки, часто выходящие из ряда вон, приписываются уже не ему самому, а той шеве, которая в него вселилась.

Шева, попавшая в организм человека, начинает там хозяйничать. Ведет себя в высшей степени произвольно, проявляет прихоти на еду, капризничает и становится беспокойнее. По своему желанию она передвигается с места на место в организме человека, то поселяется в животе, то поднимается в глаза, то подкатывает к сердцу, обычно сидит на диафрагме (šöl̈öm potšys vylyn).

Наиболее частые боли от нее ощущаются, как боли «сердца» (śolömad kutśiśas, śolöm-tö ńakavny kuttśas), в результате каковой «начинает позывать на рвоту». Бросается в голову, тогда голова начинает болеть. А то подкатывает к горлу и начинает душить человека. В этом случае шева может довести человека до смерти. В предупреждение этого больные женщины перевязывают шею шелковой или волосяной ниткой. Со смертью носителя шевы, в том случае, если последняя не смогла заблаговременно выйти, она, как некоторые говорят, умирает. На Ижме считают, что перед смертью больного его шева выскакивает изо рта, поэтому человеку, имеющему шеву, при смерти кладут в рот кусочек ладана, чтобы помешать ее выходу. В других местах считают, что прежде, чем шева не выйдет из больного человека, больной не может умереть, а будет бесконечно мучиться. Так, одна женщина, по рассказам, не могла умереть, так как «лишинка» была внутри ее. Пришлось ей согласно ее просьбе, положить в рот таракана (шева в свое время зашла в нее в виде черного таракана). Во избежание этого больные заранее завещают свою болезнь тому человеку, который возбуждает в них злобу, в этого человека она заранее и поселяется (Ижма). Если же шева до смерти не имела случая «выскочить», то переходит, по мнению некоторых, уже после смерти обладателя на его обмывальщика. Но прежде, чем довести человека до смерти, она претерпевает некоторые стадии развития. Шева, попавшая в тело в виде незаметного существа, начинает там расти. Она питается (буквально «грызет») наиболее вкусными тканями организма. Особенным лакомством для нее считается глазной белок.

У пермских Коми считают, что шева может дорасти до величины сапожной колодки, а по мнению ижемцев, она «имеет вид черной кошки». И чем дальше, тем сильнее укореняется шева в организме человека.

Когда у человека замечают неестественную икоту или обычные признаки шевы, стараются болезнь напугать. Так в д. Каринской, одна женщина рассказала следующий случай про свою бабушку: «Муж пришел с охоты, принес несколько штук зайцев. Жена сидела на краю печки и сильно икала. Муж взял отрезанную заячью голову и с криком—«на, ешь!»—неожиданно подскочил к ней. Та опрометью бросилась вглубь за трубу с восклицаниями: «oj śois, oj śois! (съел, съел!)». Так вскрикнула она раз шесть,

а потом уснула. После этого икота никогда больше не обнаруживалась».

Существуют специальные травы от шева: «usa-turun», «lebaturun», «bronetś», «ńikön-turun», которые растут по мелким речкам. Видеть их мне не удалось. Употребляется для этой цели также белена, поят ее отваром.

Бывают случаи, что шева иногда будто-бы выходит вместе со рвотой. У одной женщины на Печоре «вышла» в виде шмеля, «идет по полу и пищит» (tśipsö), у другой из уха «выпал» как-то в виде червячка, у третьей выпала изо рта в виде птичьего яйца, у четвертой «пол ящерицы с задней парой ног вылезло изо рта» и т. д. Несмотря на внешний вид маленького животного, шева, однако, неуязвима для ножа,—если ударить ее ножом, то только позвякивает (źilgö). Единственным средством уничтожения является сжигание. В печке шевы горят будто-бы с сильным треском.

Первое время еще бывает надежда «выгонить ее» какими-нибудь сильно действующими веществами, вызывающими рвоту, поят в таких случаях, кроме отваров от вышеупомянутых трав, табачной водой, щелоком, олифой, костяным дегтем. Для мужчины деготь добывается от костей быка, а для женщины—от костей коровы. Иногда выживают мочей и т. п.

Если шева в первое время не вышла, то в дальнейшем уже не выгнать ее никакими средствами. Через некоторое время она покрывается шерстью и может даже самостоятельно заговорить. Говорит не всякая шева. Одни обычно проявляют себя в более безобидной форме, другие же бывают буйные, «дур-шева». Объяснение о существовании отдельных видов шевы приводится следующее: менее мучительной бывает шева, развившаяся от хвоста ящерицы, наоборот, неистовой бывает та, которая получилась от ее головы. Шева от головы ящерицы по истечении определенного времени может заговорить. Обычно колдун дает срок, иногда до 15 лет, до истечения которого шева не должна показывать своего голоса. Говорит, конечно, сам человек, но от имени другого существа. Шева заговаривает чаще всего во время того или иного припадка. У больной в этом случае совершенно изменяется голос, он бывает отрывист, неровен, визглив. Иногда разговор бывает совсем несуразным.

Шева считается вещей и потому в случае припадка окружающие настраивают разговор больной на желательную для них тему. При этом обращаются непосредственно не к больному человеку а к его шеве, которая отвечает не только на вопросы, но становится иногда и совсем болтливой. Первым делом стараются узнать, кто является причиной шевы, кто дал ее. Шева указывает на то или другое лицо, называя их «папенькой» или «маменькой». Рассказывает, как и при каких условиях она попала в данное место, как раньше ее держали и каково теперь живется. Население часто расспрашивает шеву о пропавших вещах, о будущем и т. д. Иногда, в случае необходимости, нарочно приходят к ней и вызывают припадок для расспросов. Правда, это не всегда удается, а только в случае хорошего настроения шевы: она очень капризна. Кроме того, она часто бывает лицеприятна: к одним относится сурово, к другим-же более добродушно. Поэтому прежде, чем приступить к расспросам, стараются шеву задобрить приятными ей разговорами, комплиментами или обещанием удовлетворить ее прихоти на еду.

Шева чаще всего говорит у женщин, у мужчин-же редко. Это объясняется тем, что колдуны боятся горячности мужчин и потому принимают меры, чтобы их дело не обнаружилось. Это не значит, что мужчинам даются более безобидные формы. Им также можно дать голову ящерицы, но язык ее предварительно перевязывают конским волосом. Встречали будто-бы лиц, которые выкапывали на зимней дороге с обледенелой санной колеи выпавшие случайно с конского хвоста волосинки для упомянутой цели. В том случае, когда у шевы язык перевязан, она не может говорить и поэтому нельзя узнать, кто причинил болезнь, но тем не менее такая шева может мучить человека не в меньшей степени, чем говорящая.

Как в момент передачи, так и потом, будучи внутри человека, шева имеет разные виды и в зависимости от этого и разную величину. Иногда человек ощущает ее у себя под кожей в виде мышонка, иногда в виде маленькой птички, а то и маленького человека. У одного лесника из Позтыкероса были две шевы в виде птичек. Они иногда поднимались к горлу или появлялись в груди и там резвились и чирикали. Это явственно ощущал больной и просил посторонних приложить ухо и послушать. Говорящая

шева, повидимому, всегда принимает вид маленького человека и называет себя по имени (иногда с отчеством).

Прихоти шевы. В зависимости от принадлежности к тому или к другому полу шева имеет соответственные прихоти. У одной женщины в д. Лопидин по Локчиму были получены от одного человека две шевы. Одна называла себя Катериной, а другой величал себя Иваном. «Иван» (когда женщина выступала от его имени) все время вел себя непристойно, сквернословил, угрожал, требовал себе вина, а «Катерина» имела пристрастие к конопляным семенам. «Она» так жадно набрасывалась на эти семена, что горстями бросала их в рот. У другой женщины в Визинге долгое время служившей в богатых домах в прислугах, особенное пристрастие имела шева к более изысканным сортам вина: она требовала «коньяк», «тенериф» и больше ничем не удовлетворялась. Благодаря требовательному Ивану, Лопидинская женщина пропила все свое имущество. Некоторые женщины в силу пристрастия своей шевы к табаку начинают курить, несмотря на строгий взгляд населения на курение женщин. У иных бывает пристрастие ко всему горькому, тогда они истребляют в массовом количестве горчицу, редьку, перец и т. д.

Принадлежность шевы к тому или другому полу иногда приводит к более глубоким странностям поведения. Так, в той-же Визинге имеется женщина, которая не может делать той работы, которая считается чисто женской, напр., стряпать хлеб, нянчится с детьми и т. д. В таких случаях она приходит в раздражение и ей приходится бросать работу. Некоторое удовлетворение получает она, когда закуривает. При всем этом она, «как мужчина», приходит в дикое буйство, сквернословит, избивает детей и т. п., требуя при этом для себя красную рубаху и лакированные сапоги [1]).

Вот один из типичных рассказов местного населения, который сообщила мне сестра больного.

«Папа—А. получила tšködöm от Мординской А. Эта колдунья, как известно, в обращении очень милая, а на самом деле: «язы-

---

[1]) Данный ряд фактов интересен в том отношении, что может пролить известный свет на перемену пола, встречающуюся у народов С. Восточной Азии и Сев. Америки.

ком мягко стелет, да жестко спать» (kyvnad sija oz dojd). Пригласила она «Папа—А.» в гости, тогда и дала ей шеву. Через несколько недель шева уже и заговорила (gorödtśis)—очень быстро выросла: Мординскую А. шева называет матушкой; могла заговорить шева потому, что матушка забыла обвернуть волоском ее язык. Когда шева начинает у ней говорить, то поднимается к горлу. Люблю, говорит, очень кушать глазные мускулы (śin-jaj), это очень вкусно. Сквернословит (sötkö i mat'kö), совершенно не стесняясь своего мужа. Потом три раза посылали мужа к знахарке А. просить, чтобы она немногоприукротила свое «чадо» (med ölödas). В результате этого, шева стала вести себя поскромнее».

Взять обратно раз данную шеву, часто не может даже сам знахарь, так как в этом случае, она переходит на одного из его «родни», из знающей-же братии.

Описание припадков. Как было уже упомянуто, шева мучает человека приступами, в промежутке которых он чувствует себя более или менее нормально. Но часто бывает достаточно какого-либо слова, запаха или-же неприятного зрительного впечатления, вызывающего брезгливое чувство (упоминание налима, червяка и т. п.) или просто небольшого волнения, чтобы получился у соответствующего субъекта приступ.

У одной Позтыкеросской женщины tšyködöm пришло в раздражение из-за незасоленной ухи. Эта женщина обедала у П. Ф. из Конши. После обеда ее стало позывать на рвоту (s'olömas kutśis'ema) и стало душить «oj! viis, oj! pödtis!» (ой! убил, ой! задушил!) выкрикивала больная. В таких случаях, даже причищают больного, ожидая смерти. Другая женщина начинала повторять бессмысленное «dźe-dźe-dźe», если кто-либо при ней произносил слово—«редька».

Можно вызвать шеву на разговор обещанием приятного, напр., вкусной еды, соответствующей прихотям больной.

В д. Jövnörys на Вашке была икотница — старая девица Дарья. Обычно молодежь приставала к ней с вопросом — кто дал ей икоту.

— «Если не скажешь, то принесем голову налима и сунем тебе в рот—прибавляли тут-же»,

При этих словах у больной начинался приступ. Он проявлялся в мучительном икании. Кажется при этом,—говорят очевидцы, что

все внутренности собираются выйти: «ыа! ыа!»,—ритмически начинает выкрикивать Дарья, вытягивая шею. Голос делается все глуше и кажется, что идет он откуда-то из глубины. Продолжительный приступ вызывает у нее головную боль. Больная вся краснеет, ее бросает в пот (другие-же больные. напротив синеют)».

Приступ у Дарьи продолжается, обычно, довольно долго. Получается в таких случаях в высшей степени мучительное положение у «одержимого»: с одной стороны физическая боль, с другой стороны сознание своего бессилия, воспротивиться намерениям злостных экспериментаторов. В результате сеанса у больной обыкновенно всегда бывает приступ злобы и бешенства. В состоянии аффекта больные могут совершить даже преступление. Иногда бывает достаточно увидеть им того или другого человека, чтобы при одном воспоминании о пережитой от него неприятности, снова возобновился приступ [1]).

Мне пришлось в с. Ижме наблюдать приступ у одной женщины по имени Павла (Gogö-götyr). Она—вдова, лет под 60. Знает сва-

[1]) Параллельно с этим интересно отметить, что на ряду с такой ненормальной раздражительностью женщин-кликуш по поводу напоминания им тех или других представлений, наблюдается у многих мужчин также весьма странное реагирование на некоторые обычные предметы разговора. Некоторые лица просто не выносят определенных предметов и приходят в ярость, когда кто-либо им об них напоминает. Так, один коквицкий кр-н не выносил, если при нем произносили слово «уха». Хотя он уху употреблял в пищу, тем не менее, никто из домашних не смел при нем употребить этого слова в разговоре под угрозой быть жестоко избитым. Вместо того, чтобы сказать «поставить в печку уху», домашние должны были говорить „поставить в печку горячую воду» и т. п. Другой приходил в буйство, если его называли по отчеству, а не просто по имени. У каждого подобного человека, обычно, бывает свой особенный предмет, по отношению к которому он не равнодушен. Часто предмет такого неравнодушия становится прозвищем данного человека. При помощи таких возбуждающих слов очень легко у человека вызвать аффект и он в этом состоянии, не помня себя, способен совершить убийство. Молодежь часто пользуется слабостью некоторых и дразнит их нарочно ненавистным им словом. Один крестьянин из с. Палевиц хватал в этом случае первое попавшееся в руку оружие,—косу, топор и т. п. и зимой, среди ночи, босиком, гонялся за обидчиками. Другой заехал косой в окно дома, где сидело много гостей и куда зашел один из досаждавших. Чаще всего предмет раздражения бывает связан с каким-либо неприятным моментом жизни, рисующим человека в смешном положении и т. п.

дебные причитания. Павла боится, между прочим, горчицы. Непосредственной причиной приступа было следующее обстоятельство. По просьбе квартирохозяйки (Павла жила в нянька̀х у хозяйки дома) она привела ко мне ямщиков, которые запросили вдвое дороже нормальной стоимости. Накануне были попутчики, которые также много запрашивали. Присутствовавшие высказали предположение, что эти ямщики запросили так много по наущению Павлы. Тогда я по неосторожности спросил местное прозвище у Павлы. Любители зрелищ передали это ей за намерение с моей стороны взыскать с нее. В это время у нее начался приступ. С внешней стороны она держала себя спокойно: продолжала даже свое рукоделие, но при этом мучительно икала. Колебания грудной клетки сопровождались ритмическими восклицаниями: о́й-йой, о́й-йой, о́й-йой о́й-йой... По своему ритму восклицания имели характер трехстопного хорея с ударением на первом слоге и с перерывами между «стихами», причем первое ударение, совпадавшее с физиологическим толчком всей грудной клетки, было похоже на взвизгивание. С течением времени характер ритма изменялся. После продолжительного повторения трехстопного хорея, начались отрывистые: ой!.. ой!.. ой!.., потом менее мучительные: ох-да, ох-да, ох-да... Через маленький промежуток времени тяжелое: ух! ух! ух!. В связи с реагированием зрителей приступ опять усиливался: ой-йой-да, ой-йой-да, ой-йой-да... ох!.. ух!.. ух!.. Более протяжное: о̆-о!.. о̆-о!. Самый толчек, или, скорее наоборот, первый слог всегда совпадал с толчком. После продолжительных протяжных вздохов приступ при возобновлении соответствовавшего внешнего раздражения снова возобновлялся и проходил все этапы своего развития. В промежутках между восклицаниями больная просила больше не разговаривать с ее шевой, просила оставить ее самое в покое, жалуясь на то, что у нее сильно болит голова.

Раздвоение сознания. При настойчивом раздражении и попытках заговаривать на соответствующую тему у нее, как сообщают, появляются реплики. Тогда Павла начинает говорить от имени своей шевы. Сознание у нее раздваивается. Раздвоение происходит в тех формах, какие являются обычными по общераспространенным взглядам. Одни слова принадлежат самой носительнице шевы, а другие произносятся от имени нового лица, которое считается поселившимся в ней. У Павлы этот разговор при раздвое-

нии личности выражается так: «Я ведь в штанах»,—она говорит (me-pö gatśa) [1]). «Если надену их, то и моей носительнице (т.-е. Павле) придется надеть. Да! Да! это потому, что я имею то-то, а не то-то» (идет пространное объяснение относительно своего мужского пола на вульгарном языке. А. С.). Здесь «я» олицетворяет не Павлу, а другого кого-то, называющего Павлу в 3-м лице.

Доктор Мартынов [2]) приводит случай, когда у одной печорской женщины были две шевы,—одна имела человеческий вид, вид мужчины, а другая была просто «вороной». Когда ее сознание настраивалось сообразно природе первого существа, женщина чувствовала себя как-бы мужчиной, «наряжалась в мужской костюм, надевала шапку и отправлялась под окна тех домов, где собирались девушки, а когда она была «вороной», садилась среди улицы в лужу или на снег, хлопала руками и каркала как ворона». У женщины Дарьи из с. Палевиц, перемежающееся сознание обнаруживается, не сопровождаясь особыми мучениями. Между прочим, для своего излечения Дарья регулярно посещает всякие святыни, находящиеся по близости, во время крестных ходов старается быть ближе к священнику, выбирает при совершении молебствия такие места для стояния, что-бы ей попала «святая вода» при окроплении, целует освященные предметы,—крест после молебнов, иконы.

Однажды, пришла она к соседке, поцеловать икону, находившуюся у ней на божнице и которую кто-то ей порекомендовал, как чудодейственную. При осуществлении этого решения, загорелся спор между носительницей и ее шевой. «Шева» говорит: «og okav og okav!», т.-е. «не буду целовать, не буду!» А сама:—«okala! okala!», «а вот поцелую, нарочно поцелую!». В результате спора Дарья все-таки поцеловала нужную икону. Для того, чтобы шева не поднялась к горлу и в голову, она на шее носила шелковый шнурок. Другие для той-же цели повязывают шею конским волосом.

Шева говорит обычно голосом всегда отличным от своего хозяина-владельца, она иногда, когда спокойна, по детски шепелявит,

---

1) Женщины-крестьянки у Коми, обычно, не носят штанов.

2) Печорский край. Очерки природы и быта, население, культура, промышленность. СПБ. 1905, стр. 223.

а то визжит в раздражении, или в тяжелых случаях голос изменяется до неузнаваемости (см. выше). В некоторых случаях, когда шева по причинам неясным для окружающих не говорит, она считается глухонемой.

У одной старой девы-нищей из с. Палевиц Vaś-Van'-Ögrö была дурная шева и она жестоко мучила обладательницу. «Шева» приходила в раздражение по всякому поводу,—неприятного-ли разговора, нелюбимого-ли блюда и даже при простом упоминании о каком-либо неприятном моменте. В этих случаях нищая приходила вся в трепет, начинала трястись, биться головой и конечностями, глаза закатывались. В этот момент Vaś-Van'-Ögrö начинала разговор уже, не помня себя, от имени сидевшей в ней шевы. Шева рассказывала с подробностями о своем происхождении, о своем имени и т. д. Сообщала, что она в кумачевой рубашке, в сапогах с красной оторочкой (мужского пола), в картузе (рисуется франтом). Если припадок случится на улице, то женщина тогда кладет рукавицу на снег и начинает бесцельно бегать в продолжение получаса. Когда шеве предлагают выйти из человека, то женщина резко прискакивает и произносит: «Нет, пока мои ноги еще вот как резвы, этого не будет; когда они будут прижаты между двумя досками (т.-е. в гробу. А. С.), тогда выйду и заберусь туда, где имеется самовар. Долго уж я питалась прошеными мелкими кусками! Мне нужно квашеную репу и кислый квас!» Когда при этом ей сообщали хвастливые слова другой шевы, выдававшей себя за «калачёвые уста и пряниковые губы», она с сарказмом сообщала, что на самом деле та всего-навсего «гадина голова» (голова ящерицы). «Калачевые уста и пряниковые губы» были у Vaśe-S't'ep-götyr, крестьянки из с. Палевиц, у которой шева была очень болтлива—сообщала о себе, что она может уменьшаться до величины ячменного зерна и увеличиваться до величины годовалого щенка, что когда она «за работой», т.-е. причиняет мучения своей обладательнице, тогда сама ужасно устает, но тем не менее принуждена все это проделывать, потому что «так приказано». Действительно, после припадка женщина тяжело начинала вздыхать: «Уп!.. Уп!..» У одной женщины в д. Vylvidź на Вашке были две шевы: одна—женщина, другая—мужчина. Они ужасно мучили владелицу. Иногда по неделе валялась женщина на постели. Женской породы шева, между

прочим, называла себя «Красной Марпидой» (героиня сказки), она приходилась, повидимому, женой мужской шеве. На своего «мужа» она имела большое влияние. Когда приходили соседи для расспросов и начинали за правильные показания давать посулы, тогда мужская шева легко поддавалась соблазну получить дозу водки, или чего-либо другого, соответствовавшего мужским прихотям, и готова была сообщать о чем спрашивали, в это время вмешивалась другая и запрещала первой говорить. Сама она, как «Красная Марпида», была очень горда и не поддавалась никаким посулам. Если посетитель начнет дразнить шеву нелюбимыми разговорами, то больная в разъярении бросается на обидчика с кулаками, хватает мужчин за половые органы с целью причинить боль и т. п. В случае очной ставки шевы с шевой другой женщины, обе стороны немедленно вступают в спор. Из вышеизложенных примеров мы видим, что сознание человека не только может раздвояться, но даже троиться. Женщина может говорить то от своего имени, то от имени или одной или другой шевы.

Вот другое описание самой больной из д. Конша: «В поисках за знахарем я поехала в Четдин, а оттуда пришлось итти в Лопидин. Попала как раз в воздвиженьев день, к осеннему празднику в Лопидине. Обедаем у одного знакомого. Подали только что суп. В это время зашла одна местная женщина. Ее приглашают вместе обедать. Та отказывается, говоря, что она сегодня не может есть, ее мучает.

«Tenad-nö mitśays em-že»? У тебя красота-то есть-же?—спрашиваю я (рассказывает женщина).

— Em dert. Есть, конечно. Вот сейчас поднялась к горлу — отвечает она.

У меня в это время и подала свой голос: «ы!» да «ы!». Другие говорят, что у нас у обоих шева наверное от Ыdžyd-Anna. Тут у меня начало выкрикывать:—«чорту!» (то-есть к чорту все) «чорту! чорту!»—так быстро и четко, как сама никогда не сможешь сказать. Тогда я попросила запереть крыльцо. Мне пришлось оставить обед и лечь на лавку, а другая женщина, окоченевшая вся, посинев и раскидавшись (tśeralöma), лежала на полу».

Вообще шева не выносит, чтобы в той-же комнате одновременно была другая шева. В с. Pojol был случай в народном суде: допрашивалась подсудимая, имевшая «шеву». При допросе в ка-

меру ввели свидетельницу, считавшую себя также с «лишинкой». Как только последняя переступила порог камеры, так первая запела петухом. Вторая в свою очередь пришла в бешенство. В результате подсудимую и свидетельницу пришлось допрашивать отдельно, изолируя их друг от друга.

Кроме того шева относится очень не безразлично к своей «матушке». При упоминании ее имени она обязательно подаст свой голос, за ее интересы она стоит горой, «так же, как любящие дети стоят за интересы своих родителей». Та же П. из Конши рассказывала, как ее зятья расспрашивали однажды у ее шевы—кто является ее хозяйкой, от кого она попала сюда. После этого шева так прижала ее (zelödis da zelödis), что глаза у нее выкатились, сама почти без памяти растянулась на печке.

Содержатель Кöрткерöсской сов. станции рассказывал про свою жену, что она не может равнодушно относиться к имени крестьянина И. В. (последний слывет, как и его отец, за сильного колдуна). Если в разговоре случайно упомянут его имя, у женщины начинается беспрерывная мучительная зевота. Зевота доводит ее в результате до того, что из ее глаз начинают литься слезы.

Вообще приступы болезни бывают то более, то менее сильными, Во время сильного приступа люди приходят в буйство, у них появляется страшная сила, с другой стороны теряется нормальное сознание. Часто довольно невзрачную женщину не могут удержать несколько сильных мужчин. Многие пожилые женщины приобретают во время приступа юношескую ловкость. Так, одна старая женщина прыгала на печку, оттуда направлялась по брусьям (śor) дальше, кричала там по петушиному и как петух соскакивала оттуда с такой же легкостью на пол.

В других случаях, наоборот, больной ослабевает и падает в судорогах. На Вишере (в Богородске), куда на праздник 8 сент. стекается народ из самых дальних районов (jen ordö), мне пришлось наблюдать одну кликушу в церкви. Сначала, в более важных местах богослужения, напр., когда священник давал возгласы, она издавала визгливые звуки, которые я принимал сначала за детские выкрикивания, пока не заметил посредине церкви шатающуюся женщину. Через некоторое время она упала на холодный пол, еле шевеля своими конечностями. В дальнейшем, по-

сообщению очевидцев, она билась о каменные стены церкви. Многие при этом рекомендовали разные способы лечения. Одни советовали прикрыть ее шелковым платком, другие указывали на необходимость посадить на нее младенца. Младенец, считающийся чистым, а в некоторых случаях и обладающим даром знать будущее, действует, по воззрениям Коми, укрощающим образом на злую силу.

Ритуальная одежда. В с. Богородск на Вишере стекаются великим постом одержимые шевой женщины из разных мест Коми области. Особенно много бывает больных из с. Кершомья (старообрядческое село). Больные приготовляют ко времени богослужения специальную на этот случай одежду. Весь костюм женщины состоит из платка, рубашки и чулков. Чулки и рубашка шьются из белого холста. Рубашка шьется стежками все в одну сторону, но без подразделения на стан и верхнюю половину (как обычно бывает), а целиком из одного материала. Платок белый ситцевый, с черными точечками (śöd tśutöś). Повязывается он двумя соседними углами, так что сзади свешивается в виде полосы. Необходимо, чтобы платок был не обшит (bygörttöm). Волосы должны быть распущены, пояса не полагается[1]). Вообще нужно, чтобы на женщине не было нигде ни одного узла[2]).

У виденной мной на Вишере женщины шева говорила, что если ее отовсюду выгонят, то в узелке ниток она все равно останется, что в мучениях люди виноваты сами, потому что неосторожны, что когда огород хороший, никакая скотина не может забраться в огород для потравы.

Соотношение с моралью. Считается естественным то, что шева дается часто за те или иные проступки. Правда, с точки зрения этических догм, выработавшихся на почве развитой общественности, эти проступки часто носят характер нарушения только личных интересов колдуна. Но в виду отсутствия большой имущественной дифференциации личные интересы колдуна являются на почве колдовского мировоззрения часто типичными и для остальной части населения. Таким образом порча во многих случаях является актом мести за нарушение обычного права.

---

[1]) Сообщение А. Н. Чеусовой.

[2]) Умершим шьется одежда также без узлов и тоже в одну сторону.

Так, вышеупомянутый Поэтыкересский лесник был наказан за то, что «запротоколил» тесины, приготовленные колдуном для своего строящегося дома. Излишние придирки лесной стражи к потреблению леса местными жителями приводили к конфликту государственное право с обычным правом и лесник, по общему мнению, действительно был виноват. Но такое понимание порчи, как наказания за вину, в настоящее время уже нельзя считать общим явлением. Идея о виновности в настоящее время сведена уже к чистой формальности. Если не приняты необходимые меры предосторожности, можно получить порчу без всякой настоящей вины.

Таким образом, если передача шевы была когда-то явлением «правовым» и согласовалась с моральными устоями населения, то в настоящее время такая роль порчи не всегда сознается, являясь уже просто переживанием прошлого. Поэтому в настоящее время на этот счет твердых определенных мнений не существует: некоторые считают, что порча вообще (tšyködöm) из-за проступков (myzyś), а шева может быть дана и без всякого проступка (sija atśis, lok śilayś).

Объективные причины, вызывающие кликушество.

Что касается до объективных причин проявления болезни, то здесь подвести все проявления шевы к одной и той же причине нет возможности. Но все же можно сказать, что характерной стороной болезни является ее нервно-патологическая сущность. Большинство случаев из них могут составлять аналогии, если не к одному, то к различным формам истерии, сопровождаются нервной возбудимостью и психологической обезоруженностью по отношению к определенным видам внешних раздражений. Проявления нервно-патологических явлений могут усиливаться до сумасшествия, оставаясь, по воззрениям населения, в рамках колдовских явлений. Проявлениями же шевы объясняется целый ряд болезненных состояний, которые не имеют ничего общего с истерией. Один печорский крестьянин (тот, который участвовал в раскрытии могилы для проверки калечения трупа) объяснял, что у него «лишинку» выгнал фельдшер; вывел его в поле и здесь от принятого лекарства она вышла через задний проход в виде белого червячка. Таким образом, глиста была принята им за «лишинку». Также за tšyködöma «порченную» считается одна бородатая женщина из д. Putškömdin на Вашке. Субъективное ощущение больных, что

шева хватается за «сердце» (śölömad kutśiśe, śölömtö ńakalö), когда им становится дурно, должны быть в большинстве случаев отнесены к желудочным заболеваниям.

Что касается вопроса о существовании истерии у Коми, как бытового явления, то это обусловливается рядом причин разнообразного свойства. Здесь играют роль: общественно-экономические условия существования женской половины населения, и психо-половые особенности, взаимоотношения полов и т. д. В этом отношении нужно сказать, что районы, где наиболее сильно развита эта истерия, являются по преимуществу охотничьими (Печора, Удора) [1].

Быт охотников, как известно, во многом отличается от чисто крестьянского быта. Прежде всего в охотничьей среде существует строгая изолированность полов в течение целых сезонов. Охотники до известной степени могут считаться кочевым элементом населения. Так, напр., некоторые печорские охотники из д. Петрушино бывают дома, на месте своей оседлой жизни, только 1—2 недели, около зимнего Николина дня, все-же остальное время проводят в 350 верстах, в верховьях р. Ылыча. Некоторые вымские охотники считают для себя более нормальным пребывание в лесу и тяготятся продолжительным пребыванием в деревне. На женское население в охотничьих районах ложатся все работы и по домоводству, и по полевому хозяйству и т. д. Постоянная работа на лошади, каковая в земледельческих районах лежит уже на обязанности мужчин, в охотничьих районах тоже считается чисто женской работой.

Здесь нередко можно видеть женщину, поднимающую навоз, а мужчину, сидящего на лошади, везущего навоз на поле, тогда

---

[1]) Доктор С. В. Мартынов на основании материалов Архангельского статистического Комитета 1865 г. приводит такие статистические данные о распределении больных данным видом истерии на Севере.

Архангельский уезд—225 ж. 39 м. (Архангельской губ.).
Холм. уезд—568 ж. 15 м.
Пинеж. „ —390 „ 34 „
Мезен. „ —389 „ 37 „
Онеж. „ — — „ — „
Кемск. „ — 1 „ — „
Шенкурск. у.—3 „ — „

(«Печорский край», 228).

как в земледельческих районах последний вид работы выполняется детским населением. В с. Лопидин в зимние праздники мужчины, возвратившиеся с охотничьего промысла, часто пьянствуют, иногда картежничают, или по-просту наслаждаются бездельем по неделям, а женщины на второй-же день праздников едут за сеном, соломой на подсеки, за дровами, верст за 15—30 и больше.

Еще три года тому назад одна лопидинская женщина родила зимой на морозе ребенка, дочь Одю на возу с соломой, которую везла с подсеки за 15 верст от дома. К счастью, мать и дочь и по настоящее время еще живы. Другой такой-же случай был в с. Мордине, но они не единичны. Случаев, когда коми-женщина рожает своего ребенка на пожне, за десяток верст от дома—сколько угодно. В этом отношении они бывают иногда просто анекдотичными. Идет женщина вместе со своими домашними с пожни, ощущает родовые потуги—уединяется на некоторое время в кусты для родов, а затем нередко догоняет своих домашних где-либо около перевоза уже с ребенком на руках, завернутым в какую-нибудь часть материнской одежды. А то женщина, оставшаяся на один день дома, родив ребенка, наколет дров, затопит баню и парится там.

К непосильному физическому труду женщины часто присоединяется и нравственный гнет. Это в тех случаях, когда иные девицы не могут выйти замуж, или вышедшие замуж попадают в чрезвычайно грубую обстановку. Прибавив ко всему этому более возбуждающуюся натуру женщины, становится ясно, почему женщины подвержены порче в большей степени, чем мужчины.

Кроме того, при решении вопроса о бытовой устойчивости проявлений этой своеобразной формы истерии нельзя не принять во внимание и бессознательного подражания. Нервные припадки производят настолько сильное впечатление на женщин, что потом они с большой точностью воспроизводят это сами. Не имея никакого представления о законах психических, население воспринимает сложные проявления нервной болезни грубо реально, согласно своих материально-конкретных представлений о сверхъестественном [1]).

---

[1]) См. об этом: д-р м-ны Г. Попов. Русская народно-бытовая медицина, стр. 378—382, а также: д-р м-ны Н. В. Краинский. Порча, кликуши и бесноватые, как явления русской народной жизни, с пред. акад. В. М. Бехтерева, Новгород, 1900.

Таким образом тяжесть экономического положения, недифференцированная общественная жизнь, общность взглядов приводят к тому, что воззрения на шеву и объективные проявления болезни являются прочно укоренившимися в быте Коми.

Что касается до тех конкретных проявлений болезни именно в форме, которая представляет разработанную систему поверий о шеве, то они имеют очень древние первобытные источники и держатся исключительно, как пережиток, но настолько цельный, что чрезвычайно трудно с ними бороться и найти в них уязвимое место. Я, например, однажды хотел поставить в безвыходное положение женщину вопросом—почему нет шевы у интеллигентов. Она ответила, что это совсем не из-за того, что им не может быть дана порча, а из-за того, что «судьи»[1] далеко стоят от народа и поэтому недоступны для колдуна.

Насколько психика субъекта впервые испытывающего состояние, когда «шева» заговаривает, находится в зависимости от обычных взглядов окружающих, какую большую роль играет тут момент внушения присутствующих, свидетельствует история болезни, сообщенная мне членом Мординского Волисполкома С., человеком партийным и потому сознательнее относящимся к фактам окружающей жизни:

Девятилетним мальчиком С. был взят отцом в качестве пары для пилки дров на Богословских заводах. Здесь он пилил дрова на равных правах со своим отцом, работал всю зиму. Сотни верст[2]) пришлось итти пешком до заводов, работать там зимой, в лесу, в самых тяжелых условиях при наличии глубокого снега. Условия жизни на заводах вдали от семейства являются губительными во многих отношениях и для взрослого, вполне здорового человека, а для 9-летнего ребенка они должны были быть кошмарными[3]). Таков был общественно-трудовой фон болезни.

---

[1]) Для Коми «судьями» были все, начиная от просфорни и кончая губернатором и выше.

[2]) От г. Усть-Сысольска до Надеждинского завода Богословского округа—около 900 верст.

[3]) Детская работа с таких лет вообще является вынужденным, но большим злом вообще в зырянском быту. Из-за тяжелого труда с 10-летнего возраста у Коми детей начинает задерживаться физическое развитие (см. об этом журн. Коми-му № 3, 1924 г. статью проф. В. П. Налимова. К этнологии Коми, стр. 43—50). Я знаю случай, когда два брата,—один 13 лет, а другой 11—выжили медведя из его берлоги и убили там трех его детенышей.

Весной при возвращении домой после сезонной работы ребенок окончательно выбился из сил. Два дня отец тащил его на своих санках, пока сам тоже не выбился из сил. В с. Троицком решили отдохнуть. Затопили баню. В бане ребенок упал без чувств, изо-рта у него появилась пена. Отец стал поднимать его словами: «поднимись! пойдем!» Тот все лежал. Наконец, как ребенок очнулся, отец, решив, что он имеет дело с шевой, спросил: «kytyś te» (откуда ты?). Ребенок ответил: «pröstudittśemyś» (от простуды). Тот, решив добиться «правильного» ответа, упорно спрашивал: «откуда ты?», «как твое имя?», обещая ничего худого не сделать.

В результате бредовое сознание мальчика настраивается в один тон с расспрашивающим и он начинает говорить: «Ну вот, мы теперь вдвоем, давай поборемся».—«Как твое имя?»—спрашивают.

— Василий Иванович (на самом деле П. О.).

Продолжаются подробные вопросы, на которые даются подробные и точные ответы, в таком порядке:

— «Как ты зашла?»

— С белым хлебом:—с первым куском не могла зайти, так как сказано было: «Blaslö Kristos», а второй кусок был взят в рот раньше, чем дунули на хлеб, и я зашла. Раньше долго сидела на подоконнике, но никак не могла дождаться момента. Отец мой К.-Иван из Шешек (он работал в другой группе).

— После этого, — прибавил рассказчик, — случаев разговора шевы у меня не было, но боли в области сердца бывают; если перед и после мясного блюда не покурить—обязательно вырвет.

Вот другой случай. На том же заводе в день Рождества К.-Jak напился так, что совершенно потерял сознание: не движется, не дышет. Предположили, что человек отравился водкой. Нужно дать рвотное. В таких случаях, за неимением других средств, заставляют какого-либо чистого юношу, не имевшего еще половых сношений, мочиться больному в рот. Тот же способ вызвать рвоту, применили и в данном случае. «Опп!»—говорит—«задушили». Потом спрашивают: «Что с тобой?»—Простудился—был ответ. «Давай, скажи правду, ничего не сделаю»—говорит его брат, распознав уже «шеву».—Нет, тебя боюсь,—отвечает тот. «Как твое имя?»—Василий Прокопьевич! (Прокö—знахарь из Корткерöса). А на самом деле его имя было совсем другое. В дальнейшем, говорят, у него также не было случаев разговора.

Таким образом, истерия шевы у отдельных лиц развивается, несомненно, при условии глубокого физического истощения—это во-первых. Из приведенных рассказов ясно выступает роль бессознательного внушения, настраивания полубодрствующей психики на определенный лад, применительно к господствующим взглядам,—это во-вторых.

Меры борьбы с шевой, как с весьма мучительной и сложной формой истерии, должны быть направлены, с одной стороны, против порождающих ее условий и, с другой, против влияния общественного внушения. Корни ее лежат глубоко в общественно-трудовых и культурно-исторических условиях жизни Коми народа и потому борьба это очень трудная. Трудность эта усугубляется тем обстоятельством, что местные культурные работники поневоле сами поддаются непонятным и весьма эффектным проявлениям патологического состояния «одержимых» шевой.

Нужно пожелать, чтобы врачебный персонал в первую очередь занялся изучением и лечением чрезвычайно распространенного среди Коми народа недуга.

IV. VOMIDŹ.

Болезнь, порча и вообще неблагоприятные результаты для здоровья могут получиться не только в силу колдовского акта, т.-е. введения в тело данного человека злого инородного начала или манипуляций по принципу симпатической магии, но они иногда могут быть причинены без наличия какого-либо колдуна, человеком совершенно случайным, исключительно при одном условии откровенного выражения этим человеком своего эмоционального состояния по отношению к чьим-либо достоинствам.

Человек, вышедший из равновесия, становится источником или причиной болезненного начала по отношению к окружающим [1]. Так, достаточно выразить удивление, восторг, зависть и т. п. по поводу, например, красоты того или другого лица, чтобы это лицо, о качествах которого идет речь, серьезно заболело и при том так специфически, что никакими естественными средствами, никакими

[1]) Выйти из состояния душевного равновесия вообще считается предосудительным. Женщина, у которой вырвалось восклицание: «ой!»—сразу же спохватывается и выражает сожаление для того, чтобы не вызвать в противном случае осуждения со стороны собеседников.

обычными медикаментами подействовать на болезнь в сторону благоприятную, по общепринятому воззрению, совершенно невозможно. Иногда выражение гнева влечет за собой такое же заболевание. Обычно такое эмоциональное состояние выражается в каком-либо просто неосторожном слове, в восклицании, например: «Ах, какой ты красивый!», «Какой ты милый!», «Какие у тебя умные глаза!», «Ты румян, красив, как колобок!» и т. п. Указанное условие является непременным, но нужно сказать, не всегда достаточным.

Другим, очень важным условием нужно считать фиксацию своего внимания на факте выражения кем-либо такого неуравновешанного чувства. Этот субъективный момент констатирования наличия первого элемента, могущего причинить болезнь, враждебного слова, уже совершенно достаточен для того, чтобы объективно, с точки зрения общепризнанного, наступило заболевание человека, о котором сказано слово.

Во всех случаях мы, повидимому, имеем дело с проявлением недоброжелательного чувства или настроения, вообще с враждебным моментом для данного лица. Упомянутое обстоятельство очень ясно выступает на обычае пермяков—не подпускать близко к детям постороннего, только что зашедшего в дом человека, прежде, чем успеют ему подать или воды для питья, или кусочек хлеба для еды. Данный обычай, повидимому, имеет тот смысл, что чужой, посторонний человек по самому своему положению является опасным. Тогда как тот же посторонний человек, нашедший для себя в данном доме пищу и питье, становится как бы своим и потому уже не таким опасным.

Немедленно, после проявления второго момента, т.-е. фиксации внимания субъекта на опасности, может наступить эффект—человек в той или другой части своего организма почувствует острую боль, как бы простреливается: ťsukis (вонзилось)—как выражаются в таких случаях. Весь процесс этого явления хорошо передается местным русским выражением: «слово—пуще стрела», т.-е. «слово хуже стрелы».

Существуют много различных вариантов сочетаний двух субъектов, необходимо участвующих в этом процессе порчи при условии участия тут еще и категории третьих существ, или предметов, которые, не участвуя в порче ни активно, ни пассивно, могут

быть все-таки испорченными, например, дети, животные и т. п. Различают несколько видов порчи данного типа:

«Vomidź»—более общее, родовое название порчи. Термин «vomidź» имеет корнем vom—рот. Источником порчи, таким образом, считается рот. Невоздержанный человек на язык (ĺok-voma) является в то же время опасным человеком, несущим порчу.

Существует другой термин «urkńittśöm», корень его тот же, что и в русском «урок». Обычно последнее слово анализируется в связи со словами «речь», «рок» [1]). Если слово «urkńittśöm» расчленить можно иначе, принимая за корень «ur«, то можно допустить в этой части самобытность, так как корень «ur» в пределах языков неславянских сохранился в словах с довольно разнообразным и достаточно конкретным и близким значением, напр., удмурт. ur, коми or—гной, нечистота; чуваш. ur—беситься [2]); якут. ir—сумасшедший; коми urös (В.-Вычегод. гов.)—паршивый, недоразвившийся, ненормальный, (Печер. говор)—человеческ. двойник; коми ursaśny—предвещать, (Печер.) испортиться; коми uröd—грязный, неряшливый и т. д.

Есть термин dźugyĺttśöm. Корень этого слова—dźug (силок), dźugśiny запутаться в силке—прямое значение [3]) и запутаться вообще, попасть в беду, испортиться—косвенное.

Имеется еще термин kidtyny, ki-meśtitny, но они скорее всего должны быть отнесены к колдовству вообще, к магии, так как связаны с определенными манипуляциями, как видно из самого корня этих двух слов kid, ki—рука.

Как было уже упомянуто, непременным и обязательным условием для заболевания является субъективная мысль лица о возможности заболеть, о том, что при данных обстоятельствах имеется опасность заболевания.

Таким образом, здесь на лицо два момента: субъективный и объективный. Объективный заключается в наличии внешних условий, могущих испортить. Субъективный—в осознании опасности наступления vomidź. «Тетка принесла ребенка из бани голым и

---

[1]) А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. 1916 г., стр. 201—202. Н. В. Горяев. Сравнительно-этимологический словарь русского языка, Тифлис, 1896 г., стр. 97. Даль. Толковый словарь русского языка.

[2]) Т. Тимофеев.

[3]) Вотяцкое dzugyny—закрутить, завернуть.

стала одевать его дома, в избе. Одна из домашних подумала: „почему это она посадила ребенка рядом с чужим человеком и там в присутствии его одевает“ (она сознавала возможность пагубных последствий). В результате ребенок стал безудержно плакать. Пришлось обратиться к помощи присутствовавшей при одевании соседки».

Как было указано выше, причиной vomidź обычно является рот, то, что выходит изо-рта, т.-е. слово. Несмотря казалось-бы на такой безобидный источник, vomidź считается очень тяжелой формой порчи, которая при запущении,—если своевременно не обратить на нее внимания и не излечить,—может окончиться смертью и очень часто, по мнению Коми, действительно так и оканчивается.

Момент заболевания наступает внезапно. Обычно это воспринимается, как поражение стрелой, ощущается боль, получающаяся, когда какой-либо острый предмет вонзается в тело (ťsukas). Во всем дальнейшем описании это сходство vomidz'с травматическим заболеванием, наступающим в результате физического поранения, проявляется с большой наглядностью. Но такое сходство с поранением совмещает, однако, возможность дальнейшего протекания болезни в разных формах и разных степенях.

Обыкновенно, острая боль при vomidz' локализируется в каком-либо определенном месте, в каком-либо органе, на который был направлен возглас. В дальнейшем, подобно воспалению и чаще всего в форме воспаления, болезнь начинает распространяться вширь и вглубь и может дойти до внутренностей, до «сердца», иногда же она ограничивается пределами одного органа. Когда болезнь доходит до «сердца», наступает смерть. Этот процесс протекает иногда довольно медленно,—месяцами, и даже годами,—иногда чрезвычайно быстро, один день. Характер остроты зависит от степени ранения или места поражения. Если «зараза» началась в неважном органе, тогда болезнь развивается более медленно, протекает не в такой острой форме. Если-же поражены органы более глубокие, ближе к сердцу—то в этом случае болезнь развивается быстро и решительно.

«У С.-М.-И. в Палевицах vomdźaśśöma двухлетняя девочка из-за того, что деревенские знакомые высказали свой восторг по поводу того, что девочка растет очень быстро (taja-pö lovźan

n'an' moz lunyś-lun bydmö), сказали, что она похожа на всхожее тесто. После этого у девочки появились в груди острые боли (kotśög bośtis). Затем, она стала кричать, вся посинела и к утру умерла». Объясняют такую крутую расправу порчи тем, что болезнь проникла глубоко «до сердца» потому и выразилась в такой острой форме.

Процесс развития болезни одна женщина сравнила с тем, как поднимается тесто в квашне. Воспаленное место так же начинает пухнуть и расширяться, как на глазах пухнет и прибывает в посуде квашенное тесто. Другая женщина сравнила vomidz' прямо с пожаром: как здание воспламеняется от одной спички, а затем пламя, быстро развиваясь, начинает пожирать деревянные вещи со стихийной жадностью, так и тут болезнь воспламеняется, как пожар.

Примеры: «Две невестки жили в одном семействе. Одна, более усердная, после окончания дневной работы в сумерках садилась за рукоделие и работала в потемках в то время, когда другая невестка поджидала на печке,—скоро-ли зажгут огонь.—„Какие у тебя глаза! можешь работать в темноте"—сказала своей kev [1]) невестка, любившая после работы поотдохнуть. С этого времени у первой глаза начали меркнуть, тускнеть. Как полдень, она уже и чувствует приближение темноты, глаза начинают заволакиваться пленкой. Пришлось в конце концов итти к знахарю».

«Какие у тебя ноги красные!»—воскликнула одна женщина, увидев у другой покрасневшие от холода босые ноги. Та посмотрела на свои ноги, подумала: «на самом деле, какие красные, что—если заболеют?» Действительно, через несколько часов она начинает чувствовать в ногах боли. Ноги начинают пухнуть. Поднимается температура. Приходится ей окончательно убеждаться, что женщина, сказавшая слова: «какие у тебя ноги красные»—испортила. При этом не считается, что она испортила только потому, что она была колдунья,—это не обязательно.

Порча наступает в результате сказанного слова,—с одной стороны, и мысли о возможности порчи—с другой стороны. Таким образом теоретически одна сторона в наступлении порчи играет активную роль, а дру-

---

[1]) На Удоре так называют друг друга жены двух братьев.

гая—пассивную. Степень заболевания, правда, зависит еще от многих привходящих обстоятельств:—так, не всякий может одинаково причинять vomidz' и, в свою очередь, не всякий одинаково легко поддается порче. Кроме того, большее значение имеет момент, состояние организма во время получения порчи, а также возраст, пол участников и т. д.

Который из этих двух моментов важнее—субъективный или объективный? В настоящее время, повидимому, тот и другой момент играют одинаковую роль. Бывают случаи, что иногда теряются из памяти обстоятельства, при которых наступил vomidź. Приходится в таких случаях гадать, какого происхождения болезнь: «от бога или от людей». Тем не менее, несмотря на такой малозаметный для субъективного сознания объективный момент, считается он достаточным для появления заболевания. С другой стороны бывают случаи, что vomidź наступает при одном только присутствии посторонних. В те моменты, когда организм считается особенно поддающимся порче, например, при акте рождения, когда требуется безусловная тайна, за исключением самых близких для роженицы лиц, тогда один факт гласности процесса рождения становится губительным для роженицы («jözaśaś»).

Суммируя вышеизложенное, можно сказать, что vomidź может наступить, как результат своей собственной мысли, т.-е. одного констатирования возможности заболевания при непременном, однако, присутствии постороннего человека. Человек, находящийся в данный момент в одиночестве, сам себя не может испортить в разбираемом смысле. Таким образом, субъективная мысль констатирования возможности порчи, как источника и причину порчи, повидимому, нужно считать более важным основным моментом в наступлении порчи. Это не исключает, однако, возможности, по представлениям более древним, проявления порчи и без субъективного момента в результате одного выражения враждебного чувства или настроения. Первоначально этот субъективный момент мог и не сознаваться.

Возникает вопрос—кто и что может испортиться от vomidź? Главным образом vomidź губительно влияет, по мнению Коми, на те предметы, которые имеют «vir-jaj» (кровь-тело), т.-е. живые предметы, как-то: человек, животные и их отдельные органы. Но могут пострадать от слова и растения и даже многие неодушев-

ленные предметы. Может быть испорчено даже действие со всем комплексом относящихся сюда предметов. Так, например, если кто-либо недоброжелательно заметил рыбаку, с удачей возвращаемуся с рыбной ловли, как много ему попало или вообще в какой-бы то ни было форме выразит свое не лойяльное отношение к удаче рыбака,—последнему в дальнейшем рыба попадать уже не будет, если он не произведет соответствующего окуривания самого себя и всех своих рыболовных угодий и т. д.

Как выше было уже указано, vomidź может наступить в результате всякого выражения зависти о превосходстве, о силе, о здоровье, об удаче, о каком-либо достоинстве того или иного человека, или живого существа. «Увидели однажды двое мужчин девицу, несущую на своем плече большой мешок, набитый травой, и сказали: «задавишься!», девица пришла домой и сразу-же почувствовала боль в том плече, на котором несла мешок. Дальше лицо распухло так, что глаза едва стали заметны». Если позавидовать успешности работы, то эта работа немедленно расстраивается. «Кузнец натягивает шину на колесо. Работа идет быстро «как по маслу». Один из участвующих говорит кузнецу — «вот и заработал рубль». В этот момент шина лопается, разрывается на части».

Вполне понятно, что завистливое, враждебное отношение и соответствующие этому слова чаще всего исходят от сторонних людей, но испортить может и член своего семейства, если он по отношению к кому-либо из домашних выразит свое враждебное отношение. Так: «Муж с женой работают в поле. Там-же находится их корова. Не имея пастуха, корова то и дело идет на потраву. Хозяин, постоянно отрываясь от работы, сначала отгоняет ее спокойно, а затем, все более раздражаясь, начинает на нее кричать, бранить всячески, бросать камнями и т. п. Жене пришло в голову, что такое отношение к домашней скотине совсем не естественно и подумала, ведь она может испортиться. Немедленно-же, как только женщина успела подумать об этом, корова остановилась, помочилась, а потом женщине показалось, что будто-бы кто-то изнутри 3 раза ткнул корову в пах. В дальнейшем, корова упала, начала издыхать. Пришлось хозяйке взять кусочки одежды с того и другого участника порчи, т.-е. с обоих супругов и окурить корову».

Vomidź может наступить при всяком враждебном крике на кого-либо. Особенно остерегаются кричать на глаза. Вместе с тем досада на кого-либо особенно у детей всегда выражается выкриком «śinmys!» (глаза-то!). Глаз вообще считается более уязвимым местом [1]). В то же время глаз-же является наиболее ясным выражением внутреннего состояния человека.

Враждебные чувства и намерения могут быть выражены во взгляде и поэтому можно испортить не только словом, но и взглядом. В с. Палевицах—рассказывают,—одна женщина родила ребенка, через несколько дней после этого, как почувствовала себя уже достаточно сильной, села за швейную машину, за шитье пеленок; в это время под окном заметила она свою соседку, обратившую на нее недружелюбный взгляд. В результате, женщина слегла и через несколько дней умерла. Как все остальные соседи, так и умирающая были уверены в том, что дело в данном случае было несомненно в порче. Умирая, женщина повторяла: «съели меня, съели».

Люди двух родов— шурыд и чорыд. Не всякий человек играет одинаковую роль при vomidź. Бывают лица, у которых слово или присутствие их самих, являются особенно губительными для окружающих. Такие люди называются «чорыд»—твердый, жесткий, скупой. Человек с противоположными свойствами называется «шурыд» [2]). Поскольку присутствие первого несет всюду вред, неудачу, болезнь, постольку присутствие второго является условием удачи, легкости выполнения всякой задачи. Психологически первый является человеком пунктуальным, систематическим, последовательным, вместе с тем завистливым, злопамятным и расчетливым, часто необщительным, неоткровенным, неразговорчивым, второй всюду вносит непринужденность, общительность, откровенность, естественность.

В присутствии человека «чорыд» совершенно не удается работа, например, стекольщиков: стекло при резке обязательно разлетается вдребезги. В присутствии человека «чорыд» у кузнеца никак не сваривается железо: кузнец принужден биться бесплодно

[1]) Глаз по языковым пережиткам представлялся Коми в виде отверстия śin-ruź («глазное отверстие»). Все пористые предметы называется śinma-peĺa, т.-е. „имеющие глаза-уши“.

[2]) У Удмурт „шурыд“ значит „щедрый“.

до тех пор, пока он не плюнет назад и не растопчет плевка. Иногда бывает достаточно такому «чорыд» человеку зайти в то помещение, где работает кузнец, или стекольщик, чтобы они, совершенно не зная его в лицо, почувствовали его «магические» свойства.

«Чорыд»-человек вместе с тем является жадным, иногда и неуступчивым. От такого человека ничего не идет «от руки». Если у него купить скотину,—она не будет жить в другом доме, не даст потомства и в конце-концов сам купленный экземпляр околеет (kiśis n'inöm oz mun). Даже картофель, купленный у такого человека, не распложается на полях покупателя. Поэтому, у «чорыд»-человека остерегаются покупать скотину, какие-либо семена и все, что должно давать приплод. В случае-же необходимости, купить что-либо у «чорыд-морт'а» или когда покупатель догадается о таких свойствах продавца, при совершении самой сделки (продавец, напр., назначил за свой товар определенную цену и ни на иоту не уступает), тогда покупатель сам должен прибавить к просимой сумме, хотя-бы копейку, в противном случае будет действовать пагубное начало, которое не даст выгоды от совершаемой сделки. Этой прибавкой покупатель как-бы освобождается от воли продавца.

Вместе с тем «чорыд»-человек, купивший у того или другого лица предмет, способный к размножению, может наказать продавца тем, что способность к размножению его скота, его семян, если были проданы семена, как бы продается вместе с той частью скота или семян, которая перешла к «чорыд»-человеку (rödys byrny kutas).

При одновременном влиянии «чорыд» и «шурыд» перевес берет та сторона, которая проявляет свои свойства в более сильной степени.

Основные свойства человека «чорыд» или «шурыд» конкретизируются в руке: приложить свою руку к чему-либо—предопределить исход дела. Побывает какое-либо животное в руках человека «чорыд», и оно останавливается в развитии, наоборот, зачнет «шурыд»-человек в лавке при своей покупке совершенно новый конец материи, в результате торговец распродаст весь остальной кусок материи в один миг.

Человек «чорыд» окружающих людей подчиняет своей воле. Но это часто не значит, что человек разговорчивый не может

быть «чорыд». Бывает, что он достигает цели как раз своей общительностью. Наконец, можно бывает узнать человека по его внешности. Чаще «чорыд-морт» бывает—брюнет, а «шурыд-морт»—блондин. У пермских Коми человек с карими глазами—«чорыд» (тип антропологически чужой), таким-же «чорыд» будет человек, родившийся с зубами.

«Чорыд-морт» является человеком тяжелым, его слово и может явиться «пуще стрела». Даже взгляд его тяжелый и этим он может часто испортить. Нужно быть очень осторожным в обращении с «чорыд» человеком. «Один кузнец в своей кузнице заспорил как-то с таким человеком, как раз о свойствах »чорыд»-человека, в результате заболел коликами и начал погибать (kotśeg bośtis). Жена кузнеца напоила его табачной водой и только после этого он поправился».

Один старик-нищий в с. Палевицах не заходил в дом для получения милостыни, предварительно не постучавши своей палкой под окном, так как знал свое свойство оказывать, независимо даже от своей воли, пагубное влияние на всякое новорожденное существо. Предупрежденные хозяева в соответствующих случаях,—когда у них бывал какой-нибудь новорожденный,—выносили ему милостыню на улицу.

Колдун в этом смысле является исключительно «чорыд». Таким-же «чорыд» являются и все те лица, которые имеют то или иное кровное родство с колдуном.

Основным-же свойством этого «чорыд»-человека, распространяющего всюду свое пагубное влияние, по общему представлению, является его жадность и завистливость. Всякая коллективная работа с таким человеком оканчивается неудачей и для всех остальных членов коллектива. Рыболовной артели совершенно не попадает рыба, если в данной артели имеется такой жадный человек.

Социальный момент вообще играет очень большую роль в воззрениях Коми на «шурыд» и «чорыд». Эта сторона была отмечена еще В. П. Налимовым, который говорит: если предки А жили хорошо с предками В, то их встречи обоим приносят удачу и обратно, неудачу—если они ссорились [1]), другими словами—

---

[1]) Загробный мир по представлению зырян. Этнограф. Обозрение. 1907, кн. 1—2, стр. 4.

в первом случае они будут друг к другу «шурыд», а во втором—«чорыд».

Но бывает и так, что один и тот-же человек для одного является «шурыд», а для другого—«чорыд».

Один мужчина из Корткероса рассказывал мне, что если он приходил куда-либо к моменту рожания, родильница моментально разрешалась от бремени. Однажды он приехал в Визябож, где одна женщина уже три дня мучилась в бесплодных потугах. Как только он зашел в ту избу и подал свой голос, сразу-же у женщины прошли мучения—она родила. Наоборот, по отношение к детям он был просто «заразой». Если на дороге немного поиграет с детьми, то за ним следуют в тот дом, чтобы украдкой унести что-либо,—лоскуток-ли одежды, соринку-ли, чтобы обкурить ими ребят, так как неизменно, после каждого такого общения, соответствующие дети заболевали, начинали беспричинно плакать и беспокойно метаться (ńekyttśe oz inaśny). Мало того, что чужие, но даже свои собственные дети от его обращения заболевали. Если он своего ребенка возьмет на руки, поиграет,—нужно потом брызнуть его водой (pyzjiny). Из этого примера видно, что один и тот-же человек в одних случаях бывает—«шурыд», в других—«чорыд».

Существует простонародная теория о том, что с тем или иным человеком кровь сходится или не сходится. В положительном случае они друг для друга являются «шурыд», притом по трудовому опыту знают, что не все люди играют одинаковую, способствующую работе, роль. С «чорыд» людьми, значит, кровь не сходится.

Кто для кого является «шурыд», у кого с кем кровь соответствует друг другу (vir lös'alö), это узнается по личному опыту. Это знание у каждого человека является часто субъективным и может иногда не совпадать с таковым знанием у другого человека.

Слабые моменты для порчи от vomidź.

Нужно сказать, что не все люди и не во всякое время одинакого поддаются vomidź. Существуют определенные моменты и положения, когда человек является более беспомощным. Таким моментом бывает время родов, свадеб, а также детский возраст. При родах, когда состояние рожениц выходит из нормального ее положения, женщина может возбуждать чувство беспокойства, опасения со стороны и такая атмо-

сфера влияет на нее тоже губительным образом (jözaśas), тогда необходимо принять ряд магических мер. Во время свадьбы у пермяков женщины перед тем, как собраться в церковь, сначала под рубашку надевают мочальный пояс. Женихи по Сысоле поверх своей одежды надевают кушак, связанный в виде сетей со многими узлами. Так же одеваются женихи на Ижме. Если-же пояса, сделанного указанным путем, не окажется, то опоясываются шелковым поясом, причем на этом поясе предварительно завязывают несколько (7) узлов.

Порча детей. Очень податливыми к заболеваниям от vomidz', по представлениям Коми, оказываются дети. Достаточно бывает зайти в дом постороннему человеку, чтобы ребенок начал беспричинно плакать. Матери, а также и малолетние няньки, в руки которых иногда попадает воспитание ребенка, не имея никакого представления о правильном уходе, питании детей, конечно, чаще всего сами бывают причиной заболевания детей. Но утомительная дневная работа и бессонные ночи часто лишают женщин способности анализа причин, приводящих ребенка к болезненности и плачу, и потому привычный для них способ объяснения применяется ими вкривь и вкось без большого разбора. Особенно уязвимыми по простонародным представлениям являются те дети, которые выделяются из ряда других какими-нибудь положительными качествами,—упитанностью, белизной, смышленостью, миловидностью и т. п.

Процесс порчи, как выше было упомянуто, есть акт двусторонний—один должен произнести завистливое слово, а другой субъективно почувствовать опасность. Так как ребенок не в состоянии сам сознавать такой опасности, то роль второго агента порчи обычно принадлежит или матери, или тому лицу, которое имеет ближайшее к ребенку отношение, тот, кто дорожит его состоянием. Пример:

«Отец—слепой. У него был очень миловидный ребенок: годовым уже ходил. Соседка и говорит при няньке: „смотрите, отец слепой, а ребенок у него какой хороший!". Нянька передала эти слова матери, в результате после этого ребенок три года сидел сиднем».

Многие женщины стараются держать своих детей нарочно более грязными, чтобы они не обращали на себя завистливого вни-

мания посторонних. На этом основании существует поверье, что кто особенно дорожит своими детьми, кто слишком много заботится о них, тот обязательно потеряет их.

Беззащитными от всякой порчи бывают дети, пока они еще без зубов. Между прочим, когда у них начинают прорезываться зубы, в это время для большей успешности этого процесса ребенка обязательно опоясывают поясочком.

У некоторых лиц детская слабость к порче сохраняется до взрослого состояния. В Визинге указывают женщину, которая во избежание порчи от vomidź посыпала голову своего сына солью каждый раз, когда он собирался на посиделки (сын имел уже 20-летний возраст), так как после каждого вечера, проведенного среди посторонних, он по возвращении домой без всякой видимой причины заболевал.

Кроме упомянутого характера заболевания, дети могут еще будто-бы болеть так наз. щетиной (tšöt'a-kaga). Болезнь, по мнению «знающих» старух, происходит от того, что у ребенка на спине изнутри вдоль позвоночного столба начинает вырастать щетина. Такого ребенка совершенно невозможно укладывать на спину т.-е. на щетину: он отчаянно ревет. Какую связь имеет происхождение этой щетины с тем или другим видом порчи, трудно установить. Но существует ряд примеров, при помощи которых выводят эту щетину со спины ребенка. Приемы эти связаны также с магическим лечением (ср. Попов. Русская Народно-бытовая медицина, стр. 43).

Лечение vomidź.

Какие приемы существуют для лечения vomidź. Прежде всего, существует определенная формула, которая применяется заинтересованной стороной, когда считается неизбежным наступление колдовского результата. В самый момент сознавания опасности эта формула произносится как оборонительное средство.

Осторожный человек, произнося те или иные слова, могущие повлечь vomidź, обыкновенно сам прибавляет к своим словам предостерегающие слова: «чурки-буди!» med oz vomdźaś! (чтобы не испортился). Если же эта предохранительная формула не произносится, тогда заинтересованная сторона должна произнести защитительную формулу. В качестве таковой произносят: «śir piń, goršad»», т.-е. «щучий зуб тебе в горло», иногда прибавляют kuź purt moröšad («длинный нож тебе в грудь»).

Дальновидный и осторожный посетитель прежде, чем приступить к тому или иному взаимоотношению с ребенком, подойдет к нему и три раза дунет в голову, затем три раза хлопнет по его лбу, а то дернет ребенка за клок волос на его лбу. Между прочим, у мальчиков во время стрижки волос на лбу иногда оставляется несколько более длиный клок волос в роде чуба. Данный факт может быть стоит в связи с повериями о порче.

Между прочим, чтобы гарантировать себя от vomidź на целый год, необходимо окуриться вереском, принесенным на страстной четверг.

По Сысоле в качестве оборонительной формулы произносят «kaślyś». Слово «kaślyś» повидимому происходит от «kaś»—сыс. «кошка» и падежное окончание—«lyś», выражающее принадлежность. Таким образом, весь термин будет обозначать «принадлежащее кошке». На что конкретно здесь указывается? Я думаю, здесь не выговариваются, но имеются в виду половые органы кошки. Буквальный распространенный смысл этой формулы будет: «порти кошачьи половые органы»: или «возьми половые органы кошки». Слово «kaślyś» выговаривается в тех случаях, когда для человека ясно перед глазами проходит сознание опасности.

Удивительно, между прочим, что человек, испортивший другого проявлением недоброжелательности, уже не в состоянии исправить своего дела обратным выражением дружбы. В крайнем случае он может дать совет для излечения или отдать часть своей одежды для совершения соответствующих обрядов. В первый же момент порчи необходимо, по мнению сведущих лиц, спрыснуть могущее пострадать лицо водой.

Одна женщина-знахарка позвала пострадавшую к себе, обещав ее исправить. Когда больная заходила к знахарке, последняя из-за дверей неожиданно брызнула изо рта водой на заходившую к ней на лечение, чтобы та испугалась. Предполагалось при этом, что вместе с испугом больной порча должна была ее оставить. Лучший результат будто-бы получается в том случае, если обряд спрыскивания произведет «шурыд» человек.

Такими свойствами «шурыд» обладает человек, зашедший только-что с улицы (töv-jiv-mort) в большей степени, чем находившийся тут-же. Прежде, чем вошедший в избу посторонний человек успеет сказать хотя-бы одно слово, ему вручают ковш

с водой и заставляют произвести спрыскивание пораженного от vomidź существа. Человек, который проходит мимо многих деревьев и ручьев, по мнению Коми, очищается. Это видно из тех поговорок, которые произносятся, когда съедаются гостинцы, привезенные с дальней дороги (kötś-ńań): «Через сколько дерев прошли, через сколько ручьев, рек прошли, пусть все худое, гадливое, скверное осталось там. Дайте же мне счастье и здоровье» (Налимов. Загробный мир, 23). У пермяков имеется обыкновение садить «испорченного» ребенка на печную заслонку, известно также и «перепекание» ребенка в печке, как и у русских.

В том случае, если неизвестна причина болезни, гадают при помощи или горячих угольев, или камней, путем погружения их в воду (iz-pyr-va, prittśa-va). Вода приносится из трех колодцев или из трех источников с теми-же предосторожностями, как и в том случае, когда произносится «ńim-kyv», но в более тяжелых случаях заболевания знахари заставляют приносить воду из 27 ручьев, при чем в каждом ручье необходимо зачерпнуть воды 9 раз, а 10-й раз всегда выбрасывать ее через свою голову (поверху) назад, причем количество зачерпнутых горстей у пермских коми считают с прибавлением к каждому числу отрицания «не»: не один, не два, не три и т. д. (В. М. Янович. Пермяки. Жив. Старина, 1903 г., в I—II, стр. 71). Дальше, если имеют дело с больным ребенком, то мочат его рубашку в двух местах, спеименно: ворот сзади и подол спереди, или наоборот, ворот спереди и подол сзади, затем сырость этих мест выжимают в сосуд с колдовской водой. В дальнейшем туда же погружают уголья. — Прежде, чем опустить уголь, считают до девяти и произносят имя заболевшего. Каждый уголь назначают (vordöny) одному из тех, кого подозревают, как причину vomidźa. Так поступают со всеми угольками—их бывает 5, 7 или 9, т.-е. нечетное количество. Если один из угольков зашипит и потонет, то это означает, что человек заболел от vomidź; причиной является тот человек, чей уголь утонул.

В других случаях для iz-pyr-va берут три камня: один из бани, другой из избы, а третий с дороги. После каждого погружения плюют назад. При погружении того или другого камня вода «закипает». В этом случае испортивший открывается, так как при погружении каждого камня также мыслится то или дру-

гое подозреваемое лицо. Наблюдательным лицам будто-бы удается подметить, что в тех случаях, когда человек заболел от vomidź, на поверхности воды бывает пленочка.

После этого данной водой человека спрыскивают изо-рта, не говоря при этом ни слова. Чтобы болезнь не бросилась во внутренности, дают больному немного попить этой воды. Кроме этого, устраивают небольшой душ из той-же воды. Для этого на брусья (śor) накладывают решето, больного усаживают под решето и через последнее обливают человека обрядовой водой. В других случаях для исправления берут сито, кладут в него точильный брусок (zud), хлеб, соль, затем льют колдовскую воду (причта-ва, изпыр-ва) на больного сквозь это сито, приговаривая: «от vomidź'а, от урока, от порчи, тьфу!» Остатки обрядовой воды выбрасывают наотмашь с крыльца на улицу.

После этого у виновника болезни стараются достать кусочек одежды, хотя-бы сорвать от нее ниточку (byz), а точно также и от того лица, кто подумал о возможности наступления vomidź и, положив это на горячие уголья, обкуривают больного, обнося дымящейся плошкой кругом его и дав ему еще вдохнуть дыму.

Но часто бывает, что болезнь не возбуждает никаких сомнений, например, постоянная порча иных детей от сторонних посетителей. Тогда совершают более упрощенный обряд. Берут сосуд с водой и при помощи тряпки обмывают дверные скобки, затем три угла стола, за исключением того, который примыкает к иконам и обливают этой водой ребенка, а оставшуюся воду выплескивают на улицу наотмашь. После этого берут ребенка на руки, садятся с ним на порог, спиной наружу. Ребенка кладут навзничь на свои колени, головой по левую от себя сторону и сводят поверх спины поочередно несколько раз (murtalöny) правую руку с левой ногой и левую руку с правой ногой, при этом приговаривают: «isyd-kakyd uv-lań, šudyd-budyd vyvlań». Mun vomidžöj (см. ниже) и т. д. [1]). Когда лечат в бане, перед тем, как одеть ребенка, лизнут его в лоб и плюют на одну сторону, потом, лизнув второй раз, плюют на другую сторону, и, лизнув в третий раз, плюют,

[1]) Существует еще такой способ для унимания детей от плача: прикасаются головой ребенка к дверям, ведущим в голбец и читают заговор: «Полуночная часть не играй, ради божья младенца (имя), а играй на голбече столбах во всю темную ноченьки, крепко и лепко и правильное слово. Аминь».

поднимая ребенка, обращенного к себе, через пространство между его ногами. При обертывании ребенка в пеленки повторяют слова: Amiń da rizi! vöiiś tśužis, vöiiś lovźis («Аминь да риза! только теперь родился, только теперь ожил»).

Не всегда, однако, дело исправляется обычными домашними способами. Упорная болезнь заставляет обращаться к своего рода специалистам, знающим более сложные способы лечения, к «pyvśödtśiś'ам».

Последние производят лечение в бане (pyvśödöny). Для этого обряда, обычно, в настоящее время не требуется колдуна и знахаря в тесном смысле слова, а требуется простое знание ритуала. Баня топится обычно ночью под праздник, чтобы совершить это по возможности так, чтобы люди этого не заметили. К тому времени, когда люди проснутся, обряды должны быть уже закончены. Количество полен для топки должно быть определенное, именно, 27, т.-е. три девятки (kujim ökmys).

Прежде всего требуется тут также iz-pyr-va, или pritt-a-va. Они делаются способами аналогичным с домашним, только предварительно ставят чашку с водой у дымохода к тому моменту, когда тут при топке бани начнет выходить дым. Берутся также три камня—с улицы, избы и бани—иногда 27 камней с 3-х озимых полей, невидимых друг от друга, с каждого поля по 9 камней и узнают «mortjilyś» болезнь или нет. После этого камни выбрасываются, а вода пропускается еще через отверстия между камнями банного очага. «Чтобы болезнь не бросилась внутрь», дают этой воды попить больному, обмывают его и опрыскивают данной водой. После этого начинают парить. Парят обыкновенно тремя вениками. Прежде, чем начать паренье, подержат веник некоторое время вверх концами и следят: высохнет конец, или нет; если высохнет—vomidź, в противном случае—нет. Дальше, около связки веника некоторые втыкают горящую спичку и таким веником обводят больного несколько раз. Когда поддают жару в очаг, наблюдают, не издаст-ли какой-нибудь камень треска. Если камень в очаге хлопнет,—это означает наличность vomidź'а. В таком случае сразу же «pyvśödtśiś» открывает двери и плюет на улицу. Затем берутся по три веточки от каждого из трех веников, принесенных от 3-х берез, которые не видны друг от друга, и—начинается паренье. Обычно pyvśödtśiś в таких случаях

приводит в прихожую бани третьего человека, который там во время паренья и находится. При первом звуке веника начинается между pyvśödtśiś'ем и его товарищем в сенях следующий диалог:

«Myj pyvśedan?» (Что паришь?)

— Vomidź pyvśeda! (Vomidź парю!)

«Myj pyvśedan?» (Что паришь?)

— Ĺok jözlyś l'ok dumsö pyvśeda (Злых людей злые мысли парю, т. е. выгоняю).

«Myj pyvśedan?» (Что паришь?)

— Pritöś-sö, boleśsö pyvśeda (Притчу и болезнь парю).

Ударяют веничком из 9 веток по всем частям тела последовательно, начиная с кончиков пальцев рук и кончая пальцами ног, произнося при этом заклинания, например: «Вода живая, вода святая, вода крещенская... Pet, viśemöj, byd jurśi kolasyś, byd ly kolasyś, byd jaj kolasyś, byd vem kolasyś. Pet, vomidźöj, viśemöj, ydžyd erd vylö, paśkyd pole vylö, mort volyvtöm inö, śinmön addźivtöm inö, pelen kyvlytöm inö; mun te, vomidźöj, viśemöj, kyttśe katša-ńi-raka, kyttśe śöd kyrnys ńekor oz volyvly; munö pritöśys i boleźys, urokys i vomidźys sy vylö, kod ĺok dumajtis—śir-piń syly gorsas, komi jokyš sitanas, aśśis m.-sö-kö [1]) vermas ńulyštny, vermas tajö mortsö boštny... Mun! mun! muntöm nyvly, götraśtöm zonly, pež bl.-ly [1]), kurög-kańjasly... Mun! Piti-Ĺiköly da Juda-Proköly» [2]).

При произнесении указанных заклинаний в соответствующих местах притопывают на болезнь ногами, плюют на нее в знак

---

1) Вульгарное слово.

2) Заклинание записано в Кöрткеросе. Piti-Ĺikö и Juda-Prokö—местные бобыли-нищие. В других местах болезнь посылают к попадье.

«Выходи ты, болезнь, с промежутка каждой волосинки, с промежутка каждой косточки, с промежутка каждого мускула (мяса), с промежутка каждого мозга. Выходи ты, vomidź и болезнь, на большое открытое место, на широкое поле, туда, где нога человеческая не бывала, что глаза человеческие не видали, что ухо человеческое не слыхало. Уходи ты, vomidź и болезнь, туда, куда ворона ни сорока, куда черный ворон никогда не залетали, уходите, притча и болезнь, урок и vomidź, к нему, кто худое замыслил—щучий зуб ему в горло, коми окунь в задницу. Свою... если сможет лизнуть, сможет этого человека взять! Уходи! уходи! к незамужней девице, к неженившемуся парню, к скверной бл-хе, к курицам и кошкам... Уходи! к (имена местных нищих-бобылей холостяков)». (Перевод).

презрения и недружелюбия, открывают двери бани и пинками выталкивают ее наружу [1]).

В качестве одного из средств для освобождения от vomidź применяют еще следующее средство. Берут тряпку и обтирают ею выступивший на теле больного пот, а потом бросают тряпку на улицу, предполагая, что с тряпкой уходит и болезнь.

Когда vomidź поражает какие-либо отдельные органы, то, кроме общих способов лечения, существуют частные применительно к особенностям того или и другого органа. От vomidź глаз, например, моются особой водой. Эта вода должна быть собрана из углублений на разных камнях.

Колдовского происхождения считается и внутренняя «грыжа». Существует трава «грыжнӧй-турун», тысячелистник (Achillea millefolia), которая у колдунов имеет применение при лечении от грыжи.

---

[1]) I. «Господи боже мой благословит. Исус Кристос сын божий мой благословит, ей всякий Ян море Як-Ян море, бел камень, також возорелется рабожий (имя, сперва кому читаешь, потом себя) срещество верещество, колдощество совсем очисти у реки, вомидзь уроки порчич, уроки порчич семдесят сустав сем сустав семдесят жил сем жила мурской шитьит и не мытит не видит дым дельезный дунье дуй запад Илья Пророк терега и берега одной дестарень, другой дестарень поп и попадья, дьяк и дьякадья, пономарь и пономарича одной десторень и другой десторень плешоватой, горбоватой, киловатой куесово говорит сыкой не товорит язык я мой ключ мой во веки веков аминь. Уп! (дунуть) аминь, Уп! Аминь. Уп! Аминь (имя кому и себя)». (Заговор от vomidź списан в с. Лопидин по р. Локчиму с написанного текста).

II. Тоже:

«Спаса-Варука,
Причистая владыка,
Железный стын,
Медные ворота!
Отойдите от меня,
Отшатните от меня
Все нечистые духи
Все виды и все болезни.
Сам Кристос «благослови Кристос»
Во имя отца... Аминь».

III. Заговор от vomidź, употребляющийся в с. Палевицах: «Тьфу! Тьфу! Тьфу! vomidźis, dźugylis, urokyś med munas śöd pemyd vörö, tomnöj lesö, džudžyd vaö, mort volyvtöm inö, pernatöm jöz dorö. Kodi vomdźalis, kodi lokös dumajtispym pyridź sitanas, saridź-sov śinmas» (в это время pyvśedtśiś окачивает больного ребенка обрядовой водой и меряет его конечности).

Кроме этого, от грыжи еще употребляется и костяной деготь, т.-е. продукт сухой перегонки коровьих костей. Костяной деготь—полужидкая масса черного цвета, имеющая в высшей степени острый вкус. Его дают больному небольшими дозами. Воспаления конечностей лечат тем, что держат их на горячем пару.

Не всегда, однако, баня оказывает свое целебное действие. Благоприятный результат во многом будто-бы зависит от благоприятного сочетания свойств крови, т.-е. лекарь по отношению к своему пациенту должен быть «шурыд». Благоприятным моментом также считается факт совпадения имен между лекарем и пациентом. Условием для выздоровления часто ставят местонахождение лекаря за 2 ручьями и общность имен. При лечении от vomidź поят также отваром трав, найденных выросшими в глазном отверстии лошадиного черепа. Кроме того существует специальная трава, которая называется vomidź-turun (Zinnea borealis), которой обкуривают больного, а также и поят ее отваром. По отношению к скоту, заболевшему от «vomidź», чаще всего применяют окуривание. Для этого из трех домов (откуда предполагается испортивший), выскребывают сор (грязь) от порогов и лестниц и окуривают ими вместе с можжевельником.

Vomidź животных.

Вышеизложенные симптомы болезни «vomidź» могут объясняться явлениями внушения и самовнушения, игравшими большую роль в жизни однородного и малорасчлененного общества. Явления психического порядка оказываются простому человеку мало доступными, законы восприятия мало известными. Соответствующие наблюдения психических явлений получают очень материалистическое истолкование. Понимание их происходит не по типу логического обобщения сходственных черт, а по элементарным принципам ассоциаций смежности и грубой аналогии. В центре такого материалистического восприятия явления обычно оказывается представление (не абстрактное понятие) какого-либо материального предмета, сопровождающего данный комплекс явлений. Vomidź, являясь по существу одной из форм внушения и самовнушения, связывается с действием слова и его внешнего выразителя рта. Таким образом «обобщающая» работа мысли, получив неточное выражение в чисто внешнем, случайном представлении, в дальнейшем приводит ко многим ошибкам мысли. Раз порча «vomidź» становится

функцией рта, то, распространяя действие слова на новые объекты, мы должны получить тот же результат, что и при порче людей. Так как восприятие всегда происходит под сильным влиянием, так называемого, апперцепирующего влияния всей совокупности воззрений на мир, то таковую порчу находят там где она объективно не могла бы уже иметь места. В этой своей части такое «обобщение», основанное на ложном понимании, становится уже не соответствующим действительности и переходит в категорию суеверий, в настоящем тесном смысле этого слова. Сюда нужно отнести порчу животных и неодушевленных предметов. Причины заболевания порчи от vomidź домашних животных по общепринятым представлениям одинаковы с причинами заболевания людей. Только вторым участником порчи является не само животное, конечно, а тот человек, который заинтересован в благополучии его. Здесь также требуется выражение неприязненного чувства— гнева, злобы и т. п. со стороны или же своего собственного хвастовства, восторга, демонстративного подчеркивания достоинств своего животного и т. д. В последнем случае виновником порчи может быть сам владелец, а сторонние могут играть только пассивную роль. «У крестьянина, который был «шурыд» для рожениц и «чорыд» для детей, были два поросенка—один рос весьма быстро, а другой был так себе: однажды он смерял своей четвертью ширину спины своего лучшего поросенка и этим как-бы подчеркнул его дородство. На следующий день хозяйка пошла к поросятам с пойлом, но при этом один плохо развивавшийся поросенок пришел к пойлу, а другой лежал посредине хлева мертвым».

Самым быстро действующим средством для исправления скота от vomidź некоторыми считается опрыскивание водой самим испортившим человеком. Если при этом животное вздрогнет, тогда с него «соскакивает» vomidź.

«Одна женщина сказала своей соседке, что у той корова очень удойная, тогда как у ней по целым месяцам корова ничего не доит. После этого та удойная корова слегла, не стала есть. Для исправления принесли сена, собранного на распутьи трех дорог, потом принесли древесной коры с трех огородов, невидимых друг от друга, затем достали соломинку из подстилки обуви испортившей женщины, положили все это на заслонку и окурили. Для окончательного исправления попросили у испор-

тившей нитку и положили ее поперек рта коровы (vom-kötšas). После этого корова будто-бы поправилась».

Чтобы корова не испортилась, на повязку колокольца некоторые подвязывают еще слой особого холста. У телушек бичевки на шее часто имеют значение талисманов и предохраняют их, между прочим, от vomidź.

Как может испортиться собака, показывает следующий рассказ кр-на из с. Позты: «По дороге на промысел как-то удалось столкнуться с таким местом, где оказалось много белок. В течение одного дня было подстрелено 12 белок. Вечером, когда с белок снимались шкуры, пришел на ночлег другой охотник, который начал ныть (lajgyny): „почему—говорит—мне мало, а тебе так много попало, отчего же я мало белок видел... хороша должно быть твоя собака" и т. д. На следующий день моя собака рта не открывала, подняла к дереву свою морду и стоит. Пришлось возвратиться домой и произвести лечение».

Порча неодушевленных предметов.

Крайностью, граничащей с бессмыслицей является поверье, что vomidź подтвержены совершенно неодушевленные предметы, не имеющие «vir-jaj» (кровь-тело). Пермские Коми думают, что испортиться от «vomidź» могут всякие предметы, особенно же рыболовные угодья. От неосторожного слова прекращается удача по варке пива, а также и самокура. Захотела одна женщина похвастаться хорошо обожженными своими горшками, но какой она ни возьмет для демонстрации, от каждого в руке остается кусок от стенки, у другой женщины при таком же показывании все горшки полопались сами собой уже на полке, будучи вынутыми из обжига. Третья похвасталась своей знакомой—какой необычайно большой величины и красивой формы удалось ей вылепить горшок, пришла показать, а горшок уже превратился в плюшку, развалился.

Выразит кто-либо удивление, почему у вас стакан такой прочный, не лопается при наливании горячего чая,—немедленно при произнесении этих слов стакан разбивается.

Слово представляется в данном случае подобным физическому удару. В этом случае мы имеем распространение неправильно понимаемых явлений внушения по признаку случайной связи его со словом и со ртом на ряд таких предметов, которые ни в каком случае не могут поддаваться внушению.

Urkńittśöm.

Могут по мнению Коми при известных условиях испортиться и домашние животные. Когда режут скот, то иногда случается, что животное из под ножа вырывается и причиняет много хлопот и волнения, а потом уже пойманное животное долго не умирает, усиливая этим тревожное состояние уже и так встревоженных людей. Но субъективно момент сопротивления животного смерти приписывается порче (urkńittśe). Такое же явление будто-бы бывает следствием того, что на самый акт убоя придет посторонний человек (jözaśas).

Объективная основа данного явления, очевидно, заключается в том, что у производящего акт убоя при посторонних лицах теряется психическая уравновешенность, он на минуту растеряется, делает неверный удар, оплошность, чем и пользуется животное. Неспокойное нравственное состояние находит свое объяснение в том, что обычно домашние животные, принося человеку пользу, как бы входят с ним в один общественный коллектив и потому в отношениях господствует начало взаимного доброжелательства. Тогда как факт убийства уже не может быть уложен в категорию такого доброжелательного чувства — поэтому понятно волнение у человека тогда, когда в такую напряженную атмосферу, врывается фактор, который в силу одной принадлежности к чужой, следовательно и враждебной группе, усиливает это напряженное нервное состояние. Некоторые женщины, например, совсем не могут смотреть, как режут их любимую скотину, а у лошади часто, с земными поклонами просят прощения, не только перед убоем, но и перед продажей. Чтобы не испортить скота, в рот берут соломинку при входе в хлев.

Urkńittśöm (порча) в охотничьем быту.

Понятна также связь психологического состояния человека и удачей в работе в охотничьем быту. Здесь в поведении охотника требуется полное спокойствие. Спокойный расчет всех возможных «уловок» со стороны зверя, строгая ориентация по отношению к пространству, учет всех возможностей, которые могут представиться в каждый момент в зависимости от поведения зверя — требуют большого напряжения ума и выдержанности характера. Если охотник выйдет из своего душевного равновесия, даст волю своим сомнениям или чувству, тогда он может допустить опрометчивость, упустить момент и дело может окончиться неудачей. Поэтому охотник особенно боится

выразить какое нибудь враждебное намерение, мысль или просто легкомыслие по отношению к объекту своей охоты. Но этим вопрос не исчерпывается. Пожегодский охотник рассказывает: «Однажды я увидел белку из мелкого леса (raskyś). „Этот разобьется у меня вдребезги“,—подумал я и, чтобы поберечь шкуру, несколько отступил назад. Выстрелил—белка не упала, а перескочила на другое дерево, выстрелил другой раз—то же. Так пришлось стрелять семь раз. Кишки у белки все вылезли, белка кричит, а не падает». «Другой раз идем двое с товарищем, через тетеривиный ток. „Вот—говорит мой товарищ,—дам я тебе: кур-ка!“—Выстрелил—тетерев не упал, я снова выстрелил в грудь, тетерев улетел и сел на дерево. Потом товарищ tyškalis (поколотил топором по дереву), а я снова выстрелил. Тетерев ухватился клювом за сук и повис на нем. Пришлось снять его палкой» [1]). Вообще по отношению к лесному зверю или дичи, по мнению охотников, нельзя относиться легкомысленно или просто пренебрежительно. В результате этого зверь может испортиться «urkńittśiny» и в угодья ничто не будет попадать. Наоборот, нужно относиться к зверю очень почтительно («veža-vidźny»). На этой почве развился дальше особый культ по отношению к более ценным зверям. Так, на Локчиме когда попадается, например, куница, то, сняв с серьезным видом с нее шкуру, тушу ее хоронят в золе под костром, а шкуру вешают посреди шалаша (tśom) к поперечному бруску (śor) и во время ужина приглашают зверя к еде (vošjedöny), называя его почетным гостем (tśom-šör-göst). Правда, не все охотники соблюдают в настоящее время все предписания такого почтительного отношения к зверю и таким образом эти обычаи в настоящее время уже исчезают.

Может испортиться не только ценный зверь, но и мышка. Если в мышеловку попадет мышка несколько раз подряд, то при соответствующей мысли, напр., выражения уверенности, что также она попадется и в следующий раз, больше не попадется уже ни одна: urkńittśe. После этого подвергают очищению самую мышеловку. Для избежания порчи к капканам и другим принадлежностям охоты привязываются талисманы. Боязнью выразить хвастли-

[1]) Нужно принять во внимание, что охотники Коми раньше били белок из винтовки и так метко, что старались попасть только в голову, чтобы не испортить шкурки.

вое состояние и тем самым как бы оскорбить промысел может быть отчасти объясняется обычай скрывать величину улова и добычи. Тот же упоминавшийся охотник, который не проявлял особого почтения к живому зверю, однако, никогда больше пяти штук белок не показывал жившему с ним старику и снимал шкуру с остальных уже тогда, когда старик куда-либо отлучался из баньки. Иногда в артель случайно попадает человек, совершенно не следящий за своими поступками, а также и не стесняющийся в выражениях (I'ok-voma), тогда от этого страдает вся артель. Товарищи его стараются воздействовать на него сначала воспитательными средствами, уговаривая соблюдать требующуюся обычаем благопристойность, а также и обычные нормы права. Иногда же стараются воздействовать на него чародейством. В Пожегодской в. рассказывают следующий случай: «Один член артели не отличал при дневном обходе угодий своих угодий от чужих и приносил домой часто чужой промысел. Свои товарищи не раз уговаривали его оставить эту привычку, но тот не отставал. Тогда главарь артели пригрозил ему. На другой день этот охотник вышел на охоту и все время кружился вблизи своей баньки, совершенно потеряв возможность ориентироваться («ordym voši»), и так продолжалось изо дня в день. Дальше он уже не стал ходить на охоту. Однажды он заметил, что в его сторону начала двигаться туча, потом полил такой проливной дождь, что начало затоплять всю окрестность. Тогда он поднялся «на дерево». Между тем вода все прибывала. Наконец, он стал кричать, звать о помощи. Подоспевшие товарищи сняли его с крыши избушки».

Когда охотник бывает испорчен, он должен сходить домой и здесь, вымывшись в бане, переменить свое белье и надеть чистое; угодья и ружье свое он должен также очистить. Как это ни странно, но очищение иногда производят при помощи своей мочи—мочатся на принадлежности охоты и в самое дуло ружья.

Один промышленник,—рассказывают на Печоре,—поставил капкан для лисицы, а попал в него заяц. В досаде на это охотник стал издеваться над зайцем: не берет его, а только колет своей пикой: «шкуры бы я твоей не видел»—приговаривает. После этого случая уже ни один зверь вообще будто-бы не попадал ему в ловушку за всю свою жизнь. Это явление называется там—«охотник ursaśis», по Вычегде «зверь urkńittśis».

Чтобы не случилось чего-либо подобного, охотники не продают своего промысла до окончания охотничьего сезона, из опасения вместе с тем и того, чтобы их промысел в то время, когда еще не совсем подсохли шкуры зверей (имеют vir-jaj), не попал как-нибудь в руки «чорыд»-человека, который вместе с купленной сырой шкурой может присвоить и самую возможность удачи.

Urkñittšöm (порча) у рыболовов. На Печоре есть рыбак, который при вытаскивании невода на сушу не позволяет никому из остальных своих товарищей-рыболовов приближаться к кошелю невода из опасения, чтобы кто-нибудь из них не выронил неосторожного слова в смысле или необычной величины улова, или необычайного количества рыбы или не выразил усмешки и т. п. и тем не «оскорбил» рыбу, считая, что в случае такого «оскорбления», рыбы на этот, по крайней мере, раз уже совершенно не попадет.

В с. Палевицах у рыболовных артелей существует такой обычай. Невод, обычно, составляется из отдельных бредней, сшиваемых вместе на один сезон ловли. Хозяин же к общему неводу пришивает мотню и кроме того дает лодку, он же вместе с тем является руководителем ловли и хранителем обрядовых традиций. Обычно в артели допускается самый непринужденный разговор. Но каждый раз, перед тем как забрасывать тоню, все участники должны подвергнуться очищению. Хозяин приносит несколько веток можжевельника, кидает их на костер. Затем все участники рыбной ловли проходят через дым можжевельника.—После этого руководитель командует: «теперь рты завяжите», т.-е. больше ни слова! Во все время тони должно соблюдать исключительную серьезность и строжайший порядок, в противном случае руководитель совершенно для себя безнаказанно может пройтись своим веслом по спине провинившегося.

Также очень своеобразно обставлено артельное рыболовство на Удоре. Перед тем, как отправиться на ловлю, рыболовы стараются захватить с берега что-либо чужое—сиденье из лодки, уключину и т. п.,—стараясь в то же время не допустить до своих рыболовных снастей чужих в предупреждение какой-либо колдовской порчи. Хозяин артели никого из ее членов не допускает к кошелю невода. Когда тоня вытаскивается на берег, хозяин зачер-

пывает воду пустой посудиной и окачивает ею мотню, затем зачерпывает снова, ополаскивает посудину и выливает воду через край невода к берегу, после этого посудину ставит обязательно на берег, против вытаскиваемого невода. Когда невод окачивается водой, произносится заговор со словами: «lysö-śömsö. ...aśśid jurtö in janöd» [1]). Так делается с каждой новой пустой посудиной для рыбы. Обед варят не из нового, а обязательно из старого улова. Во время обеда хлеб, а также и другой припас, вносится «в общий котел», в крайнем случае все обязаны отломить и съесть кусок от припасов у каждого из участников трапезы. Все объедки тщательно собираются и закапываются в землю, чтобы из остатков никому ничего не попало. На всем промысле соблюдается строгое благочиние (Трофимова).

На Уральских горах есть озеро Шуа-ты, где, по мнению окрестного населения, живет дух—Шуа. Говорят, что кто съест на берегу пойманную из этого озера рыбу, ему последняя отсюда уже никогда попадаться не будет (Рöде-Миш).

Некоторые рыбаки, если почувствуют, что кто-то их испортил, зажигают печную метлу и три раза перескакивают через нее посреди дыма, каждый раз в одном и том же направлении.

Капризные озера. Есть озера (vad), являющиеся «sarja»—капризными, и которые обладают особой чувствительностью в отношении поведения рыболовов. Эти озера, по воззрениям Коми, имеют способность оскорбляться от неподобающих действий «lögaśeny» [2]). При соблюдении некоторых условий рыба попадает в большом количестве, в противном случае сеть вытаскивается абсолютно без рыбы, тогда как другому рыбаку, забрасывающему сеть на то же место, рыба попадает беспрепятственно.

Чтобы не оскорбить озера—нельзя приходить сюда в присутствии посторонних людей, нельзя иметь на себе грязную и сырую одежду (особенно после полового акта), нужно, чтобы сети были сухими, т.-е. перед этим нигде не ловилось ими, а самое главное—нельзя плевать и бросать какие-либо свои выделения не только в воду озера, но и на берег. Рекомендуются при ловле полное спокойствие, серьезность. Слово раздражения «yšty-poví»,

---

[1]) Текст не полный.

[2]) U. Holmberg, 30.

ссора приводят к тому, что, вместо рыбы, в невод попадает конский навоз.

На Удоре воспрещается ссора и вражда между членами артели, как на рыбной ловле, так и на охоте, в особенности на тетеревиных токах. В противном случае промысловое животное может оскорбиться и переменить место своего обитания (köžmalö, mesta-sö vežas).

Что считается причиной такого странного «поведения» озера? Одни рыбаки объясняют это тем, что сама вода в этих озерах любит чистоту и оскорбляется (lögaśe) от осквернения, другие думают, что кто-то в этих озерах есть, живет (повидимому, водяной).

В отношении одного озера «Sitty» (Озеро-помета) в Прокопьевской вол. существует легенда, что однажды какому-то рыбаку, закинувшему сюда невод, попало масса крупных лещей. Тогда он выразил растерянность,—что если так будет продолжаться и дальше, то ему некуда будет набирать рыбу. В следующий прием рыбак вытащил невод, наполненный вместо рыбы горячим конским пометом. Говорят, что иногда на этом озере появляется серый конь.

Для того, чтобы примирить с собой оскорбившееся озеро, предварительно или окуривают себя, или, прежде чем снова итти к данному озеру на рыбную ловлю, у кого-либо из окружающих людей испрашивают разрешения на новую ловлю. Кроме того перед новой ловлей рыбы в обидевшемся озере считается необходимым 3 раза зачерпнуть воды из озера в свой пустой пестерь для рыбы ладонью, обращенной вниз.

V. КОЛДОВСКОЙ ИНВЕНТАРЬ.

Разлагая колдовской акт на составные его части, мы можем указать в нем следующие элементы: 1) колдующего субъекта с его желаниями и стремлениями, направленными на внешний мир с целью овладения его силами, 2) представления о предметах и явлениях внешнего мира с их характерными с точки зрения колдующего субъекта свойствами и 3) те средства, приемы и предметы, которыми колдующий пользуется для достижения своих целей.

В отношении колдовских целей самая значительная часть случаев колдовских актов вращаются вокруг хозяйственной деятельности людей. Для охотника, например, более всего важна собака, ружье. Существуют бесконечные варианты о порче собаки, ружья и их исправлении. Колдовскими средствами крадут у охотника способность ориентироваться в лесу и т. д. Наконец, дороже всего конечно здоровье человека и потому исключительное внимание колдовства направлено на руководство теми факторами, которые влияют, сообразно существующим взглядам, на здоровье.

Земледельческий быт имеет уже другие стороны, другие задачи. Имея домашний скот, часто наталкиваются на факт вымирания его. Если овцы вымирают, то стараются загнать в свой хлев чужую овцу и заменить старый состав стада потомством от новой, не «заколдованной» овцы. Особенно часто приходится страдать от того, что коровы и лошади уходят далеко из дому и летнее трудовое время приходится терять попусту. В таких случаях делают соответствующие обряды над следом, над хлевом, как над частями хозяйственного комплекса.

Что касается объектов, на которые направлено колдовство, то считается, что все природные явления и предметы так или иначе доступны действию воли колдующего. Здесь нет еще сознания причинной связи явлений внешнего мира друг с другом. Не существует непреложных законов природы, с которыми человек должен согласовать свои дела. Эта внешняя связь явлений в значительной мере копируется из внутренней психологической связи явлений, находящихся только в собственном представлении колдующего. Трудовой его опыт распространен в ограниченной сфере внешней деятельности, другая часть остается недоступной непосредственному опыту. Но отсюда человек, неиспорченный верой в бога и бесчисленных духов, не делает их сверхъестественными, не отчаивается в их овладении, не окутывает их дымкой мистики, а старается также на них воздействовать, но, за отсутствием данных о настоящих свойствах этих явлений, он идет тут ощупью, принимая часть за целое или подобие предмета за самый предмет. Объективные результаты такой деятельности воспринимаются тоже субъективно. Причинная связь явлений устанавливалась в весьма узкой сфере. Первоначально психические ассоциации и принимались за причинную связь. Но это не мешало, однако, древнему человеку в его деятельности.

Познавать мир иначе у первобытного человека и не было средств. Первое «умозаключение», которое в дальнейшем развилось, углублялось и дало современное мышление, состояло в знании превосходства человека, вооруженного орудием по сравнению с человеком невооруженным. Орудие первоначально должно было являться универсальным средством в борьбе за жизнь. Реальное и сверхъестественное могли быть осознаны только на почве познания мира при посредстве орудий. Единственные реальные средства, поставившие человека выше животных, орудия, не могли не являтся таковыми же и в борьбе против сверхъестественных сил. Иначе не могло быть и потому, что сверхъестественные силы не могли восприниматься иначе, как в форме тех же материальных предметов, к которым человек все более и более успешно применял орудия. Таким образом колдовство, как самостоятельное явление, появляется одновременно с появлением представления о двойственности объектов восприятия.

Когда появилась необходимость воздействия на другой мир явлений, параллельный реальному, у человека для взаимодействия с ними не было других средств кроме трудовых действий. Единство трудовых действий в приложении к двум параллельно развивающимся мирам соответствует первоначальному монизму восприятия. Но как бы то ни было, колдовское действие, обособившееся от трудовых действий по объекту своего приложения, имеет дело с фикцией. Поскольку это так, колдовство генетически приходится связывать с религией, мистикой и т. п.

Но колдовство в чистом виде имеет много преимуществ перед религией, мистикой в современном смысле слова. Прежде всего в колдовстве нет никакого бога в нашем смысле слова, со всеми слишком «человеческими» чертами последнего, нет идеи владыки и подданного, господина и раба. Нет рабского служения этому господину, нет унизительных просьб и молитв, нет никаких разорительных жертв и приношений, нет первоначально специальных служителей этому неведомому, освобожденных от общего труда и живущих за счет труда остальных. В колдовстве есть уверенность и своеобразная система, что все решительно так или иначе доступно человеку. Человек является хозяином мира, он в нем господствует, колдующий подчиняет в одних случаях реально своей силой и своими знаниями, а в других случаях колдун, колдуя, тоже подчи-

няет, хотя и фиктивно. Но эта фиктивность для него не ясна, так как она прилагается в той части жизни, которая еще не освещена, не ощущена, не осознана его энергией, силой, его опытом. Как только трудовой опыт человека расширяется, расширяется и область приложения его логического знания за счет более или менее алогического колдовства.

Колдовской акт, будучи связанным в своем генезисе с хозяйственным актом, остается по форме таковым и далее, когда представления о сверхъестественном получают дальнейшее развитие и мир духов обособляется от мира реального, характер человеческого реагирования на них остается прежним. Главную роль при взаимоотношениях человека с этим сверхъестественным миром продолжают играть человеческие орудия, обычные приемы защиты и нападения, какие применяются и по отношению к существам реального мира. Орудия служат для колдовской порчи и для колдовской защиты (обереги). Интересны охотничьи обычаи, применяющиеся коми промышленниками в условиях их пребывания вдали от общественной среды, среди дикого леса, при наличии в головах только того психического содержания, которое у них твердо запечатлелось под влиянием совокупности общераспространенных воззрений на мир и которое направляет в соответствующую сторону психическое восприятие.

Между прочим, охотники остерегаются припоминать на охоте домашних и, в частности, свою жену, так как нередко после этого они начинают галлюцинировать. В галлюцинациях промышленник-охотник живет с пришедшей к нему из дома в лес иногда за сотню верст женой, приживает от этой жены детей; мнимая жена оставляет его уже при возвращении домой на расстоянии недалеком от его деревни—тут только охотник догадывается, что он жил не с настоящей женой, а с лесным духом (vörsa). В следующую осень мнимая жена встречает иногда его уже с ребенком на руках.

В общем-же и этот мир галлюцинаций не может порабощать личности охотника. Вооруженный охотник не боится никаких привидений. Потому последние «не смеют встретиться» с ним в открытом бою, а «действуют» исподтишка, когда вечером утомленный охотник, не замечая грани между сном и бодрствованием, засыпает часто над своим котлом и когда у него перемешиваются друг

с другом сон и реальность, воображение и действительность. Первым делом констатировавшего факт галлюцинации является мысль о местонахождении своего оружия. Промышленник хватает нож, топор и бросается на привидение. Такое отношение очень целесообразно, так как боевое настроение заставляет напрягать органы восприятия и психику, в результате чего является точное восприятие и галлюцинация исчезает. Правда, бывают случаи, когда охотник теряется, поддается влиянию страха, тогда этим самым парализуется восприятие и так в высшей степени утомленных органов и тогда охотник погибает. Часто получает он психическую болезнь на всю жизнь. Так, в Лопидине на Удоре один охотник сошел с ума и в течение 15 лет не мог привести в равновесие свою психику.

Этот случай сообщили мне в таком виде: «Три брата-охотника ночевали в одной избушке. Устав в высшей мере в утомительной охоте, братья легли спать, не затопивши очага и не бросив туда по обычаю крошки хлеба. Пришло целое «стадо» mutij'ев (лесных духов), Они все навалились на одного из братьев и свернули ему шею, другой пытался затопить очаг и бросить крошку хлеба (чтобы этим спастись), но вместо хлеба засунул в огонь свои задние конечности, третий брат свихнулся с ума. Дня через три приходят сюда соседи из ближайших избушек, подозревая что-то неладное, так как братьев не стало слышно на охоте уже втечение трех дней. Открывая двери, спрашивают, живы-ли они (könkö-pö lovjaöše-na). Один подал голос: «я,—говорит,—жив еще, а брат, кажется, уже окоченел». Еле живого, обгоревшего, вытащили его из очага, другой брат оказался мертвым, а третий с перепугу сошел с ума. Он жил еще лет 15, а потом в припадке галлюцинации умер».

Колдовство выработало ряд средств, при помощи которых оно субъективно может господствовать не только над естественными явлениями, но и сверхъестественными. Последние представляются совершенно материальными и воздействие на них производится при помощи вполне определенных предметов и средств. Существует особый колдовской инвентарь.

Магическое значение орудий. Нож. Очень важное место в составе магического инвентаря занимает нож и другие орудия, а также просто сталь. Так, главным орудием колдунов при производстве заговоров, лечения в бане, играет нож. Нож является необходимым предметом для гаданий. На святках, когда садятся слу-

шать, обязательно обчерчивают себя ножом, иногда даже специально хлебным ножом и нож втыкают в землю в том месте, где замыкается линия круга. Без этой предосторожности затея гадания может окончиться очень печально для призвавших бесовскую силу.

Когда на святках ложатся спать с пожеланием увидеть вещий сон, то это означает призыв бесовской силы с целью проникновения в будущее. Поэтому, чтобы не быть в окончательной власти этой силы, под подушку кладут нож, как орудие защиты [1]). Когда на волю выпускается подержанная в жилище птичка, то ее отпускают обязательно с ножа, в противном случае она будто-бы попадает в когти коршуна. Основным содержанием этого обычая по всей вероятности было опасение, чтобы птица, как член семейного коллектива, не унесла домашнего счастья; существует поверье, что если дикое животное, содержимое в неволе, вырвется на волю— этим самым оно уносит жизнь одного из членов семейства. В том и другом случае нож, как магический предмет, уничтожает возможность наступления вредного результата. Нож может быть обращен и против колдуна. Чтобы пошутить над ним, его запирают в комнате при помощи ножа (см. выше). Нож и вообще стальные орудия являются страшными не только для колдунов, но всяких сверхъестественных сил. На Удоре рассказывают об одном рыбаке-Mozynsa (с Мезени) таким образом: рыбак после своей рыбной ловли развешивал свои сети сушить. Откуда ни возьмись налетел вихрь и раскидал, разорвал сети. Взбесившийся рыбак вытащил из ножен свой нож и с размаху бросил его в вихрь наотмашь. На этот раз тем дело и кончилось. Глубокой осенью, уже по снегу, этот-же человек собрался с извозом в Питер. Подъезжая к городу, он зашел в один загородный дом для отдыха. В избе на кровати он увидел лежащего длинного мужика с перевязанным глазом,

---

[1]) Общеизвестная на Западе, в германском фольклоре, легенда о волшебных уроках музыки у чорта имеется у Коми в таком виде:

Для того, чтобы хорошо научиться играть на гармонике, нужно взять нож, иголку, петуха, невыделанную коровью кожу, гармонику и вечером па святках итти в баню. Там разостлать кожу, на ней обчертиться ножом, иголку без ушка воткнуть в свою одежду и вызвать «pyvšan ajka»—банного старика. Тот сначала поломает гармошку, потом снова сложит и затем начнет играть всевозможные мелодии. Проиграет он до тех пор, пока не пропоет петух, одновременно с чем он падает и исчезает. В результате этого смельчак усваивает все услышанные мелодии.

а на подоконнике увидел тот свой нож, который он на Мезени когда-то осенью бросил в вихрь. Тут он догадался,—куда он попал в гости. Добродушный хозяин, однако, его успокоил, сказав, что виноват был сам, потому мстить за свою рану не будет. Аналогичный рассказ передается и на Вишере, как один охотник поранил лешего своим топором тоже за досаду.

Интересно предание о пермяцком богатыре Пера, известное и в Коми Области. У Перы вспыхнула вражда с лешим на почве владения охотничьими угодиями. Пера за свои геройские подвиги получил от русского царя жалованную грамоту на владение по р. Лупье в верховьях Камы охотничьими угодиями (Лупья-Парму), которые раньше были в безраздельном пользовании лешего (vörsa). Последний, несмотря на все свои козни, был все-таки в конце концов убит Перой [1]). Многие охотники боясь проникновения к себе лесного духа, на ночь кладут под свою подушку нож, кусочек хлеба и щепотку соли. Дерзость людей доходит до того, что когда начинает падать град, то выхватывают нож, выходят на крыльцо и бросают его в высь в надвигающуюся тучу, а самую градину заносят в дом и бросают в печку, растопляя ее, а, следовательно, и всю градовую тучу, по обычной формуле колдовства. Или на Сысоле, на сенокосе, когда начинает надвигаться туча, то для устрашения ее стреляют в нее из ружья.

Для защиты от козней умерших пермяки (И. Смирнов) всовывают в щель потолочных брусьев, под матицей, железный нож. У Коми-зырян многие колдуны нож держат там постоянно.

На Удоре считают достаточным для того, чтобы испортился сам колдун, пошевелить кончиком ножа подстилку его обуви. Исправление наступает после того, когда колдун догадается выбросить подстилку, переменив ее на новую [2]).

---

[1]) См. об этом ж. Коми-му, 1925, № 12, стр. 24—27, 1926 г. № 5, стр. 38.

[2]) С ролью ножа, как магического предмета, нужно поставить в связь применение в Ижмо-Печорском крае своеобразного, правда, широко распространенного, орнамента, встречающегося на деревянной домашней утвари и на, менее употребительных там, предметах гончарного производства. Этот орнамент состоит из сочетаний треугольников, вдавленных в глубь материала одним из своих вершин. Орнамент носит название «purt-jiv», т.-е «кончик ножа». Первоначально, нужно думать, он воспроизводился на мягком материале, именно как раз на предметах гончарного производства, путем надавливания кончика ножа, а впоследствии был перенесен уже и на менее удобный для этого материал, на дерево.

Нож может применяться одинаково и как средство для колдовской порчи, и для целей колдовской защиты. Колдовская сила мыслится как бы материализовавшейся в нем. Поэтому же некоторые Коми остерегаются брать топор, обращенный к себе лезвием [1].

Другие орудия. Таким же магическим значением пользуется не только нож, но и другие орудия, как иголка, шило, серп, коса, острога, ружье, ножницы и т. д. На сенокосе, когда надвигается вихрь, то в него бросают или косой, или каким-либо другим орудием, а то и теслом, точильным бруском. Точильного бруска, думают Коми, Kuź-Jvan (Длинный Иван), т.-е. вихрь, боится пуще всего, потому, что уже и стальные орудия для него являются страшными и опасными, а между тем точильный брусок, по предполагаемому мнению духа ветра, является еще могущественнее их: «он берет (грызет) даже сталь». Свойством точильного камня «быть сильнее стали» объясняется, повидимому, и то обстоятельство, что он входит в состав магических предметов при обливании обрядовой водой от порчи (vomidź). Брусяной камень (zud), брусяная гора, как магические предметы, встречаются в коми-сказках.

Иголка. Плотовщики, плывущие с лотом (грузом на веревке для постоянного следования плота по фарватеру), иногда опускают по веревке, придерживающей груз, иголку без ушка в том случае, когда от неизвестных причин (думают, что водяной задержал) лот куда-либо застревает. Иголка опускается с той целью, чтобы заставить водяного освободить плот.

Для гарантирования себя от случайностей иголку без ушка (protož) втыкают в хомут лошади, когда везут на ней покойника. Иголка без ушка для Коми является универсальным талисманом. Она почти всегда находится на груди у женщин (у ижемской невесты даже 9 штук) и в шапке охотников.

Иголка кроме того служит и орудием порчи. На Ижме для того, чтобы расстроить половую жизнь новобрачных, злоумышленники выдергивают кусочки мха со стены по ту и по другую сторону дверей избы жениха в тот момент, когда через эти двери входят новобрачные; затем, обкладывают этими кусочками иголку с мед-

[1] Ср. роль костебоя у австралийцев.

ным ушком и кладут последнюю в постель новобрачных. В предупреждение такой порчи спереди и сзади новобрачных идут, обычно, шафера.

Ножницы. На Вашке, когда невеста начинает причитать при выходе замуж, в это время позади ее в стену втыкаются ножницы, чтобы уберечь ее от вредных злоумышленников, так как во время свадьбы она очень уязвима на всякое колдовство. Там же считают, что нож, ножницы под подушкой предохраняют от кошмарных снов.

Ружье. В д. Прокопьево рассказывается случай, когда на пожне во время сенокоса прошел вихрь, разметавший сено, поднявший пыль, сор столбом. Деревья, а также колья стога, шатались от сильного ветра из стороны в сторону, причем один кол из числа их, именно тот, около которого было прислонено ружье, будто-бы, оставался совершенно спокойным, не задеваемый вихрем.

Подкова. У каждого почти торговца в прежнее время за порогом лавки с внутренней стороны на полу была прибита железная подкова, которая должна была предохранить лавку от хищения различными колдовскими средствами, эти-же подковы можно наблюдать и по сей день у порогов многих частных лавок, даже в г. Ленинграде [1]). Поверия в связи с подковой распространены чрезвычайно широко.

Серп. В некоторых деревнях во время эпидемий над дверями крыльца втыкается серп для устрашения странствующей болезни. Когда-же кто-либо из семейства заболевает, избу обкашивают косой или серпом, предполагая этим убить или выгнать болезнь.

Другие „острые“ предметы. Острые или просто заостренные предметы также играют роль колдовского оружия. Так при обливании обрядовой водой (iz-pyr-va) от порчи (vomidź) через решето некоторые кладут в него «12 острий», как-то: ножи, шила, ножницы, веретена, мутовки и т. д. Колдовская сила чертополоха (koz-jön, lok-jön) объясняется тем обстоятельством, что листья его оканчиваются колючками.

[1]) Магическое значение подковы усиливается ее ролью, приближающейся к роли предметов вооружения вообще. Раньше подкову Коми носили на пятках своих сапог не только для практических или эстетических соображений. Подкова поэтому является символом победы (ср. U. Holmberg, 201).

Магическое значение оружия вполне ясно подтверждается вышеизложенными примерами. Оно вытекает из реального опыта. Понятна разница между психологическим состоянием вооруженного и невооруженного человека. То, что окрыляет человека, дает ему уверенность, имеет обратное значение для врага реального или только воображаемого. Такое жизненное и в то же время магическое значение орудия для человека удерживается и дальше, даже когда религиозная мысль развивается, создает параллельный реальному миру мир духов и сверхъестественных существ. В то время, как в области представлений мы видим постоянное видоизменение воззрений на сверхъестественные существа, в области колдовских действий мы видим консервативное удерживание тех-же первоначальных приемов. Это объясняется тем, что колдовские действия связаны с трудовым опытом—они первоначально вместе с тем трудовые действия. Поэтому хотя коми-олимп получил уже и значительное развитие, появились анимистические существа, получившие подчас уже «общественную» в своей среде организацию, хотя появилась идея даже о высшем боге «jen», тем не менее все свои надежды относительно своего собственного благополучия Коми возлагает не на бога, а на свой нож, топор, ружье и т. д., которые в его руках являются уже надежными, испытанными спасителями.

Теперь становятся понятными следы почитания оружия, находимые, между прочим, и в старо-германском эпосе, где герои обращались к своему оружию с хвалебными песнями и т. п. Понятно также распространение подвесок, амулетов типа тех или других орудий, ножевидные, топоровидные и т. д., которые часто характеризуют погребальный инвентарь в самых различных погребениях.

Металл вообще, как магический предмет.

Магическими являются не только металлическое оружие, но и те металлы, из которых приготовляется оружие. Так, вымичане (в с. Шошках) переправляя впервые весной свой скот за реку, в предупреждение несчастья, чтобы корова или другое какое-нибудь домашнее животное не потонуло, бросают в реку кусок железа, огниво, а то—железный клин от топорища. Взглядом на металлы, как на колдовские предметы, объясняется воззрение о том, что медь (а также и серебро) потеряться не может. Отсюда вытекают все поверья о кладах, принимающих человеческий и животный вид, тяжело

вздыхающих и т. п. Таким же, как клады, колдовским свойством в некоторых районах наделяются и руды, в том числе и железная руда [1]). Поверия, связанные с огнивом, объясняются с одной стороны его материалом (железо), а с другой м. б. его свойством давать огонь [2]).

В металлических амулетах стараются выявить наиболее характерные свойства металлов, как-то—блеск и звук Основные свойства тех или других металлов в различных амулетах, подвесках и вышедших отсюда украшениях, как блеск и звук, служили главным основанием для их производства, как в далеком прошлом, так даже иногда и в настоящее время. Вредные для людей силы и существа должны были страшиться не только человека, вооруженного металлическим оружием, но и предметом, напоминающим или блеском, или звуком, или каким нибудь другим свойством металлическое оружие.

Пожилые люди в глухих деревнях никогда не расстаются с медными амулетами: кольцами, крестиками, даже просто кусочками меди, так как по их мнению это верное средство против козней «дедушки».

Ртуть.

Особым необычным свойством, кроме присущего всем металлам блеска, обладает ртуть, напоминающая своей подвижностью нечто живое и потому как бы более могущественное. Естественно, ртуть должна была занять соответствующее место в колдовском инвентаре. Действительно, с таким значением мы находим ртуть и у Карелов [3]) и у Коми. В с. Айкине, например, ртуть завязывают в узелок и привязывают к нательному кресту ребенка с целью предохранения его от болезней вообще и «vomidź» в частности. С аналогичной целью капли ртути заделываются в порог бани, чтобы туда не могла зайти болезнь.

Шумящие подвески.

При дальнейшем развитии формы и конструкции амулетов и подвесок сюда присоединялся, конечно, и эстетический момент. Шумящие подвески, получившие такое развитие и широкое применение в финском мире с X и XI веков, основаны, повидимому, на представлении о магической роли металлического звука. Точно также основным моментом, руко-

---

[1]) Первоначально железные орудия ковались прямо из руды. Примеч. автора.

[2]) U. Holmberg, 36, 201.

[3]) Ртуть в тряпочке у Карелов служит защитительным средством от действия нечистого «paha». Жив. Старина. 1894 г., вып. I. П. О. Лесков—Отчет о поездке к Олонецким карелам летом 1893 г.

водившим сознанием многих народностей при создании шаманского костюма с его оглушительным треском от множества подвешенных металлических изображений божеств и духов, а также просто железных предметов, должно было быть представление об устрашающей по отношению к сверхъестественным существам роли всякого металлического предмета и его звука.

Колдовское значение шумящих подвесок, бубенчиков и т. п. амулетов, осложняется еще другим моментом, именно, способностью их издавать звуки вообще, а не только металлические. Какое реальное значение имеют эти бубенчики, видно из современного быта. Так бубенчики, побрякушки, вешаются на шею скоту у Коми, между прочим, тоже с той целью, чтобы на скотину не нападали волки. Такие побрякушки («бракала»), но уже деревянные, у ижемских оленеводов вешаются на шею своим оленям именно с такой реальной целью. Вместе с тем, с той-же целью, отпугивания от оленьего стада рыскающих кругом волков, оленеводы ночью, время от времени, выходят из чума и бьют трещотками-палочками друг о друга, производя этим треск. Аналогичное объяснение получают трещотки, как священные предметы, у многих других народностей, употребляющиеся в их религиозных церемониях. Очень распространенный обычай пальбы из ружей во время свадебных церемоний, сопровождавшийся в с. Устьнем Устькул. уезда [1]), между прочим, обязанностью одного из шаферов звонить во время поездки свадебного поезда на венчанье в колоколец, объясняется скорее желанием магического отпугивания от поезда колдовской силы, чем пережитком, свидетельствующим об умыкании невест силой.

Магическая роль колокольца более ясно выступает в обычае крестьян Прокопьевской волости звонить в колоколец не только в то время, когда на свадьбе невеста отправляется в баню и возвращается из нее, но и во все то время, пока она там моется, при чем дети с колокольцем в руках совершают со звоном постоянный обход бани [2]).

---

[1]) А. Фролов. Свадебные и похоронные обычаи жителей с. Устьнем Устьсысольского уезда. Волог․ Губ. Вед., 1885, № 21.

[2]) В прежнее время в Ношуле накануне свадьбы жених в праздничном наряде верхом на лошади собирал своих родственников на свадебный пир, причем к стременам бывало привязано по два колокольчика и по одному колокольчику к ушам лошади. (Вол. Губ. Вед. 1857 г., № 16, «Обычаи ношульских зырян»).

Лук и стрела. Положение о том, что магическая роль тех или других предметов в представлении людей в древности было связано с представлением о благодетельном значении всякого оружия, подтверждается и повериями, связанными с луком и стрелой. Например, на Мезени в с. Глотове существует такой обычай:

Когда ворон повадится истреблять у охотников дичь из их силков, тогда заинтересованными лицами приготовляется небольшой лук, наподобие тех, которые сохранились до настоящего времени в детских играх, а также и несколько стрел, заостренных к обоим концам. Тетива лука со стрелой натягивается на станок, а затем прибор устанавливается в расщепе стоящего у первого по порядку от силка дерева таким образом, чтобы стрела была направлена вперед по линии охотничьей тропы. Остальные стрелы, заостренные к обоим концам, размещаются таким-же образом но уже без лука в расщепах деревьев по линии путика, на подобие стрелок-«указателей» у тех силков, которые подвергаются нападению ворона. Все стрелы предварительно обмакиваются своими остриями в состав, непременной частью какового является смола. При установке прибора читается заговор. Все убеждены, что после такого приема ворон оставляет в покое охотничьи силки.

Для предохранения ребенка от порчи некоторые женщины кладут на зыбку мальчика лук со стрелой (теперь игрушечный), а на зыбку девочки—пряслицу [1]).

[1]) Н. Веселовский в своей статье—«Роль стрелы в обрядах и ее символическое значение» (Записки Вост. Отд. Рус. Археолог. Об-ва, т. XXV, в. 1—4)—приходит к близким со мной выводам в истолковании колдовского значения различных орудий. Он также считает, что «стрела, как острый, колющий предмет, подобно иголке, ножу, топору, сабле, мечу, копью, а также колющему растению, наводит страх на злого духа». «В этом—по его мнению—единственно и заключается свойство стрелы и ее значение в обрядах, ничего другого в ней нет, ни человеческой души, ни плодородия, ни тем более любви, только один страх» (288). Думается, однако, что напрасно он не желает связать своего материала с общей культурно-исторической перспективой, выделяя культ орудий из обрядов «религиозно-магического характера» и утверждая, что последние, по его мнению, «совсем не к лицу детским наивным верованиям младенствующего человечества» (289).

Употребление орудий для магических целей он считает возникшим в результате логической деятельности ума—«как только человек напал на эту мысль

Зубы. Орудия в истории культуры иногда рассматриваются как проэктирование человеком своих органов: руки, кулака, зубов, ногтей и т. п. Естественными средствами защиты у звероподобного человека были его зубы, ногти, руки и т. п. Но роль их была осознана уже на почве владения орудиями. В соответствии с этим и в магическом инвентаре мы находим зубы, когти, представления о магической роли руки и т. д.

Когда на одежде, надетой на человека, зашивают что-либо, тогда предлагается ему закусить зубами шнурок от тельного креста, чтобы не зашилось счастье. Магическая роль зуба вообще ясна кроме того из нижеследующих приемов: когда идут смотреть какого-нибудь новорожденного, то, чтобы никакая порча не имела силы, в зубы прикусывают соломинку или другой какой-либо предмет. То же самое делается во всех тех случаях, когда имеют дело с кровью, раной и т. п., напр., при охолащивании животных, во время доения коров. Некоторые зашивают к своему нательному кресту холстину, чтобы при встрече с колдуном прикусить эту холстину из опасения последствий возможного злого умысла по отношению к ним со стороны последнего.

В с. Палевицах есть одна женщина, которая с посторонними людьми, исключая членов своего семейства, разговаривает не иначе, как прикусив что-либо в свои зубы, остерегаясь заболеть от vomidź. Прикушенный предмет называется «vudžör», тень.

(что орудия наводят страх на злого духа. А. С.), он легко и просто порешил с мучившими его вопросами о происхождении болезней, о разных напастях в жизни и успокоился». Такое решение автора как раз нельзя считать соответствующим «детским наивным верованиям младенствующего человечества», оно подстать ученому-философу. Магическое употребление орудия, наоборот, обязано больше бессознательному продолжению распространения его универсального значения на область вновь возникшего в представлении человечества сверхъестественного мира, чем сознательному умозаключению. Магическое применение орудий—не столько завоевание логики, сколько пережиток эпохи доанимистической, получивший впоследствии согласование с логическим умозаключением.

В таком, как указывает Веселовский, порядке не могла быть эта проблема первобытной мыслью разрешена. Наоборот, решение было уже готово к моменту возникновения самой проблемы. Роль орудия была настолько универсальна, что она обнимала и его колдовское значение.

Все перечисленные выше приемы прикусывания в зубах тех или других предметов с определенной целью—предохранить себя от всякого сверхъестественного случая,—направлены, повидимому, к тому, чтобы подчеркнуть, что свои собственные зубы, как талисман, выполняют свою функцию, что они угрожают по подобию прикушенного предмета всякому, кто осмелится проявить какое-либо злое намерение. В основе, быть-может, лежит здесь еще звериное оскаливание первобытным человеком своих зубов при всякой опасности вообще, а в более позднее время при опасности сверхъестественного порядка. Щелкание оскаленными зубами сохранилось у коми-детей в тех случаях, когда они кого-нибудь дразнят.

Колдун, потерявший свои зубы, по общему мнению, становится уже не опасным для окружающих. По мнению населения Томского края заговоры не может говорить тот человек, у которого нет или мало зубов [1]).

Когда у ребенка прорезываются зубы, тогда принимаются особые меры, чтобы этот процесс прошел успешно. В этот момент ребенок обязательно должен быть опоясан. До этого момента в люльке должны находиться нож, ломоть хлеба или камень с отверстием, выполняющие колдовскую роль зубов. Когда выпадают у детей молочные зубы, каждый зуб они должны бросать с заговором: «мышке зубы—из мяса, мне зубы—из кости». Потерять зубы во сне повсеместно у Коми означает большое несчастье, чаще потерю, смерть кого-либо из главных членов семейства. Перемена зубов, нужно думать, должна была играть не малую роль в определении понятия «младенческий возраст».

Большое магическое значение имеют зубы, а также и когти, различных животных. Особенное внимание обращают на себя зубы и когти хищных, так как сила этих животных действительно выражается в их зубах и когтях. В этом отношении у Коми до настоящего времени встречаем много случаев, подтверждающих данное положение. Ижемцы-оленеводы носят собачьи зубы в качестве талисмана в своих «ḃi-va», кошельках, носимых на поясе

---

[1]) П. Т. Приходько. К вопросу о приемах народной медицины в деревнях Томского края (Труды Томск. Краев. Музея. 1927, т. I, 122).

спереди. Щучьи зубы имеются почти в каждом доме, чаще всего над окнами, над косяками дверей и т. п. и употребляются, как универсальное средство от болезней, колдовства, несчастья и т. п. На Ижме щучьи зубы также кладут над косяками дверей, «чтобы в жилое помощение не могли проникнуть духи, колдуны и болезни» [1]).

Медвежьи пробуравленные клыки, очень часто встречающиеся в могильниках Евразии с начала бронзовой культуры, несомненно, носились в качестве талисмана. Эти-же самые клыки, иногда пара их, так-же продыравленные, вешаются на ремень и теперь многими печорскими охотниками. В данном случае мы имеем обычай, возникший еще в ранние стадии человеческой культуры и доживший до наших дней. Могущество и магическая сила, приписываемые медвежьему зубу, настолько обобщаются, что жизнь медведя начинает отожествляться у охотников с целостью его зубов и когтей. Пока у медведя целы зубы и когти—он еще не убит, он может воскреснуть: стоит только сказать легкомысленное слово, могущее его оскорбить, как не двигающийся уже медведь вскакивает и убегает (gorjalö) [2]). Каждый охотник в своем доме имеет медвежьи зубы и когти [3]), повешенные под иконами или по-

---

1) Сообщение В. П. Налимова о том, что зыряне «носят щучий череп с собой на рыбную ловлю», нужно понимать, очевидно, в смысле «щучьи зубы», «щучью челюсть». (Загробный мир, 4).

2) Однажды, рассказывают охотники из дер. Шиладор, промышленники напали на очень свирепого медведя, который причинил им на охоте большие хлопоты. Многих из них помял, некоторых поранил, искусал. В конце концов звероловы вышли из борьбы победителями. Медведя уложили, сняли уже с него даже шкуру, позабыв, однако, предварительно выбить ему зубы, вырвать когти и вырезать сердце. Это обстоятельство чуть не сыграло роковую роль. Одному из компании звероловов вздумалось выразить в преувеличенной форме удовольствие во поводу успешного окончания предприятия, он сказал: «вот все пугают медведем, а мы его зарезали, как теленка». Не успел хвастун выговорить свою фразу, как медведь встал и погнался за охотниками. Последних спасла лишь находчивость одного из участников, который догадался вытащить шнурок-повязку от своих штанов (gaťś vöń) и протянуть ее поперек дороги перед гнавшимся за ними зверем; только после этого медведь упал и окончательно умер.

Согласно обычного права лось также считается живым до тех тор, пока у него не перебиты голени.

3) Медвежьи зубы и когти, изображенные на обложке данной работы, носились одним охотником с. Ипатова в качестве брелков к часам.

мещенные где-либо в переднем углу [1]). Существует поверье, что проходит зубная боль, если прикусить больным зубом медвежий зуб.

Зуб, как и почти всякое орудие, может быть употреблен для нанесения колдовского вреда. Пермские Коми во время закладывания основания вновь строящегося дома следят за тем, чтобы колдун не подбросил под первое бревно избы медвежьего зуба или древесной щепки. Если колдуну удастся их подбросить, хозяин строящегося дома будто-бы в результате этого неминуемо должен разориться. (Н. Рогов. Материалы, 99).

Когти. В качестве талисмана печорские охотники носят на своем поясе рысьи когти. На Выми рысьими когтями выцарапывают кровь на морде и хвосте лошади и эту кровь ей самой вскармливают в тех случаях, когда она заболевает вздутием живота. Кроме того, бессердечные «ветеринары» иногда в этом случае всаживают шило в круп лошади до самого черешка и с ним варварски гоняют ее в разные стороны. Когти и шило имеют здесь значение устрашающих болезнь предметов. Аналогичные мысли привели к своеобразному рецепту для уничтожения клопов, состоящему в том, что зараженную последними избу обкуривают дымом от конского копыта, при чем требуется, чтобы конское копыто выпало с ноги лошади в тот момент, когда она споткнулась.

Раковины. Многие первобытные народности стоящие на очень низкой ступени развития в качестве ножа употребляют раковины. Вместе с тем раковины представляют собой универсальное украшение. Раковина ужовки (Cypraea), достающаяся главным образом в Индийском океане, также в Тихом океане, была в широком распространении и у финских народностей. Ожерелья из ужовки носят чуваши, мордва, ижора и удмурт. Изредка встречаются отдельные экземпляры раковин и у коми женщин. По-удмуртски ужовка называется «piń», т.-е. зуб. Первоначальное назначение ожерелий из ужовки, повидимому, было магическое. Секрет приписывания ужовке магических

---

[1]) См. об этом мои статьи в журн. Коми-му:
„Следы тотемистических представлений в мировоззрении Коми“. 1924 г. № 1—2, стр. 43, и „Пережитки культа промысловых животных у охотников Коми“. 1926. № 5 (27), стр. 29.

свойств заключается в том, что створки ужовки действительно напоминают собой два ряда смыкающихся зубов. Применение ожерелий из ужовки в качестве денег нужно объяснить повсеместным спросом на нее, именно, как на талисман, превратившийся затем в украшение.

Дым. Очень важным затем очистительным средством у Коми является «tšyn» (дым). Когда корова несет теленка, то хозяйка кладет на плошку горячие угольья, на них ветку вереска и этим обносит корову кругом несколько раз, заставляя первую вдыхать этого дыму до тех пор, пока она не «зачашляется». Когда испортится молоко и начинает тянуться, тогда всю молочную посуду очищают таким образом: накаляют в печке камни, затем опускают их в посудину, в которую предварительно наливается немного воды и кладется веточка можжевельника, а иногда связки снопов, взятых с трех невидимых друг от друга гумен.

Работа, основанная на естественном действии горячего пара, в смысле уничтожения окисляющих бактерий, усложняется излишним присутствием вереска. Всякое вредное явление в хозяйстве первоначально считается результатом порчи, злой воли и вереск в данном случае употребляется с магической целью. С другой стороны вереск, между прочим, часто можно наблюдать на косяках дверей хлева, фигурирующим в качестве предохранительного средства от колдунов и болезней.

Некоторые вымские рыболовы, когда замечают, что несмотря на все благоприятные условия ловли рыбы она тем не менее не попадает, тогда приходят к мысли, что здесь должна быть сверхъестественная причина. В этом случаи они пристают к берегу, раскладывают большой костер, на этот костер бросают часть подстилки обуви или лоскуток своей одежды, из воды вытаскивают тину и бросают также в костер, из леса притаскивают охапку хворосту и тоже бросают в огонь, при этом говорят следующий заговор: «Vayś-kö—vaö, vöryś-kö—vörö, mortjilyś-kö—bìö» [1]). После этого перепрыгивают через огонь, или обходят костер 3 раза, проходя обязательно через дым.

---

[1]) Т.-е. „Если из воды (причина)—в воду, если из леса—в лес, а если из-за человека—в огонь".

Еще пример: во многих деревнях на Выми в Егорьев день, когда лошади—«именинники», а также когда и остальному скоту в виду наступления сезона пастьбы на выгоне—праздник, весь домашний скот приводится к церкви. Здесь зажигаются парные ряды костров, на них бросают кучи можжевельника и через ворота костров после богослужения прогоняется весь скот. Ветки можжевельника кроме того втыкаются над дверями хлева. «Изуроченного» человека также обкуривают (tšynöny), вырвав лоскуток (ḃyz) из одежды как его самого, так и «изурочившего» лица. во всех описанных случаях подчеркивается магическая роль обкуривания, обряды при помощи костра, огня. И эта магическая роль приписывается, повидимому, скорее не самому огню, а дыму им производимому. Главное самый обряд носит название tšynöm, от слова tšyn—дым. Правда, есть исключения, когда магическая сила приписывается огню и искре,—это обычай на Вашке, при котором на воспаленное место высекается искра из кремня, но все-таки в громадном большинстве характерных случаев выдвигается именно значение дыма.

Мне кажется, что здесь, как и во многих других случаях колдовства, дело объясняется в высшей степени просто. Физиологическое действие дыма на организм и прежде всего на организм человека—общеизвестно. Дым имеет разъедающее наш глаз свойство, он губителен для дыхания. В этом первобытный человек убеждается на каждом шагу, это является прочным достоянием его трудового опыта. Единственным средством защиты, например, от комаров в условиях примитивного быта является дым. Таковым-же действием дым должен обладать и по отношению к духам, какими-бы они ни представлялись впоследствии.

Известно, например, что минерал доманик, сопровождающий нефтеносные породы, при своем горении издает чрезвычайно тяжелый и неприятный запах. В соответствии с этим жители Вымского бассейна, по сообщению Аврамова, употребляют доманик, как куренье, полагая, что запах его очищает воздух и прогоняет лихорадки и горячки (Вологод. Губ. Вед. 1861, № 52).

Теперь понятно будет и значение вереска. Здесь при горении к сильному удушающему дыму присоединяется еще треск, который

должен устрашить всякую порчу, всякую болезнь [1]). В соответствии с этим существует обычай закрашивания дверей, ведущих в хлев смолой, или, в крайнем случае, нанесения смолой креста над косяками. Ведь в дереве смола и есть источник дыма. Этойже мыслью руководствовались глотовцы в 1920 году, когда там была эпизоотия сибирской язвы: тогда все коровы на правом паху носили смоляные кресты. В д. Ваполка кусочки еловой смолы привязывают к кресту, чтобы предохранить себя от оспы, а по Сысоле в некоторых местах во время эпидемии все наружные двери замазываются смолой и дегтем или же бурак со смолой ставится за дверями крыльца, тогда как в другое время он обычно стоит где-нибудь в другом месте. Употребление дегтя в качестве мази при воспалительных процессах, или питье заварки из тонкой бересты (śumöd kiĺ) от стеснения в груди, основаны на том, что тот и другой предмет заключают в себе много дыма. Смолистая щепка, положенная в шерстяную рукавицу, предохраняет их, по народным взглядам, от нападения моли. Здесь мы имеем случай пережиточного совпадения магического с реальным. Смола может быть применена, по народным воззрениям, не только в качестве защищающего от вредных сил талисмана, но и как средство для активной порчи домашнего скота, для чего на кожу животного, против местоположения его сердца, злоумышленники наносят смоляное пятно.

Магическая роль огня и дыма менее разграничена в случаях добывания огня трением «dźurk-bi». «Dźurk-bi» добывается тогда, когда распространяются эпидемии среди населения или-же в случае массового падежа скота.

На Удоре по словам М. Вересова в том же 1920 году dźurk-bi достали путем трения косяка кожаным ремнем. Огонь развели в больших кострах посреди улицы и через него прогнали весь скот. Огонь поддерживался в течение нескольких дней, пока он, несмотря на свое магическое «благодетельное» значение не стал распространяться на дома граждан. В других местах dźurk-bi добывается при помощи бурава, вращающегося по системе лучка,

[1]) В с. Палевицах излюбленной детской игрой на вольном воздухе является сжигание на костре веток можжевельника и прохождение через густые клубы дыма, получающиеся при этом. Оживление детей в это время не уступает треску, производимому горящим можжевельником.

который называется dźurk (Печора). По всей вероятности этот бурав, в настоящее время приспособленный, по Мезени, для буравления известковых грузил для рыболовных принадлежностей [1])— пережиток настоящего инструмента для добывания огня.

В данном случае значение дыма усиливается в глазах населения мыслью о необычном происхождении его, добыванием его старинным способом. Магическое значение огня по сравнению с дымом, повидимому, считается в воззрениях Коми явлением производным, менее реалистическим, не основным.

Что же касается реального значения самого огня, как источника тепла, то эта его роль в древности должна была быть менее актуальной, особенно при наличии чрезвычайной выносливости первобытных людей к холоду. Коми охотники до недавнего времени в дальней охоте зимой, при 25° мороза и выше, на ночлегах обходились без костра, а спали группами попарно в открытых шалашах.

Делалось это так: раскладывается из жердей, еловых веток и кусков бересты низкий шалаш-навес. С трех сторон навес тем же материалом закрывается, а с передней, более высокой стороны, остается открытым. Снег внутри шалаша частью разбрасывается, частью утаптывается. Ложе охотники устраивают попарно. Сначала нарубаются еловые сучья, сухой хворост и настилаются на низ. На них промышленники стелют свои лузаны, а поверх последних—свои азямы.

Прикрываются двойным одеялом—охотники складывают для этого свои одеяла вместе. Затем один из пары ложится головой внутрь шалаша, а другой тщательно закутывает его со всех сторон, особенно со стороны ног. После этого ложится второй спиной к первому и закутывает себя также тщательно со всех сторон. В прежнее время, когда не было еще известно куриво, промышленники в течение ночи не распахивались и спокойно проводили таким образом ночь до утра, теперь же ночевать без огня становится труднее, так как во время ночного курения накопившееся под одеялом тепло уходит и промышленники после этого начинают зябнуть.

---

[1]) Веретена, вытачиваемые на самодельном токарном станке, называются dźurkjödlöm tśörs. Этот станок представляет собой несомненно бывший аппарат для добывания огня, нашедший свое применение уже на токарной работе.

В В.-Вычегодских волостях, по сообщению И. Е. Худяева, существует обыкновение добывать во время каких-либо народных бедствий, эпидемий, эпизоотий, огонь при помощи трения березовых полен друг о друга (dźurk-bi). В один из прошлых годов, когда волков в лесу расплодилось в таком количестве, что они стали давить скот даже в хлевах, крестьяне одной деревни по Сысоле, общими усилиями достали этот огонь и торжественно на нем сожгли одного пойманного волка,—причем строго наблюдали, чтобы никакая часть от него не осталась несожженной. Даже волчья шкура не была снята. В основе этого обряда, конечно, лежит принцип симпатической магии—уничтожить всех волков путем уничтожения одного из них.

Соль. Очень распространенным предметом в ряде магических приемов является соль. Когда продают молоко или масло, в кринку кладут щепотку соли. Чтобы предохранить ребенка от vomidź, перед тем, как выйти с ним в соседи, голову его посыпают также солью. Свадебный поезд перед тем, как пойти к венцу, обсыпают солью. Когда приданную корову ведут в чужой двор, то, чтобы она ужилась там, обсыпают ее солью же.

Когда хозяин пристрастится к каким-либо вредным для благополучия своего семейства порокам, домашние незаметно посыпают его голову солью. С другой стороны, чтобы внести разлад между супругами, злые люди, уже чужие и со злыми намерениями, в промежуток между ними во время их свадьбы кладут щепотку соли. Высыпать за столом соль—к ссоре. Таким образом магическая сила соли может быть обращена на пользу и во вред людям, смотря по тому, какое желание сопровождает обряд. Для усиления магического действия соли кладут ее на божницу в страстной четверг и держат ее там в течение года. Самое колдовство производится часто через посредство соли. Магическая сила приписывается соли прежде всего благодаря ее разъедающему свойству, а позже м.-б. из-за того, что соль предохраняет съестные продукты от физической порчи. Магическое значение соли основано на трудовом опыте, на ее хозяйственном применении.

Вещества органического происхождения. Магическое значение органических веществ стоит в связи с их физическими свойствами, имеющими характер или острого запаха, или едкого вкуса.

Так, магическое значение приписывается мясу горностая. На Ижме мясо горностая привешивается на шею собаке в том случае, когда она заболевает. В с. Палевицах сушоное мясо горностая размельчают и дают вместе с хлебом заболевшей «шатуном» лошади. По Сысоле высушенную тушу горностая некоторые вешают над косяками дверей, другие вешают посредине потолка, в иных случаях повешенную тушу горностая можно видеть на косяке того окна, у которого размещаются на ночлег [1]). В некоторых дер. у Коми, по сообщению Л. Л. Капицы и С. И. Сергеля, высушенную тушу горностая засовывают домашние за пазуху идущему на военную службу мужчине.

Магические свойства приписываются мясу горностая исключительно в силу того, что мясо его отличается таким острым и неприятным запахом, что иногда его не выносят даже охочничьи собаки, которые на охоте часто бывают принуждены оставлять его преследование. Такая мысль о магической роли неприятного запаха определенно сознается ижемцами, когда они мясо горностая завязывают в тряпочку и привязывают к шее лошади при выпуске ее на выгон с той целью, чтобы с ней не произошло никакого несчастного случая: мяса рекомендуется положить в таком количестве, чтобы запах его ясно ощущался через тряпочку.

В районе Усы на Печоре прямо вырезают из мяса горностая пахучие железы и носят их в повязках на поясах или привязывают на шею домашним животним. Магические свойства этих желез определенно приписываются их свойству издавать неприятный запах [2]).

По Сысоле во время эпидемии стараются есть больше луку, имея, по всей вероятности, в виду, что болезнь не придет к дан-

---

[1]) Интересно, что горностай еще у древних римлян считался колдуном. Если съесть его сердце, будто-бы можно было сделаться прозорливцем (Брем. Лесные животные).

[2]) Для ограждения дома от болезней в д. Конях над косяками дверей крыльца (kyltše-jyrjiv) кладут голову зайца.

На Печоре в редком доме на крыльце у входа в дом вы не увидите распластанную шкуру гагары. На Вычегде также существует поверье, что шкуры гагары боятся болезни. Больным лихорадкой иногда подкладывают эту шкуру, а также практикуют это и при болезнях лошадей, накладывая шкуру гагары на больное место. Источник поверий связанных с гагарой нужно искать, однако, в других побуждениях.

ному человеку из-за едкого вкуса лука, остро действующего кроме того и на глаза. Редька также считается способной исцелить от «семи болезней». Основанием для такого поверия служит горький вкус редьки, долженствующий отгонять от себя всякое вредоносное, болезненное начало[1].

Предметы, имеющие отверстие.

Есть еще целая категория предметов магических, реальную связь с трудовым бытом коих установить труднее. Это предметы имеющие отверстие. Некоторые из таких предметов позволяют видеть настоящий вид анимистических существ. Так, через щепку с отверстием от выпавшего сучка или простое кольцо, можно увидеть в крутящемся вихре Kuź-Jvan'a, существо с большим высоким человеческим туловищем. Через них же очень легко увидеть колдунов, идущих на промысел или на шабаш и т. п.

Аналогичную роль играет и замкнутое пространство, образующееся между ногами и землей, если расставить ноги несколько врозь. Если посмотреть назад через упомянутое пространство, то все невидимые глазом таинственные существа становятся видимыми. Через это же пространство, а также между ногами собаки, стреляют в лешего, когда он показывается охотнику. В с. Палевицах некоторые, считающие себя испорченными от vomidź, пролезают через выдолбленную сердцевину толстого деревянного обрубка.

При болезни горла пьют воду через камень, имеющий отверстие. Ушную боль продувают через дыру в камне. Такие камни с отверстиями, как и другие талисманы, предохраняют вообще от всяких сверхъестественных сил, в том числе от колдунов и болезней. На Печоре очень часто на косяках дверей, у крыльца и у «задних» дверей (от сеней в хлев), встречаются такие камни повешенными на веревочке. Если корова доит молоко с кровью, то для исправления доят ее через щепку, имеющую отверстие от выпавшего сучка.

Колдовское значение замкнутого пространства выступает и в способе защиты от наступления рокового результата при ясно выраженном недоброжелательном слове или взгляде,—в этом слу-

[1]) В качестве талисмана vudžör по наблюдениям Налимова и Курочкина употребляется еще ольха—sös-pu (Загробный мир, 22).

чае немедленно при осознании колдовской опасности повертываются задом к злоумышленнику и 3 раза выплевывают через отверстия, получающиеся при скрещении растопыренных пальцев обеих рук. Магической ролью отверстий объясняется обычай обливать обрядовой водой заболевших от vomidź через решето [1]).

Рекомендуется доить корову, надевая на свой палец кольцо, чтобы корова не испортилась от дурного слова или дурной мысли. Некоторые старые женщины носят на руке медное кольцо отнюдь не для красоты, а в качестве амулета, причем сила этого амулета заключается, повидимому, как в материале (кольцо—обязательно медное), так и в форме предмета. Повсеместно известен обычай смотреть, на святках, через кольцо, погруженное в стакан с водой, с целью увидеть изображение будущей судьбы. Но кольцо и вообще, часто независимо от материала, фигурирует в качестве магического предмета и входит, между прочим, в состав гадательного инвентаря. В инвентаре знахарей, между прочим, играет некоторую роль и обруч: колдуны, всматриваясь на водную поверхность через простой деревянный обруч, стараются увидеть «сокровенное».

Обливание лиц, заболевших от враждебного слова или взгляда (vomidź), обрядовой водой со дна кадки («dźuys»), т. е. с нижней, обратной стороны дна, нужно связать также с представлением о магической роли круга (dźu). Песок, взятый из водоворота реки, обладает особым свойством изводить в жилых помещениях клопов. Поверие основано, по всей вероятности, на том, что в водовороте песок вертится, совершает круги и этим приобретает магические свойства. Для того, чтобы коровы вечерами летом приходили из лесу (с выгона) домой, рекомендуется в страстной четверг рано утром, пока спят еще вороны, открыть боковушку и через трубу прокричать клички всех своих коров. Труба в данном случае, повидимому, играет роль магического отверстия в камне.

Аналогичную мысль можно усмотреть в обычае крестьян Усть-немской волости, заключающуюся в том, что прежде, чем тронуться от дому с санями, на которых везут покойника, хозяин дома дол-

[1]) Детям не разрешается смотреть через решето под угрозой того, что у них из-за этого лицо будет рябым. Первоначальным основанием для этого запрещения было, повидимому, желание оградить детей от магических свойств отверстий в решете.

жен ранее взглянуть из-под саней между полозьями на ноги своей лошади, «чтобы она впоследствии не стала спотыкаться» [1]).

Во всех указанных примерах выступает универсальное значение замкнутого отверстия. Камень с отверстием, щепка с отверстием, кольцо, обруч обладают свойствами: способствовать зрению различных, обычно невидимых духов; отражать события будущего; защищать от всех вредных, сверхъестественных существ; предотвращать порчу и болезни, исправлять их и т. д. Сюда же нужно отнести и обычай подкладывать хомут под ноги коровам при выходе их из хлева в первый раз весной на пастбище с той целью, чтобы коровы не отвыкали от хлева, а регулярно по вечерам приходили домой. Во время святок будто бы через хомут можно наблюдать различные колдовские явления. Магическим значением отверстия нужно осмыслить также поверие, что для исправления vomidź нужно принести траву, выросшую через глазное отверстие лошадиного черепа и поить больного ее отваром [2]).

Откуда происходят такие воззрения? Какое значение того или иного предмета из числа указанных нужно считать более основным, первоначальным?

Для разрешения этих вопросов нужно приложить тот метод, который положен в основу объяснения возникновения культа. Именно культовое действие первоначально связано с хозяйственной деятельностью предмета. И эта хозяйственная деятельность первоначально воспринималась одновременно с культовым действием. С расчленением значения того или другого действия остается некоторая общность, выражающаяся в общности хозяйственных и магических приемов, предметов и действий. В дальнейшем хозяйственный и культовый принципы, отделяясь друг от друга, начинают получать обобщение и смысл, уже независимо друг от друга. Если в отношении магического значения орудий связь хозяйственного и колдовского принципов достаточно ясна непосредственно, то в отношении категории предметов, имеющих отверстие, такая связь может быть установлена из ряда бытовых аналогий.

Между прочим, при рождественских гаданиях мы встречаемся с значением круга и в несколько более реальном смысле. Во время

---

[1]) А. Фролов. Свадебные и похоронные обычаи жителей с. Устьпем, Усть-сысольского уезда. Волог. Губ. Вед. 1885 г., № 22.

[2]) Ср. Т. С. Виноградов. Самоврачевание и скотолечение, 331.

гадания, призывая сверхестественные силы для предвидения будущих судеб, в то же время стараются оградить себя от близкого соприкосновения с этими силами и с этой целью очерчивают вокруг себя ножом, напилком, острогой или другим каким-нибудь металлическим орудием замкнутую черту. Здесь черта символизирует, повидимому, какую-то более реальную защиту. Точно также опахивание селений бороздой мордовскими и русскими крестьянами во время свирепствования той или другой эпидемии имеет в своей основе действительное ограждение селения от существ, несущих болезни и смерть или, вернее, от болезней и смерти, имеющих вид каких-то существ.

Крестные ходы православной церкви воспринимаются Коми, как магическое окружение—об этом свидетельствует самый термин для обозначения их—gögörtöm, т. е. окружение.

С другой стороны круг имеет большое значение, как форма овладения. Обойти человека в переносном смысле, значит овладеть человеком, превзойти его. В с. Палевицах был один помешанный на этой идее (Jeśe-Vańe-Jogor). Для него доставляло большое удовольствие обойти каждого встречного. Таким образом идея о круге объединяет в себе идею защиты и овладения.

Эта идея могла зародиться уже при начале человеческой культуры в то время, когда человек стал искать себе защищенного со всех сторон места. Естественная пещера, сначала, а затем первая искусственнан изгородь были источниками, из которых в дальнейшем вышла мысль о благодетельной силе защищающего, замыкающего предмета в общей форме, в форме всех предметов, вызывавших ассоциацию о защищенном месте. А так как «подобное заменяет подобное», то и предмет, в данном случае круг, отверстие, вызывающие в ассоциации аналогию, заменяют (по крайней мере в психике) оригинал (защищенное место). Печорские охотники для исправления себя от «порчи» выбирают на длинной, прямой лесной тропе небольшую живую сосну, раскалывают ствол ее вдоль посредине, раздвигают клиньями образовавшуюся щель и через получившееся отверстие пролезают вместе с ружьем, с собакой и другим охотничьим инвентарем в надежде на то, что «при прохождении через сердцевину за свежим деревом останется все нечистое» [1]). В основе этого обряда лежит, повидимому, мысль

[1]) Проф. Дм. Соловьев. На Печоре. Ленингр. Веч. Красн. Газета, № 301 (1305), 16 дек. 1926 г., также Д. А. Пантелеев.

о достижении безопасности после захождения в огороженное, защищенное место. Преследующие остаются за воротами, запирающими убежище, в то время, как преследуемые успевают пройти через запирающиеся ворота [1]).

Первобытная охота происходила также в смысле коллективного окружения зверей, животных. Исчезновение диких оленей из лесов Вычегодского края некоторые Коми объясняют тем, что все олени были уведены самоедами посредством окружения. Самоеды злонамеренно обошли на лыжах леса, насколько они оказались в силах охватить, и в результате все олени, какие оказались внутри этого круга, должны были следовать за ними.

Такие воззрения о магической силе окружения имеют параллель в совершенно реальном факте из охотничьего быта Коми. Так у охотников Коми практикуется следующий способ ловли лисиц. Район, в котором обнаруживается лисица, предварительно целиком охватывается лыжницей (следом от лыж) с таким расчетом, чтобы лисица оказалась внутри круга из лыжницы. Затем, получившийся круг один из охотников на лыжах разбивает своим следом на две части. В дальнейшем та половина, в которой будут констатированы следы лисицы, снова разбивается на две части и т. д. Когда круг делается достаточно малым, следы лисицы начинают учащаться. Она начинает ходить внутри круга на расстоянии метров 4-х вдоль его, не переходя, однако, его наружу. Далее на тропе лисицы ставится капкан, куда она и попадает. Эта мера основана на том, что дикая лисица не переходит человеческой дороги вообще и следа от лыж в частности. Нужно заметить, что боятся переходить лыжницу уже только более дикие лисицы, те же, которые живут ближе к местам постоянного обитания человека, являются более смелыми и запереть их в круге из лыжницы уже невозможно.

Повязки. В связи с мыслью о магическом значении круга нужно объяснить обычай, наблюдающийся у Коми женщин, носить на голом теле повязку. Более полные и здоровые девицы, чтобы не испортиться от недоброжелательного взгляда или слова, перевязывают свои ноги пониже коленного сочленения шнурком. Некоторые охотники на Мезени (с. Глотово) на голое

---

[1]) Г. Виноградов, 373; Попов, 204.

тело надевают пояс из лыка. Такой же поясок надевают на невесту при снаряжении ее под венец у пермских Коми. По Сысоле, когда отправляются в дальнюю дорогу (на войну и т. п.), надевают на себя на голое тело пояс из липового мочала (ńin-vöń). Беременным женщинам не рекомендуется снимать с себя на ночь пояса,—пояс будто бы предохраняет от кошмарных снов, воспринимающихся Коми, как удушение домовым (он наваливается на человека своим телом). Для предохранения растяжения во время работы жил в суставах запястья перевязывают в этом месте руку ниткой из немытой овечьей шерсти, носящей название vudžör (тень), т. е. талисман. В с. Палевицах беременные женщины для предохранения своего плода от подмена (vežöm) на голое тело опоясываются черной шерстяной ниткой. Некоторые чуваши на последней империалистической войне на голом теле также имели шерстяные нитки в качестве магического пояса (В. Г. Потолицын).

Для предохранения телят от порчи на шею им, как указывалось выше, привязывают бичевку. На Ижме хозяйки после рождения теленка просят иногда кого-либо из своих детей привязать ему на шею повязку «на свое счастье».

Сила шелковой или сделанной из конского волоса повязки на шее, одеваемой женщинами для предотвращения задушения от предполагаемой порчи, основана на поверьях, имеющих прямое отношение к идее о связывании, замыкании, овладевании [1]). По сказаниям можно напугать водяного, если прийти к тому озеру, где будто бы он обитает, и пригрозить замкнуть это озеро веревкой, подобно мешку со стягиваемым отверстием (šyrjavny).

В с. Палауз во время гадания обвязывают сруб колодца веревкой и под ней слушают свою судьбу. Некоторые с этой целью обвязывают даже кадку с водой [2]).

Теперь становится понятным то, почему бессмертие колдунов у Коми по эпическим сюжетам заключается в поясе или повязке их штанов (gatś-vöń). Этот момент нужно поставить в связь с общими поверьями о магической силе повязки вокруг тела или вокруг его частей.

---

[1]) Имеет значение в данном случае и самый материал: конский волос должен устрашать вредную силу потому, что из него приготовляются силки, а шелк опасен для нее тем, должно быть, что он своеобразно шуршит.

[2]) Обычай встречается и у русских Влад. губ.

Таким образом, в основе всех поверий и обрядов, связанных с кругом, кольцом и т. п., лежат трудовые моменты—ограды, безопасности, замыкания, овладения. Нужно принять во внимание, что в жизни большое значение должно было иметь то, чтобы это замыкание было полное, чтобы круг, окружность, были совсем замкнуты. Место замыкания должно было играть особенную роль. Соответственно этому в гаданиях большое внимание уделяется тому обстоятельству, чтобы конец черты обязательно совпал с началом. Место замыкания, повидимому, считается наиболее слабо защищенным местом. Сюда, между прочим, при обчерчивании себя при гаданиях, всаживается в землю тот нож, то орудие, которым проводилась магическая черта. Рассказывается случай, как на Выми один охотник пострадал от лесных духов из-за того, что, ожидая духов, обчертил себя около костра таким образом, что черту провел в одном месте не по земле, а поверх чурки, которая далеко высовывалась из костра. Когда чурка сгорела, духи проникли через образовавшийся просвет во внутрь круга и его погубили.

На ряду с этим, наиболее уязвимым местом в жилых помещениях являются двери, окна, дымоход и всякое другое отверстие, ведущее в дом, в избу. Поэтому всякие талисманы обыкновенно помещаются над косяками дверей, окон, около трубы (вереск около труб на Ижме). На представлении о магическом значении реальных средств замыкания основаны поверья, связанные, например, с воротами, с выходом из огороженных мест. У Удмурт, напр., во время эпидемий добывают для целей обкуривания искусственный огонь при помощи трения ремня о столб общественных ворот. У Коми в с. Палевицах от порчи (vomidź) обкуривают заболевшего древесной корой, взятой с 3-ей жердинки из того места огородов, где существует вход и выход. Росой, собранной с третьей жердинки огорода, выводят бородавки.

В связи с этим самое прохождение через ворота становится очистительным средством. У чувашей до последнего времени сохранился обычай прогонять домашний скот и проходить самим через специально устроенные в обрыве ближайшего оврага земляные ворота, весной, перед тем, как выпустить скот на выгон или во время свирепствующих болезней (Изв. Об-ва Арх., Ист. и Этн. при Казан. Ун-те, т. XIX, в. 3 и 4.—К. Прокопьев).

Понятно, что узел, как место замыкания, где концентрируется сила замыкания, а также замок и ключ, приобретают магическое значение. Этим объясняется ижемский обычай опоясываться во время свадьбы кушаком, связанным на подобие сетей со многими узлами [1]). Считается при этом, что «порча может подействовать только после того, как будут развязаны ею все узелки в сетях». На Удоре некоторые охотники, для предохранения своих собак от порчи, на шею ей повязывают ошейник, завязанный 100 узлами. С другой стороны, в с. Палаузе, например, при гадании иногда распоясываются и распускают свои волосы (женщины), очевидно с той целью, чтобы лучше действовала колдовская сила (на них). Волшебные узлы, в которые колдунами заключаются ураганы и бури были известны древним финнам, норманам, а также и лапландцам [2]). Очень широко распространенный обычай среди женщин распускать свои волосы во время обрядовых ритуальных действий нужно поставить в связь также с повериями об узлах.

На святках [подслушивают с целью гадания под замками. Самой главной частью русских заговоров являются «ключевые» слова.

Над посудой со съестным всегда бывает какая-нибудь покрышка и часто совсем не для физической защиты. Если под руками не окажется никакого прикрытия, то накладывают поперек отверстия посудины лучинку, называя это vudžör, т.-е. «тень». Здесь мы имеем пример еще более элементарного и примитивного представления, когда против нечистого, вредного, мистического защищались самыми простыми житейскими реальными средствами не столько может быть принудительного свойства, сколько характера предупреждения. В параллель с этим нужно привести обычай, сохранившийся у известной части народа Коми и до настоящего времени. Дело в том, что местная культура, неразложенная еще «цивилизацией», не знала запоров на своих домах и для того, чтобы в отсутствие домашних никто не зашел в пустой дом, достаточно было на дверях, между кося-

---

[1]) U. Holmberg. Die Wassergottheiten. 36.

[2]) По Сысоле, идущие под венец (жених и невеста) раньше всегда надевали кушак в виде сетей. В настоящее время некоторые надевают за отсутствием таких кушаков просто сети, а те, которые стесняются надевать на себя такой пояс (невеста), все же в своей одежде прячут кусок от сети.

ками, наискось поставить палку, по-местному — «тас», в знак отсутствия хозяев. Видя такой знак «тас» никто из посторонних уже не заходил без крайней нужды в этот дом. Vudžör над кринкой молока и т. п. есть такой же «тас», знак, показывающий нежелательность проникновения сюда существ, но уже не реальных, а сверхъестественных.

Такое значение этого «vudžör»—«тень» сохранилось в своем еще очень материальном понимании на Печоре. Там в каждом вновь строющемся срубе для избы в просвете на предполагаемом месте окон и дверей вы увидите две палочки, сложенные поперек отверстия наискось, крест-на-крест, а то и одну палочку, поставленную также наискось. Это делается для того, чтобы нечистая сила не проникла в новый сруб. Ни одно из створчатых окон жилых домов в летнее время не открывается настежь без того, чтобы наискось не были поставлены между косяками палочки. В противном случае в дом может пробраться «mutij»—леший. Эти палочки, лучинки, не убираются с косяков в летнее время даже тогда, когда окна бывают закрыты.

С оформлением идеи о двойнике-духе предметов эта перекладина стала защищать не своей материальной, а «духовной» стороной, тенью, потому она и получила название «vudžör» (тень) [1].

Итак, идея замыкания запирания, окружения себя чертой, имеет своим прототипом механическую идею окружения себя замкнутой преградой, чертой—стеной, оградой. Эта мысль сделалась доступной первобытному человеку с того момента, как он научился защищаться от животных при помощи своих первых убежищ. И эта идея о спасительной роли замкнутого пространства потом преобразовалась, дифференцировалась в своем значении и дала материал для колдовского применения соответствующих предметов по отношении уже к нематериальным силам и явлениям. Эта-же идея в дальнейшем стала по аналогии связываться с круглыми, замкнутыми предметами вообще, сначала с кольцом, а потом

---

[1]) В определенный период истории культуры тень имеет ближайшее отношение к понятию о душе. Часто тень просто отождествляется с душой. Интересно, что леший, между прочим, по представлениям Коми, не имеет тени и по этому признаку его и можно отличить на базарах от обычных торговцев (торговлю леший, между прочим, ведет очень бойко).

с предметами, имеющими отверстие [1]). При этом (с кольцом) большое значение имеет и самый материал.

Хлеб, как магический предмет. Во всех рассмотренных выше группах магических предметов мы установили большое жизненное значение их, от которых зависело часто существование человека. Большая часть предметов магического инвентаря является средством борьбы за существование. Благополучие людей связывается с наличием соответствующих предметов. С ними, и пользуясь ими, человек приобретал исключительную мощь. Сытый человек, ощущая себя сильным, легко преодолевает те препятствия, которые кажутся ему страшными, неодолимыми в то время, когда он чувствует себя больным, голодным. Поскольку орудия и оружие, защищая человека от физической опасности, приобретают способность магически защищать от сверхъестественных существ, постольку-же пища, благодетельно влияющая на организм, не может не иметь в глазах человека того-же свойства. То, что дает безопасность—воспринимается сакраментально, то, что питает,—становится священным. Магические свойства предметов это—только разновидность общеполезных их свойств, взятых в жизненно-необходимом значении.

Предметы питания неизбежно становятся средством поддержания жизни не только физически, но и символически. Хлеб у Коми в настоящее время считается даром божьим. С хлебом нужно обращаться благоговейно. Во время еды за столом все члены семейства держат себя серьезно и сосредоточенно: вертеться, выглядывать на улицу отнюдь не полагается. Упавший на пол хлеб поднимают и подносят ко лбу; наблюдают, чтобы не положить хлеба обратной стороной наверх. На стол, где помещается хлеб, не разрешается класть руку выше локтя. Хлеб и другие продукты питания фигурируют во всех религиозных обрядах. Религиозное значение его, самое разнообразное в настоящее время. Но теперь хлеб осознается как дар божий, а первоначально это—сам «бог». Если в древнейшие эпохи человеческой культуры хлеб, как таковой не был известен, тогда вместо хлеба в таком-же магическом значении выступали другие соответствующие продукты питания.

---

[1]) Для предметов, имеющих отверстие, можно допустить и другое объяснение.

Магическое, сверхъестественное значение хлеба самого в настоящее время выступает во многих обрядах и повериях. Хлеб как непременная принадлежность фигурирует в обрядах гадания (ńim-kyv). Хлеб, хлебный нож, тесто,—необходимый материал и при святочных гаданиях. Ружье, заряженное с хлебом, не подвержено колдовству, порче. На медведя во избежание его сверхъестественного влияния, настораживают ружья, заряженные также хлебом. Хлеб употребляется в значении простого талисмана, держится в люльке ребенка, охотниками под своей подушкой. На святках на перекрестке дорог, гадающие обчерчиваются и, взявшись за мизинцы, или за большие пальцы (Н.-Вычегда), слушают. Внутри круга при этом должны быть положены: скатерть, хлебный нож и краюха хлеба (нож—в черту, краюха—на голову, а скатерть—поверху).

Промышленники на охоте ежедневно вечером кидают наотмашь крошку хлеба на свой очаг [1]). Когда с кем-нибудь случится припадок эпилепсии, его покрывают скатертью, на которую кладут ковригу хлеба. [2])

Отправляясь в дальнюю дорогу, берут с собой кусок хлеба в карман,—это должно способствовать удаче данного предприятия. Краюшка хлеба, скатерть, печная лопата суть магические орудия против встававших, по сказаниям, из гроба колдунов.

У пермяков существовало убеждение, что для того, чтобы на суде выиграть дело, достаточно иметь в руке или за пазухой круто посоленный и разжеванный кусок хлеба (Янович. Пермяки, 150).

У них же челпан хлеба, полученный при встрече похоронной процессии от родственников умершего, приносится домой и вешается там в качестве талисмана.

Хлебу по воззрениям Коми можно приписать эпитет «šondy-ban» т.-е. «лицевая сторона солнца», что полагается, по объяснению одного старика, только богу и самым большим святым.

---

1) Этот обряд позднее принимает характер жертвы.

2) Считается между прочим, что припадок эпилепсии—один из 3-х каких-то непонятных моментов, которые бывают в жизни каждого человека. Иногда эти припадки проходят в беспричинном плаче, иногда в смехе, а то—в продолжительном сне.

Почитание промысловых животных.

Если хлеб, как продукт, удовлетворяющий насущную жизненную потребность, мыслится имеющим сверхъестественные, магические свойства, то и другие предметы, играющие в жизни важную роль, также должны иметь значение магических, первоначально еще непротивопоставляющееся естественному. Действительно, промысловые животные, имеющие для Коми первостепенное жизненное значение и теперь, а в прежнее время, в эпоху исключительного господства охотничьего быта, в особенности,—занимают почетное место в миросозерцании и дают материал для выполнения большого количества обрядов.

Животные, благодаря своим психическим свойствам, приближающимся к человеческим, дают более благодарный материал для всякого рода построений сакраментального свойства. Охотниками считается, что успех в охоте зависит не столько от личных способностей охотников, сколько от доброй воли самих животных, следовательно, и от соответствующего поведения по отношению к ним охотников. Поэтому в охотничьем быте существуют (особенно господствовали в прежнее время) очень строгие нравы в отношении слов и действий применительно к интересам зверей и промысловых животных вообще.

При подборе членов охотничьих артелей обращается внимание поэтому не столько на чисто охотничьи способности человека, сколько на его характер, поведение вообще. Требуется, чтобы человек был не болтун, не сварлив, не завистлив, не сквернословился, чтобы он никогда ни о чем не проявлял каких-нибудь недоброжелательных чувств, нервозности, нетерпеливости и т. д. Между членами артели не должно быть никаких споров, раздоров, и разногласий. «Какими вышли из-за стола, такими-же чистыми должны все возвратиться домой». Одним словом, каждый член артели должен «veša vidźny», т.-е. «соблюдать святость», как во взаимоотношениях между собой, так и по отношению к промысловым животным в особенности, потому, что звери—«veža», т. е. звери—священны.

Перед началом охотничьего сезона прежде, чем выйти в дорогу, охотники по Ижме и Пижме совершают обряд очищения. Для этого достается «Богородская трава» (собирают на Тиманском кряже), кладется в особую плошку с горячими угольями, за-

тем промышленник обкуривает себя на пороге своих сеней, после чего он переступает этот порог и направляется в дорогу (Д. А. Пантелеев). По словам К. Ф. Жакова старики в прежнее время регулярно каждую неделю обкуривались дымом для своего очищения от всего нечистого (Языческое миросозерцание зырян. Научное Обозрение, 1901, № 3, 80).

Когда охотники снимаются в путь, то, до прихода на место ночлега, возбраняется в дороге отправлять какие-либо свои естественные потребности. Ни одна лесная птица не должна быть без надобности подстрелена. Лесное животное не должно быть принесено домой живым, под угрозой навлечь несчастье на весь дом. Если лесное животное, принесенное домой, вырвется на свободу, то этим самым оно унесет голову кого-либо из членов семейства. Никогда нельзя высказать вперед свою уверенность в удачном окончании охоты на того или иного животного. Хотя многие охотники, стреляя из винтовок одной пулей, не портят шкуры белки попадая часто в ее голову, тем не менее эти свои качества применить к конкретному случаю или словом, или хотя-бы даже в мыслях нельзя: животное испортится, оно или ни за что не будет умирать, или не попадет в руки прежде, чем не измочалится пулями. Нельзя выразить недовольства из-за того, что попало малоценное животное, или плоха шкура—в результате может больше никогда не попасть тебе это животное.

Многие охотники придерживаются очень строгих правил в отношении соблюдения благочестия на тетеревиных токах. Так не говоря уже о том, что возбраняется осквернять это место какими-либо нечистотами, считается недозволительным плеваться на току. Окурки и пепел от них промышленники тщательно собирают и кладут себе в карман или в шапку с тем, чтобы выкинуть их вон после своего удаления, на значительном расстоянии от токовища. Само собой подразумевается, что охотники, как и всегда, избегают каких-либо легкомысленных разговоров или замечаний во время ловли тетеревей.

Всячески остерегаясь выразить недовольство, или тем или иным способом оскорбить зверя, вместе с тем охотники принуждены бывают их убивать. Нет ли тут противоречия? Несомненно убийство является актом недружелюбия. По р. Кожем-ю старообрядцы на охотничьем промысле на белку пользуются луком с притупленными

стрелами, чтобы «не проливать крови» зверя. (Нат. Очерк, 102). Исходя из этих мыслей, охотники стараются чем-либо сгладить свою вину, отвести гнев зверя на кого-либо другого или показать непреднамеренность убийства, стараются примирить с собой зверя. Печорские охотники, напр., боятся осматривать рану промыслового зверя, подчеркивающую акт убийства. Одновременно с этим у самоедов по отношению к хищнику, волку, существует правило противоположного характера: на рану убитого волка не только можно смотреть, но нужно плевать (Г. Старцев). Также и у Вымских Коми рыбаки впервые познакомившись в Вычегодском бассейне со стерлядью, каждый раз, как она неожиданно попадалась в невод, бурно выражали по отношению к ней свое негодование как к нечистой рыбе, всячески оскверняли ее, мочились рыбе в рот и бросали ее с проклятиями и заговорами обратно в воду (В. И. Трошев). Когда снимают со зверя шкуру, то говорят не «снять шкуру», а предупредительно предлагают «помочь раздеться зверю». Чтобы при снятии не допустить какого-либо несоответствия с ритуалом, а также для соблюдения технических требований, снимание шкуры с ценного зверя поручается более пожилому охотнику. Когда имеют дело с более дорогим зверем, то тушу его с почетом хоронят под пеплом костра, перед шалашом [1]). На Печоре для медведя иногда вырывается яма на месте трупа и в ней по определенному ритуалу хоронится голова его. Раньше при этом хоронились все кости медведя. После хоронения зверя устраиваются «поминки».

Совершенно аналогичные обряды существуют и в рыбной ловле. В рыболовных артелях «veža—vidźny», «соблюдать святость» выполняется строжайшим образом. Легкомысленный (yśty-povźi), или завистливый (kolyś), человек является совершенно неприемлемым для артелей. В таких случаях поминутно необходимо совершать обряды очищения дымом. Первая рыба в настоящее время в некоторых районах обязательно должна быть принесена в жертву богу (molitöma). На Выми, между прочим, первый рябчик оставляется на гладко отрезанном пне по адресу лесного духа (gönapeĺ) [2]).

---

[1]) См. мою статью.—Пережитки культа промысловых животных у охотников Коми. Журнал Коми-му № 5 (27) 1926 г., стр. 29—35.

[2]) Одинаково и женщины, собирая ягоды, часть своего сбора оставляют на пнях.

На Печоре из первой крупной рыбы, попавшейся в невод, готовится обрядовый обед для всей артели. Считается недозволительным совершать кровопролитие во время чистки этой рыбы. Убивают рыбу не ножем, а между двумя камнями, ударяя верхним камнем по голове рыбы. Потрошат рыбу также не ножем, а путем выдавливания внутренностей [1] (Н. Попов) [2].

Многие угро-финские народности (лопари, вогулы и др.), также как и многие другие народности, при этом не ломают костей рыбы или птицы, бережно складывают их в естественном виде, и первых бросают в воду, а вторых или хоронят или оставляют в священных местах, чтобы они снова ожили [3].

Многие обычаи, связанные с промысловыми животными, имевшие первоначально магический характер, получают в дальнейшем эстетический смысл. В этом отношении на Печере «особенно обращает на себя внимание способ украшения красного угла под иконами. Весь этот угол изукрашен оригинальными виньетками, составленными из разноцветных лоскутков, черепов с клювами, грудных душек, лапок глухарей, тетеревей и уток и белых куропаток с их длинными мягкими коготками» [4].

Магические свойства одежды.

В соответствии с жизненным значением всех предметов колдовского инвентаря стоят поверия, связанные с частями одежды. Поверия, имеющие отношение к поясу, как указано выше, скорее примыкают к повериям о круге, о замкнутом пространстве, к идее замыкания, овладения путем завязывания.

Из других частей одежды значение талисмана получает шапка. На Ижме во время свадьбы не советуется жениху снимать своей шапки, чтобы не быть околдованным. Так же и в Вычегодском районе— засватанной невесте с момента ее сговора до венца полагается,

---

1) U. Holmberg, 62—66, 255.

2) Интересен обычай печерских рыболовов, состоящий в том, что при начале рыбной ловли в первую или вторую ночь кидают между членами артели жребий, и на кого он падет, его перед рыбной ловлей купают в воде. Данный обычай идет уже из другого источника.

3) U. Holmberg, 5,33, 254.

4) Т. Нат. Очерк промысловой охоты в Печерском крае. (Лес, его изучение и использование. Первый лесной сборник Промышленно-Географического Отдела КЕПС 1922., стр. 96).

в целях колдовской предосторожности, носить на себе какой-нибудь vudžör («тень»). Таким vudžör может быть платок на голове, железный предмет (иголка и т. п.), волокна мужских особей конопли (uv pyš, pyš Ïak) в подстилке обуви и т. п. Талисманы могут быть сняты с молодой только через три дня после венца. Волокна (uv pyš (нижней исподней конопли, посконь), по мнению женщин Палевиц. волости, обладают колдовской силой потому, что они (эти особи конопли) «не дают продолжения своего рода, не дают плодов».

В ночь на крещенье, для того, чтобы увидеть вещий сон, под свое изголовье кладут или нож, или гребенку, или свое белье. Белье в данном случае выступает в качестве магического предмета, также как и нож.

Покойник и его части. В особую категорию нужно отнести действия, связанные с частями тела умерших. Возникает вопрос—существует ли в настоящее время что-либо подобное. В разрешении этого вопроса нужно быть очень осторожным. Так, например, несколько лет тому назад среди некоторой части населения Прокопьевской волости долгое время передавались разговоры относительно того, что один кр-нин с. Придаш после смерти своей жены вырвал у нее ногти на пальцах рук и ног. Это будто бы вызывалось тем обстоятельством, что при жизни со своей женой они были не в ладах, потому, чтобы жена не могла отомстить ему после своей смерти, он и вырвал у нее ногти. Рассказ этот, повидимому, казался настолько правдоподобным, что не только местные кр-не не сомневались в истинности происшествия, даже слушатели Пед. техникума, местные жители, передавали это как факт. Однако, по исследовании вопроса на месте оказалось, что в основе этой легенды не было ничего соответствовавшего действительности. Муж очень любил свою жену, сам вымыл и обряжал ее. Когда он надевал ей чулки, то стоящие позади женщины высказали предположение: не вырывает-ли он ей ногтей, что так долго там копается? Этого были достаточно, чтобы выросла легенда. Хотя самая возможность появления этой легенды говорит о том, что население такой факт считает естественным и вполне возможным, но все таки действительность от представления приходится отличать. Тем не менее фольклор Коми заключает массу рассказов, где герои оперируют теми или другими частями человеческого трупа, при этом обладая этими частями, они являются

невидимыми и могут безнаказанно воровать и т. п. Соответственно с этим мне приходилось слышать объяснение строгого дежурства около скоропостижно умерших людей: это будто-бы делается исключительно из-за того, что злоумышленники могут украсть или изувечить труп для воровства.

Чтобы судить о достоверности калечения трупов, я приведу случай в более подробном описании. Летом 1924 года мне встретился случай, подтверждающий практику калечения трупа с колдовской целью и в настоящее время. Дело произошло при следующих обстоятельствах: прожив 4 дня в д. Каринской во время своей Печерской краеведческой поездки, я поселился со своим товарищем у одного очень положительного и серьезного кр-на Л. Б. Он относился сначала к нам осторожно и отвечал на наши вопросы сдержанно. Но потом через несколько дней он вполне освоился с нами и в отношении своих рассказов стал более откровенным. Однажды он спрашивает нас: «Как вы думаете, бывают случаи, что труп тайно поднимают из могилы и для чего-то отрезывают у него палец»? Мы определенного сказать ничего не смогли. Тогда он рассказал следующее: «Это было 8 годов тому назад. Однажды заходит ко мне моя двоюродная замужняя сестра [1]) и говорит: «Братец! ребенка, которого я похоронила, кто-то поднимал из могилы: на могиле были приметные куски земли, которых теперь нигде нет. Вся земля на могиле разворочена и по первому выпавшему снегу видны чужие следы».—«Молчи—говорю—если без меня поднимешь ребенка, как следует проберу». Затем, пришли и выкопали могилу (взяли одного местного парня в помощь для работы) и что-же оказалось? Установили, что приметных кусков земли действительно нигде не было, угля из кадильницы, бывшего наверху могилы, тоже не оказалось; береста, которая была на гробике, оказалась перевернутой на другую сторону; веревочная перевязка гробика—разрезана; холст, которым был прикрыт труп, высовывался из гробика наружу. Как открыли крышку, то увидели,—безымянный палец левой руки трупа был отрезан по первому суставу. Поверхность земли немного кругом могилы попорошило снежком и на ней были заметны отпечатки следов больших человеческих ног в валенках».

---

[1]) Передаю точно с памятной книжки с переводом на русский язык.

Парень, по просьбе участвовавший в раскрывании могилы для исследования и приходивший к нам, вполне подтвердил сообщенное Л. Б., прибавив, что ранее он совсем не боялся умерших, а теперь их очень боится. Существует в этой местности поверье, что обладание пальцем умершего способствует богатому промыслу на охоте.

Кроме того, существует поверье, как указано выше, на Печоре и по Вычегде, что владение какой-нибудь частью покойника делает человека невидимым. С этой же целью, как сообщает Янович, пермяки хранят свой случайно отрубленный палец. (Пермяки, 150.)

Покойники, кроме того, по представлениям Коми, являются вещими. Этим свойством в некоторых случаях стараются воспользоваться. Существует гадание «с покойником». Один из гадающих изображает покойника. Его сначала обмывают, потом обряжают и укладывают в передний угол, аналогично настоящему покойнику. В руки ему дается горящая свечка. Все остальные гадающие заходят в голбец, держась за мизинцы, и оттуда по одиночке выходят через избу в сени [1]). «Покойник» должен наблюдать за выходящими и указывать, у кого была какая внешность. Иногда лежащий наблюдает через систему зеркал. В последнем случае одно зеркало ставится у изголовья, в котором отражаются выходящие из голбца. Гадающий же смотрит уже отражение, отраженное в свою очередь в другом зеркале, размещенном у него на груди. Считается, что будущая судьба человека символически выражается на его внешности заранее: одни должны выходить с гробом, другие с венцом, третьи с ребенком и т. д. Мнимый покойник будто бы видит это и должен рассказать каждому гадающему свое о нем впечатление. Существует поверие, что если мнимому покойнику сказать «прöсти-бласлöви», или же воткнуть во время лежания

---

[1]) Во многих обрядах, где имеют дело со сверхъестественной силой, количество лиц, предметов и т. д., должно быть нечетное, как-то: 1) количество лиц при приготовлении гроба (Пермяки), а также во время гадания; 2) количество сватовей на свадьбе, на Удоре; 3) нечетные по порядку родившиеся считаются счастливыми.

У Пермских Коми длина и ширина строящейся избы в аршинах должна выражаться обязательно нечетным числом—7, 9, 11; таким же образом, порог и матицу во вновь строящихся домах стараются приспособить на нечетном числе венцов сруба: порог—на 7 или 9-м, матицу—на 17 или 19-м. (Н. Рогов. Материалы для описания быта пермяков. Ж. М. Вн. Д. 1858, XXIX. 94, 103).

в стену иголку (без ушка), то гадающий уже не встает, а на самом деле умирает.

Кроме этого существует интересная свадебная игра с покойником, при этом здесь выявляется большой публицистический материал. Игра состоит в следующем: на середину избы располагают скамейку, на которой размещают «покойника». Около него располагается несколько человек, имеющих с ним общение (жрецы). Вся группа закрывается пологом. Затем время от времени один из «жрецов» начинает выходить и выкрикивать публике от имени покойника вещие слова относительно того, с кем и что за этот год было предосудительного. Уличают, например, подозреваемого в воровстве, лиц, сделавших кому-либо хозяйственный вред и т. д. В конце игры каждому человеку деревни назначают прозвище. Более изобретательные игроки данную форму игры использовывают довольно широко. Часто на этих же игрищах получают прочное название части деревни, улицы ее и т. п.

VI. КОЛДОВСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ИХ ЭВОЛЮЦИЯ.

Из разбора состава колдовского инвентаря возможно сделать некоторые выводы. Прежде всего колдовские действия первоначально были связаны непосредственно с хозяйственной деятельностью человека. Соответственно с этим более важными колдовскими орудиями являлись орудия наиболее важные в хозяйственной деятельности человека и предметы важные в отношении человеческого благополучия вообще (одежда и т. п.). Вместе с тем и самые действия имели целью первоначально непосредственный хозяйственный результат, а потом уже и сверхъестественный магический. Также последующая дифференциация осмысливания одного и того-же действия в реальном и магическом его значении была возможна вследствие первоначально синкретического мышления вообще, когда во всякое восприятие вкладывалось комплексное содержание, иное чем то, которое вкладываем мы в настоящее время в свое восприятие. Реальное и магическое начала первоначально были как бы в диффузном состоянии в мышлении первобытного человека, а обособились они уже в дальнейшем.

Вместе с тем сверхъестественное, как было уже указано выше, не могло мыслиться иначе, как в форме тех же реальных существ

и поэтому мы наблюдаем полное соответствие между отдельными разновидностями колдовского инвентаря и материальными «воплощениями» соответствующих сверхъестественных существ. Вредные для человека реальные существа были вместе с тем таковыми же и в сверхъестественном смысле.

Окуривание.

Особенно мучительным, наиболее ощутительным видим борьбы первобытного человека была борьба против насекомых. Все остальные виды борьбы—с хищниками, с холодом и с голодом—преодолевались коллективно и с «оружием в руках». Борьба же против насекомых особенно в летнее время, человеку была почти не по силам.

Вспомним отношение к ним животных. Многие животные, собаки, медведи и прочие, в летнее время принуждены кататься по земле для того, чтобы раздавить забравшихся в их густой мех комаров. Лоси в густом лесу находят единственное спасение от мошкары в болотах, в озерах, куда они забредают и так глубоко, чтобы только оставалась возможность дышать. Полуприрученные олени стада коми-оленеводов при приближающемся наступлении оводного сезона начинают чувствовать непреодолимое стремление на север, к Ледовитому океану, и устремляются туда с такой стихийной силой, что оленеводы и не пытаются противопоставлять что-либо этому инстинкту. Наконец, условия существования человека в лесной полосе и в настоящее время представляет много неприятностей в летнее оводное время. Наша всемогущая культура не только не в состоянии побороть силу маленького комара и уничтожить его, но и придумать какое-нибудь более или менее радикальное средство для защиты от них.

Коми-крестьяне знают только два средства, при помощи которых немного на время позабывают о существовании комаров—баню и дым (окуривание).

В лесных деревнях самым лучшим средством доставить удовольствие гостю является—приглашение его в баню. Бани строятся просторные и топятся поочередно с тем, чтобы у кого-нибудь она топилась ежедневно в летнее время. Обычно париться приглашают всех из деревни. Париться ежедневно представляется совершенной необходимостью, так как за день кожа настолько отравляется от укусов насекомых, что она начинает гореть. Единственный способ освобождения от такого неприятного чувства—пропотеть в бане.

Другим способом борьбы с комарами является дым, окуривание жилых помещений. При этом окуривание нужно производить весьма тщательно и с большими предосторожностями, необходимо, чтобы все помещение наполнилось дымом, так как в противном случае комары забираются в сено, подстилку на полу и там остаются. Для выхода комаров нужно оставить только небольшое отверстие.

Теперь становится понятной роль дыма и окуривания в системе магических воззрений Коми, а также и других народов. Дым, окуривание, есть реальное средство против реальных мучителей, насекомых. Насекомые и другие вредные животные по более поздним представлениям являются творениями злого начала, а первоначально они сами и являются злым началом.

Характерна в этом отношении общефинская космогоническая легенда, встречающаяся и у Коми. Элементы ее заключаются в следующем: творцами мира являются два товарища (по другому варианту два брата, причем второй брат родился от плевка первого). Один из творцов мира имеет вид лебедя, а другой—гагары [1]. Это Ен и Омоль. Ен и Омоль создают землю и небо (земля достается гагарой-Омолем из-под воды) и весь остальной мир. Небо имеет 7 этажей; 1, 7 и все нечетные небеса—создание Ена, а четные—Омоля. При этом каждое небо имеет один из цветов радуги [2]. Во время создания неба происходит между творцами спор, а потом и дележ. Землей по праву сильного завладевает Ен, Омолю не достается ничего. Тогда он просит дать ему отверстие в земле, получающееся в результате забивания в землю кола. Это желание Еном удовлетворяется. Дальше Еном создаются все живые существа, полезные для человека. А из отверстия в земле (очевидно из подземного мира. А. С.), доставшегося Омолю, выходит несметное количество различных гадов, насекомых, червей, всего того смрада, что постоянно преследует человека и вредит ему всеми способами [3].

У лопарей Н. Харузиным записана легенда, по которой волк является тоже созданием злого начала. Бог однажды, странствуя

---

[1]) См. мою статью: «Следы» ж. Коми-му, № 1—2, 1924 г.

[2]) Элемент, записанный по Вычи Г. А. Старцевым.

[3]) У К. Ф. Жакова существует художественная обработка этой темы в рассказе: Ен и Омоль.

по земле, наткнулся на топкое болото, пересекавшее ему путь. Обращается он тогда к различным животным... чтобы они перевезли его через болото. Волк отказывается на том основании, что он не его создание, а олень потому, что он голоден. Только медведь перевез его через болото [1]). Болото, по представлениям Коми, тоже создание злого духа (В. П. Налимов).

Отсюда ясно, почему, например, порча-шева представляется коми в виде различных насекомых и гадов—ящерицы [2]), червячка, бабочки, жука [3]) и т. п. Это все существа, несущие болезнь, мучение человеку—с одной стороны, с другой—они-же всегда сопровождают всякую физическую порчу, разложение, гниение, например, продуктов питания и т. д.

Таким образом первоначальные представления о порче,—мыслящейся, в результате ли механической передачи (шева) или же в результате заболевания через посредство слова (vomidź),—были связаны с представлением о насекомых, комарах и т. д., боящихся только дыма, окуривания. Они являются источниками мучения и становятся в дальнейшем символами болезни, смерти, а также и подземного мира [4]).

Культ орудий. Круг злейших врагов человека в прошлом, конечно, не исчерпывался насекомыми. У него были более внушительные враги в лице различных хищников-животных. В борьбе с ними человек научился ценить первые свои орудия, в числе которых зубы, ногти, занимали все еще почетное место. Вместе с тем и со стороны зверей ему угрожали страшные их зубы и когти. Вполне естественно поэтому применение оружия не только в реальном своем назначении, в момент действительной реальной опасности, но и в ожидании какой-либо неизвестной опасности магического характера. Первоначально эта опасность конкретно могла мыслиться не иначе, как в форме нападения того или другого зверя или животного.

---

[1]) Н. Харузин. Русские Лопари, 119.

[2]) Представление о ящерице, как представительнице злого начала, повидимому, ведет свое начало из других источников.

[3]) Г. С. Лыткин. Зырянско-русский словарь, 108.

[4]) Названия для комара и червя у Коми имеют один и тот же корень, комар— nom и червь—nom-yr.

Неудивительно также и то, что звери и животные дали собой человеку первый материал для создания уже некоторой системы для выражения своих религиозных представлений. Боги и богини не только в эпоху появления социальной религии, когда центральной фигурой религиозных воззрений становится представитель рода, крови, ведущий часто свое происхождение от различных животных, но даже и в исторический период племенной и государственной жизни, когда божества уже антропоморфизируются, тем не менее все же культ животных или же воззрения о частичном или полном воплощении в них божеств и героев мы находим в довольно ясном виде в разнообразных пережитках прошлого.

Происхождение представлений о двойнике предметов (о душе).

Наиболее существенным моментом на пути развития религиозных представлений является вопрос о появлении идеи души, система верований, известных под именем анимизма [1]). Откуда у человека появилось представление о душе,—о духе? Какие факторы привели человека к представлению о том, что вещи, кроме своей физической сущности, имеют еще какую-то другую сущность. Вопрос этот является кардинальным, так как в дальнейшем этим самым фактом дается предпосылка для всей последующей истории развития религий. Это положение можно высказать в виде афоризма—дайте мне душу и я создам из нее бога.

Все последующие стадии религиозного мышления оперируют этим основным элементом для своих построений, идеей души. Этим объясняется существование разнообразных подходов к объяснению факторов, вызвавших появление представлений об этом двойнике предметов—о душе. Интересно, что первобытные народности одушевляют не только человека, животных, но даже и самые простые неорганические предметы, котлы, ножи и т. п.

Антропологическая школа этнографов во главе с Тэйлором в основу развития анимических представлений кладет физиологические явления сна, жизни и смерти и т. д., в которых человек выступает в двойственной роли, то субъекта, то объекта (сон), то живого, то мертвого, то двигающегося, то теряющего способность двигаться и т. д.

---

1) Проблема анимизма с нашей точки зрения заключается в проблеме двойника предметов, персонификация же и одушевление являются с нашей точки зрения последующими стадиями развития этого представления о двойнике.

Но упомянутая теория совсем не объясняет самого момента, к которому должно быть приурочено возникновение представления о душе. Почему именно на определенной ступени своего развития человек обратил свое внимание на физические явления сна, жизни и смерти? Эта школа исходит из первичности анимистических представлений. Между тем у ряда различных народностей, первоначальные религиозные представления о сверхъестественных силах и теперь часто носят безличный характер. В настоящее время можно считать уже более или менее установленным положение, что анимизму предшествовал период доанимистический, с безличным характером сверхъестественного, который английские исследователи называют аниматизмом [1]).

Таким образом, нужно признать, что явления сна и смерти требуют указания дополнительных факторов, которые позволили бы приурочить возникновение представлений о душе к определенному культурно-историческому моменту. Таким моментом социологической школой считается появление авторитарного об-ва с его дифференциацией и началом классового расслоения.

В виду того, что новый тип общественной жизни связан и с изменением всего миросозерцания в целом, в том числе и самих основ мышления, в силу этого и разбираемую проблему мы ставим в связь с характером первобытного мышления вообще.

Попытаемся показать, что анимизм органически связан с известным типом мышления и вместе с тем через это и с определенным строем общественной жизни, который в свою очередь есть результат успехов материальной культуры.

Исследования Фрэзэра, Леви Брюль, Прейса и мн. др. показали, что первобытные народности пережиточно сохранили возможность мышления совершенно на других началах. Законы современного

---

[1]) Если некоторые исследователи, как, например, Кондрингтон, Риверс и другие (см. ст. Л. Я. Штернберг. Современная этнология. Новейшие успехи, научные течения и методы. Ж. Этнография № 1—2, стр. 33) понятие мана, как форму безличного воплощения сверхъестественного, у некоторых народностей находили происшедшим от представлений о духах умерших людей, то это не изменяет сути дела, так как вопросы генетические могут решаться только конструктивно, вследствие того, что нет в современности такого народа, который сохранил бы первичную форму религиозных представлений, даже народы, стоящие на самой низшей степени развития, в этом отношении гораздо ближе к нам, чем к исходным моментам человеческой культуры. Примеч. автора.

мышления вообще характеризуются тем, что работа мысли протекает в нормах логики, формулируемых логикой. Основным элементом логического мышления является оперирование представлениями и понятиями. Поскольку представления находятся генетически ближе к восприятию, постольку понятия, наоборот, являются искусственными созданиями нашего сознания. Последние основаны на способности современной психики бесконечно расчленять свои представления на элементы и из этих элементов создавать (абстрагировать) некоторую психологическую формулу, способную быть приложенной к ряду аналогичных представлений. Здесь происходит как бы процесс обобществления содержания психической жизни.

Выходит, что результат такого абстрагирования выводит наше мышление из одной плоскости; над конкретным материалом восприятий и связанных с ними представлений вырастает как-бы новый этаж надстроечный, даже многие этажи, вырастает менее конкретный, но вместе с тем более универсальный слой психических явлений в виде понятий.

В противоположность этому главные признаки дологического мышления—«одноплоскостность», конкретность и комплексность. В виду того, что внешний мир воспринимался человеком в связи, в совокупности, потому в известных комплексах-восприятиях сочетаются такие предметы и явления, которые в настоящее время нами совершенно не могут быть объединенными. Такие связи должны были отразиться, конечно, и в языковом творчестве. Яфетидология своим методом проникновения в доисторическое языковое творчество реально вскрывает эти первобытные связи между корнями слов, следовательно, и между комплексами восприятия мира. Для иллюстрации достаточно привести несколько семантических рядов, какие мы можем найти в работах акад. Н. Я. Марра, например: небо—гора—голова, рука—женщина—вода и т. д. Эти представления, в пределах каждого ряда в настоящее время совершенно обособленные друг от друга, назывались раньше одним словом, следовательно, и в восприятии они представлялись близкими друг к другу элементами.

Спрашивается, что для доисторического мышления являлось критерием для разграничения комплексов, хотя и очень немногочисленных, но все-таки очень важных, вокруг чего комбинирова-

лись элементы комплекса, какой из этих элементов являлся основным, выступавшим в качестве некоторого знака всего комплекса (хотя символов, как таковых, тогда отнюдь не могло быть)—вот вопросы, требующие ответа. Не имея возможности здесь подробно останавливаться на этом вопросе, нужно отметить, что в основе этих комплексов, возможно, лежало общее ощущение среды со всеми ее составными частями, не связанными друг с другом ни причинно, ни органически—с одной стороны и трудовые моменты—с другой.

Подходя яфетидологически к явлениям коми-языка, мы в нем находим также очень много пережитков доисторического языка и форм восприятия. Так коми-язык обнаруживает, что в спряжении первоначально не было совершенно категорий времени, т.-е. первоначальное восприятие находилось вне понимаемого нами времени. Понимание времени было расчленено по другим конкретным комплексам восприятий, время не было единым как форма восприятия. В дальнейшем появилось в спряжении два времени: прошедшее и настоящее, а впоследствии к ним присоединилось и будущее время [1]). Действие и предмет, повидимому, сливались в одном комплексе, так как и в настоящее время сплошь и рядом одни и те же суффиксы образуют и формы глагола и формы имен. Хотя грамматические формы и отстают немного от форм мышления, но в методологическом отношении параллели между ними нельзя отрицать. Счет и числа представляют собой продукт абстрагирования мышления. Числа первоначально воспринимались в связи с целым конкретным предметом. Римские цифры отражают несомненно счет по пальцам, V есть кисть с растопыренным пальцем, X—комбинация двух пятерок. Двойные, парные предметы и теперь Коми воспринимаются как цельные предметы, так что для обозначения одного из пары приходится говорить половину. «Śin»—(«глаз»—в ед. граммат. числе) значит—«пара глаз», а «śin-pöl» («пол глаза»)—это «один глаз». Также, одна оглобля по-коми будет «пол оглобли», (voš pöl), а одна нога «пол ноги» (kok pöl) и т. д. «Много» первоначально было то же, что «большой», «старший» (ср. un-aj, un—старший, una—много). Основными

---

1) Наиболее важным генетически было, повидимому, прошедшее время, выработавшее ряд разновидностей.

числами могли быть только те, которые чаще встречаются в близких для человека предметах: от человеческой руки—2, 5, 10, 1, от конечностей животных может быть 4. Несомненно производными словами являются названия для 8, 9, а может быть и для 3-х, 6 и 7.

По исследованиям акад. Н. Я. Марра в яфетических языках понятие «руки» наложило свой отпечаток на следующие, напр., группы отделившихся от общего комплекса понятий: давать, ловить, побеждать, близость, половина, два, сила, право, правитель, царь, щедрость, радость, благословение, называть и т. д. Кроме того из настоящей работы видно, что и многие виды колдовства тоже связаны с «рукой» и названия их производятся от слова «рука».

Не меньше значений получилось от понятия дом, который объединял собой и момент самого хозяйствования, и представления о самих постройках, о всех живущих в них, об их благополучии и т. д. Некоторое представление о комплексе дома можно получить из фразы: «он переехал со всем своим домом». Тут, правда, выпадает наиболее существ. признак—это самые постройки, но тем не менее сюда входит достаточно разносторонний и конкретный материал о доме. В комплексе представления о доме сливались и связывались идеи не только о предметах, но и о всех действиях, связанных с этими предметами.

Вместе с тем все эти комплексы едины, каждая часть выступала, как заместитель целого. Рыба—была частью воды и вместе с тем той же природы, что и вода, птица — проявление неба, часть неба, само небо и т. д. Эту мысль хорошо иллюстрирует встречающееся в Вычегодском районе поверье относительно того, что во время цветения ржи нельзя собирать морошки. Северный холодный ветер случающийся в это время объясняется тем, что кто-то, наверно, «тронул болото» (принес морошку) вследствие этого и стал распространяться холод (ńur vörźedisny da voj-töv peti). В то же самое время эти комплексы были и достаточно конкретны.

Область психических явлений, как таковая, оставалась совершенно вне поля зрения в смысле объекта восприятия. В лучшем случае внимание обращалось на внешние проявления психических явлений в связи с определенными материальными предметами, ко-

торые и становились в центре понимания психических моментов. Ум и ловкость в коми-языке одно и тоже. Мастерство, искусство, напр., функция руки (ti-etš).

Сила слова объективировалась со стрелой. Это было отнюдь не уподобление, а реальное восприятие. «Слово, что стрела»— понималась буквально. Vomidź в результате недоброжелательного слова, как своеобразный результат внушения, понимается именно как заболевание сначала местное, которое, как было указано выше, постепенно захватывает вдальнейшем весь организм.

Соответственно материальному представлению слова рот является не только выразителем, но и источником слова. Ĺok voma, т.-е. «с плохим ртом», является человек неуживчивый, вздорный, невоспитанный.

Дальнейший процесс мышления пошел по пути распадения первоначальных комплексов, основанных на пережитках зоологического восприятия и на примитивном трудовом быте, на свои составные элементы. Многие из этих элементов оказались совсем из своеобразного порядка явлений, точно также многое из того, что раньше мыслилось, как предмет, оказалось только функцией. Классификация и разграничение предметов стали проводиться с другой точки зрения. Человек оказался в состоянии создать искусственный мир понятий. Одним словом, старые формы восприятия начали разрушаться, содержание из них начало уходить. Тот же самый дом, та же самая река в представлении людей приняли более реальный и ограниченный смысл. Элемент деятельности из первоначального слияния в материальном символе комплекса выделился в самостоятельный объект восприятия.

В первоначальных недифференцированных звуковых комплексах слов выделились корни—одни с тенденцией выражать действие, глагольность, другие—название предметов. Появилось мышление количественно, а главное качественно, совершено другого рода. Оно стало более дифференцированно. Первично материальные комплексы восприятия распались и дали начало понятиям с одной стороны—реально-материальных предметов, а с другой стороны—явлениям порядка энергии, функциональности, действия и психологического порядка.

Что же сталось с первичными комплексами? Совершенно-ли они исчезли? Нет, человечество настолько долго выносило его

в своих недрах, что они сразу не исчезли. «Дух» комплексов витает над современным дифференцированным мышлением.

Язык поэзии, синтетическая мысль предсталяют собой источник, пережиточно сохранивший те ассоциации, те формы психической деятельности, которые были свойственны далекому прошлому.

В примитивном мировоззрении эти комплексы долго живут в своих уже опустошенных внешних формах. Рука, глаза и др. части тела, возглавлявшие раньше комплексы восприятия, получают теперь душу, как пережиток бывшего когда-то комплекса. Дом, откуда в настоящее время удалено все мистические, где осталась одна техника, получила в наследие от старого восприятия домового, овин—овинного, баня—банного (последние по аналогии с домом). Лес в виде наиболее бросающегося в глаза своего признака, медведя, получил своего хозяина, свою душу в виде медведя, вода—своего властителя, рыбу) и т. д. и т. п. То, что из старого наследия не стало вмещаться в новом более узком понятии, стало давать материал для представления о двойнике предмета. Многие,—сначала не все—предметы получили душу в наследство от прежнего комплексного восприятия, как его воспоминание—как нечто действительно объединяющее. А на самом деле это есть не что иное, как первоначальное представление единства всего данного комплекса и при том представление сначала довольно материальное, поскольку все мышление раньше было конкретно. Души всех органов человеческого тела объединились в одну бессмертную человеческую душу. Это завершение процессса.

Таким образом представление о духах, о душе и т. д. вышло и имеет своим источником скорее не столько процесс одухотворения природы, как положительный процесс, сколько представляет собой пережиток от первобытной материализации мира по системе комплексного его восприятия. Поэтому идея о духе, о двойнике человека и предметов возникла не из представления о жизненной силе (жизненная сила ведь как раз выражалась в сильных мускулах, в страшных зубах и когтях—предметах очень материальных), так же не могла она выйти из самонаблюдения в связи с физиологическими явлениями сна и смерти потому, что эти явления были раньше, остались и потом. Духи—суть нечто, объективирован-

ная привычка мысли, остававшаяся от эпохи комплексного восприятия мира, отзвук от до-логического мышления.

Итак, анимизм связан с общими нормами мышления, он есть пережиток первобытного, комплексного восприятия предметов при современном анализо-синтетическом логическом мышлении и появление его объясняется именно появлением нового способа мышления. Когда родилось новое мышление, тогда же родилась, как тень, его двойственность, одухотворение, анахронически нашедшее для себя впоследствии почетное выражение в учении о божественной душе и т. д. Разумеется что это произошло не моментально, а в течение целых эпох [1]).

Логическое мышление, построившее из элементов комплексного восприятия мира стройное здание научного познания, одновременно с этим из обломков тех же самих комплексов,—бледной тени былого цельного восприятия,—создало другой, параллельный реальному мир, царство духов и богов с единым создателем в центре вселенной. Прототипом того и другого сооружения было авторитарное общество, которое и подсказало организационные формы как метода построения, так и самого здания реального знания и здания религии.

---

[1]) Объяснение А. Богданова (Наука об общ. созн., изд. 2-е, 66) возникновения понятия души в связи с возникновением причинного мышления из идеи о человеке, как исполнителе и организаторе, не может считаться удовлетворительным потому, что такое объяснение предполагает причинное мышление или уже существующим, или же появившимся моментально для самой постановки первобытным человеком вопроса о причине того или иного явления. Оно верно только отчасти. Оформление понятия о душе—процесс довольно продолжительный и имеет собственную историю, хотя он и совершался одновременно с выработкой причинного мышления. Имея своим источником первоначальные комплексы восприятий, представление о двойнике, раз появившись, начало получать дальнейшее применение уже по типу действительного оформлявшегося постепенно логического, причинного мышления с анализо-синтетическим характером. С одной стороны стали одухотворяться и многие другие предметы, ранее не находившиеся в центре трудовых комплексов восприятия, с другой—духи стали складываться в социальные формы, подобно авторитарному об-ву. В основе же появления и авторитарного об-ва и причинного (логического) мышления лежит хозяйственная деятельность человека, научившегося владеть орудиями. Логика основана на анализе, анализ мог быть осуществлен познанием мира только при помощи орудий.

Первобытная общественность, как основа колдовского мировоззрения.

Спрашивается, чем объяснить целый ряд своеобразных черт психики у Коми, также как и у других близких к природе народностей, проявляющихся в колдовских обрядах-повериях? Почему подобие предмета заменяет весь предмет? Почему для воздействия на весь предмет достаточно воздействия на его честь? Каким образом получилось представление, что желаемое должно быть и реальным? Откуда такая внушаемость, которая в условиях коми действительности дает такие разительные результаты в колдовских состязаниях (etšasöm), в охотничем быту (артели) и в vomidź, откуда поверия о всемогуществе слова?

Объяснение всех поставленных вопросов нужно искать в явлениях социального порядка. Ф о р м ы п с и х и ч е с к и х п р о я в л е н и й с у т ь в и з в е с т н о м с м ы с л е ф у н к ц и и о б щ е с т в е н н о й ж и з н и. Нормы мышления доисторического общества представляет аналогию формам и структуре этого об-ва.

В самом деле что такое комплексность и нерасчлененность доисторического восприятия? Это есть соответствие нерасчлененности общества того времени. Почему мы встречаем «одноплоскостность» дологического мышления? Потому что и общество одноплоскостно, недифференцированно ни в производственном, ни в сословном, ни в классовом отношениях. Первоначальное расчленение появилось сначала только на основе полового и возрастного характера. Таким образом для возникновения механизма аппарата мышления по нормам логики мы не видим в примитивном обществе ни объективных образцов, построенных по этому типу, ни сил, которые бы навязывали такой порядок мышления.

Общественная жизнь регулировалась требованиями простого сотрудничества, возникшего на почве стадного инстинкта. Однородность хозяйственной деятельности, однородность в правовом положении, приводили к однородности психологического типа и умственных процессов. Общество представляло из себя в значительной мере простое собрание тождественных индивидуумов, связанных, однако, одинаковыми же интересами, инстинктами. Психологическая жизнь одного индивидуума в точности совпадала с таковой же у другого индивидуума и всего общества в целом. Интересы одного оказывались совпадавшими с интересами всех

остальных порознь и всего общества в целом. Вместе с тем целое об-во, коллектив, не представляло собою чего-либо принципиально иного, кроме того, что оно состояло из ряда тождественных единиц. Таким образом часть, индивидуум, качественно мало отличается от целого коллектива. Часть, действительно, то же самое что и все целое.

Формула «часть замещает целое» целиком соответствует структуре недифференцированного общества, формула мысли имеет прототипом структуру общества.

Однородность психических типов и интересов является также достаточным условием для быстроты перехода переживаний от одного субъекта к другому. Для такого перехода отнюдь не требуется даже членораздельной речи. Рефлексы, выражающиеся в телодвижениях, в инстинктивных выкриках отражаются на поведении остальных членов, как на резонаторах. Быстрота и сила перехода психических переживаний от одного индивидуума к другому обратно пропорциональна общественной, следовательно, и психической дифференциации.

Из отсутствия общественной расчлененности вытекает и невозможность критического подхода к переживаниям сочленов своей группы. Восприятие мира, несмотря на коллективность, является в высокой степени субъективным, оно определяется суммой тех представлений, которые человек выработал в результате своих ограниченных достижений трудового опыта плюс психических элементов «космического» мышления, при чем эти элементы космического мышления часто перевешивают над элементами трудового опыта.

До какой степени коллективно-субъективно может происходить психическое восприятие, показывает следующий рассказ закоренелого охотника из с. Важгорт (на Вашке), Черноусова, на тему о посещении его и его товарища во время ночлега в лесной избушке лесным духом (veržittšem)[1]. Однажды осенью собрался Черноусов промышлять вместе со своим соседом. На счастье они наткнулись на такое место, которое изобиловало белкой. К сожалению, в эту осень рано выпал снег и поэтому выловить всех

---

[1]) Передается со слов Д. А. Пантелеева, близкого знакомого Черноусова, которому последний сообщил приводимый случай.

белок не удалось [1]). Охоту прекратили в надежде на то, что, авось, весной, по насту им снова удастся здесь поохотиться. На этом и порешили. Весной Черноусов успел прибыть на место охоты раньше своего товарища-соседа. Между прочим, на дороге его все время беспокоила мысль о том, не разведал ли уже кто-нибудь о намеченном ими с осени месте охоты и не предупредил ли их в его использовании. Как бы то ни было, переночевав в баньке, на утро Черноусов выходит на промысел и слышит по соседству лай собаки, который подтвердил его опасения относительно того, что он уже прозевал: кто-то раньше успел уже занять намеченное место. Прислушиваясь к доносившимся звукам, характеризующим темп охоты (сначала лай собаки, затем, через некоторое время выстрел охотника, потом пауза, соответствующая новым поискам собаки, и новое повторение тех же звуков, но уже с другой белкой), Черноусов окончательно установил присутствие стороннего охотника. Для установления личности отбившего их охотничий район, охотник направляется в ту сторону леса, откуда доносились звуки, но не находит ни следов какой-либо собаки, ни следов человека. На завтра повторилось то же самое. Немного обеспокоенный охотник тогда дает по направлению подозрительных звуков уже большой круг, но и при этом никаких следов не обнаруживает. Прибывший к вечеру товарищ, более знающий охотник, установил, что в данном случае они имеют дело с vörsa (verźittśe). Легли спать. Поместились в избушке на верхние нары [2]). Ночью Черноусов слышит, кто-то начал подходить на лыжах к баньке. Подошел. Сбросил с ног лыжи. Вытащил из скобы, пришитой на спине лузана, топор, поколотил им лыжи, встряхивая приставший к ним снег. Затем лыжи поставил на место (прислонил к стенке избушки), а топор всадил в стенку избушки. После этого из двустволки дал два выстрела настолько сильных, что сажа с потолка посыпалась на лица спавших товарищей, так что даже пришлось им встряхнуться [3]). Прошло затем уже

[1]) Обычно истребление белок выражается в такой мере, что количество оставшихся, ускользнувших от меткой пули, известно охотникам данного района на перечет. Примеч. автора.

[2]) На Удоре нары в охотничьих избушках устраиваются в два этажа. Прим. автора.

[3]) У охотников коми употребляются пистонные дробовики, а раньше были в ходу винтовки, двустволок почти нет в обиходе.

довольно продолжительное время, но в избу никто не заходил. Тогда напуганный Черноусов толкает тихонько своего товарища, стараясь его разбудить. Тот отвечает, что он уже давно не спит и все знает. Дальше велит он Черноусову скорее слезть с нар и бросить наотмашь в печку крошку хлеба, а также выполнить все то, что полагается в таких случаях. Черноусов вытаскивает из своего мешка хлебные крошки и бросает в печку, а затем открывает двери, становится задом к ним, спускает штаны и показывает на улицу свой зад. После этого — говорит Черноусов — vörsa (лесной дух) больше не являлся.

Утром охотники обследовали происшествие, но, однако, никаких следов ни приходившего человека, ни выпавшей с потолка сажи не заметили. Тем не менее объективность происшествия они не могли подвергнуть сомнению, так как при сличении своего воображаемого восприятия друг с другом находили полную их тождественность, хотя никакой договоренности между ними заранее не было. Тот и другой слышали одно и то же.

Весь вопрос на самом деле объясняется одинаковыми воззрениями охотников и большой податливостью их к внушению и самовнушению, в данном случае даже фантазия их, настроенная в известном направлении, работала вполне тождественно.

Восприятие субъективно не только у одной личности, но оно оказывается субъективно даже и у коллектива (однородного).

Условия внушаемости.

В условиях однородного состава общества мы получаем исключительное проявление внушаемости. В связи с этим же становится понятной сила слова, как выражение тождественных, - одинаковых у всех индивидуумов, составляющих коллектив, — психических процессов. Для проявления личной обособленности в первобытном об-ве мы не находим ни хозяйственных, ни общественных, ни психологических условий. Слово, возникавшее в устах одного из членов, получалось в результате побуждения, имевшего одинаковое значение и для остальных членов. Поэтому слово, сказанное одним, было в то же время точным выражением того же психического состояния другого. Слово должно было немедленно вызывать реагирование.

Психическая жизнь настолько функционально связана с материей, что раньше она могла совершаться исключительно в связи

конкретным раздражением. Раздражения нет, нет и психической жизни. Отделить предмет от его представления, благодаря их неразрывной связанности, было очень трудно. Представление о предмете поэтому совершенно не должно было поддаваться отделению от самого предмета. Предмет и его изображение создают почти одинаковое психическое состояние. С изображением предмета перед глазами автоматически воспроизводятся все случаи его восприятия или наиболее яркие из этих случаев.

Если формула симильной магии «подобное вызывает подобное», в настоящее время нашей логикой не принимается, как норма вообще, то в некотором смысле эта формула верна и в настоящее время. Подобное, действительно, может вызывать подобное, только не объективно, а субъективно, в нашей психике. Ассоциации по сходству суть нормы психической работы, без которых трудно представить мышление вообще. Если субъективно эта формула имеет резон для своего существования, то при скудости психической жизни, при чрезвычайно большой податливости к самовнушению первобытного человека, одно фиксирование мысли на каком-либо неблагоприятном для него предмете должно было действительно отражаться губительно на его организме.

Сила внушения во многих отраслях медицины и в настоящее время является могучим орудием в руках опытных психиатров. Таким образом «подобное», как средство внушения, есть закономерное явление для известной эпохи.

Податливость к внушению есть результат неустойчивости и непосредственности психики. Культурно-исторически это есть следствие неподготовленности к переходу от первобытного общества космического, основанного на инстинкте, к обществу авторитарному. Если по отношению к борьбе с природой, с животными человек выработал в себе устойчивость, закаленность и выносливость, то по отношению к новому виду борьбы, борьбы социальной, он должен был начать сначала, привыкать уже в процессе своего культурного совершенствования и поэтому психологические симптомы начавшейся социальной борьбы проявлялись в высокой степени интересных и своеобразных формах. В этом отношении человек индивидуально оказался беззащитен.

Простота, легковерие, непосредственность дают возможность злоумышленнику пожать богатую жатву. Единственное спасение

от злонамеренного внушения заключается в том, чтобы вызвать в себе инстинкт борьбы, перейти из состояния пассивности в состояние активное, в противном случае злое желание как насилие психологически неминуемо вызовет плохие результаты. Отсюда— формулы защиты от «vomidź», которые выражаются в том, что человек, осознавший опасность пагубного внушения, немедленно или направляет мысленно болезнь на другой объект («kaślyś») или говорит враждебное слово к неосторожному собеседнику: «śir piń goršad» (щучий зуб тебе в глотку), «kuź purt goršad» (длинный нож тебе в глотку) или у удмурт: «śinmad jur tśag, sitanad kojtyl» (в глаза твои жгучую лучину, а в задницу сальную свечу [1]).

В других случаях против наступления пагубного результата враждебного слова немедленно принимаются магические меры (тоже проявление активности). Выплюнуть через отверстия между скрещенными пальцами должно выразить недоброжелательное отношение, вызов, одним словом, активное настроение находящегося под угрозой человека и при том усиленное магическим значением отверстия. Опрыскивание, которому подвергают заболевшего от внушения, должно напугать мыслящуюся в материальной форме болезнь. И, наконец, окуривание частями одежды или вещами, причастными к лицам, виновным в наступлении болезни (обычно двум субъектам), имеет целью одновременно и желание выгнать болезнь дымом, в буквальном смысле слова выкурить, и в то же самое время окуривание дымом происходящим от сжигания предметов, принадлежащих виновникам болезни,—повидимому, должно означать уничтожение болезни, через уничтожение части, относящейся к виновнику.

Желание, как причина явлений.

Также и в отношении принципа желания, как причины явлений, мы находим большое место применения в первобытной психике, выросшей на почве недифференцированного общества и в условиях сильной внушаемости. Желание, выраженное в словах, приобретает особенное значение. Слово в известном смысле действительно становится всемогущим. Магическое значение слова еще в начале христианской эры настолько ясно сознавалось, что оно ставилось по библии

[1]) Сообщение К. М. Баушева. По Выми говорят: „kört ńöv śölömad, pym pyridź pitšögad“ (железную стрелу тебе в сердце, горячую пешню—в пазуху).

источником мироздания. Вначале было слово и слово было бог. Выражение пожелания (śijem) в определенную эпоху действительно могло в известном смысле вызывать (по принципу внушения) соответствующий результат. Отголоском далекого прошлого веет от рассказа одного печорского красноармейца: «В с. Уса на Печоре одна женщина торговала самокуром и беспощадно при этом обирала покупателей. Колвинцы, наконец, вышли из терпения и выразили ей пожелание: «пусть тебе отрыгнется кровью» (med-pö tenö virön goŕedas). После этого женщина заболела, глаза у нее вылезли, появились припадки, стала она бить свои конечности». Считают, что все это происходит из-за сказанного слова. Заговор первоначально представляет выражение простого пожелания. При чем это желание выражается не только одним словом, но и действием, часто представляющим подобие желаемого. Повторение слова или действия вызывает усиление их. Все магические слова и обряды обычно повторяются троекратно. Характерно, что у Коми мы наблюдаем в качестве магического числа не только три, но и три в квадрате, 9 (kujima-kyjim) и три в кубе, 27 (kujim ökmys) [1].

Для успешного сопротивления недоброжелательному и враждебному отношению себе подобных человеческое общество должно было совершить большой процесс хозяйственной дифференциации, применительно к своим человеческим составным элементам, в связи с этим большой процесс дифференциации в отношении психических особенностей отдельных членов общества и параллельного развития элементов личности, сознания индивидуальности. Этот процесс неразрывно связан с эволюцией хозяйственной. Индивидуальная роль хозяйственная дает человеку индивидуальное положение в обществе и вместе с тем сознание о своем значении, о роли личности, как таковой. Параллельно с вышеизложенным процессом дифференциации об-ва развивается личность. В связи с этим же уменьшается и роль внушения [2].

1) Г. С. Виноградов, 352.

2) Необходимо подчеркнуть, что хозяйственная, общественная и, следовательно, психическая дифференциация могли начаться только со времени появления человеческой индустрии. С этого момента начинается социальная борьба, в результате которой получается общественная дифференциация.

Способы борьбы с колдовским мировоззрением.

Из предложенного вниманию читателя материала мы видим, что коми-народ как-будто находится в исключительной власти созданий своей собственной фантазии, своего ограниченного кругозора, что он окончательно подавлен «безвыходностью» положения. На самом деле, активность, бесстрашие и инстинкт самосохранения оказались выше всех вредных проявлений неустойчивой психики и нереальных созданий фантазии. Эта активность, дающая снова и снова ощущать власть и силу человека над внешним миром, открывает горизонты на преодоление всех препятствий.

Инстинкт выводит человека на правильную дорогу. Охотники придерживаются положения, что бесстрашие, активность суть единственные спутники успеха в жизни. Применяя это положение к жизни, Коми всегда почти остается победителем в борьбе с созданиями своей собственной фантазии. Испытанным средством против наступления вредных результатов внушения, как было упомянуто, является принятие внушаемым боевого настроения. Такое реагирование имеет большое биологическое значение. В борьбе напрягаются все силы человека, в это время человек мобилизует все накопленные через многовековой опыт свои способности, вызывает к деятельности глубочайшие свои инстинкты, становится бдительным и потому естественно, что сопротивляемость организма ко всякого рода внешним воздействиям в этом случае значительно возрастает. Вместе с тем боевое настроение парализует страх.

Охотник на всякого рода причудливые создания своей фантазии, которые в условиях оторванного от об-ва продолжительного пребывания в лесу реализуются во всякого рода галлюцинации,— бесстрашно бросается с первым попавшимся в руку оружием на объект своей галлюцинации: набрасывается с ножом на лесного духа, запускает свой топор в проносящийся по близости вихрь, стреляет (иногда с левого плеча, иногда между расставленными ногами) в показавшееся привидение, кидает своим ножом в небо. Вооруженный охотник чувствует себя выше бога и выше чорта. На этой почве бывают иногда курьезы, иногда же трагические случаи.

Молодые люди из деревни Jöv-Nörys по Вашке однажды, проходя мимо избушки одного знакомого охотника на свой промысел

и не застав последнего на месте, устроили над ним злую шутку: натаскали на нары камней из очага, расположили их в виде лежащей человеческой фигуры, затем закрыли все это одеждами хозяина избушки, и ушли своей дорогой. Охотник, возвратившись домой с обычного дневного обхода своих ловушек, наткнулся на какое-то человеческое существо в своей избушке. Сначала окликнул его раз-другой, затем, не получая со стороны лежащего никакого отклика, решил, что в данном случае он имеет дело с vörsa-mutij, схватил свой топор и изо всей силы вонзил его в таинственную фигуру. Лезвие топора разлетелось вдребезги от находившихся под одеждами камней.

Или другой пример: из с. Небдина ходили в лес два брата за брусникой. Один из братьев был немного придурковат. Он как-то отстал от своего брата и заблудился. Так и пропал без вести для односельчан. Уже потом рассказывали следующий случай в связи с этим. Шел по тому же месту один Локчимский охотник. Измученный пребыванием в течение нескольких недель в диком лесу заблудившийся человек, как увидел охотника, обезумел от радости и погнался за ним с дикими воплями. Тот с ужасом оглядывался сначала назад на погнавшееся за ним «страшилище». Затем решив, что за ним гонится никто другой, как леший, обернулся назад и всадил ему пулю в грудь.

При всех случаях «навождения» рекомендуется принимать воинственное настроение. Пассивность влечет страх, страх производит чрезвычайно глубокие психические потрясения. Чтобы не дать воли развитию страха, в том случае, когда в руках нет никакого оружия, рекомендуют не обертываться назад, думают, что в противном случае «нечистая сила» пускается наперед.

Вместе с тем опыт привел Коми к убеждению, что источником всяких галлюцинаций являются свои собственные мысли. На основании такого убеждения имеется у охотников ряд предписаний относительно тем для разговоров и мыслей в условиях лесной охотничьей жизни.

Что касается до проявлений колдовского мировоззрения вообще, то в этом отношении также замечается борьба, но весьма своеобразная. Между прочим убеждение в существовании колдунов можно считать повсеместно распространенным. Вместе с тем нужно также считать несомненным и существование людей, действительно

применяющих колдовские способы для порчи людей и скота. Имеют место и отрезывание частей одежды и отстригание ушей, хвостов и шерсти у скота, и колдовские манипуляции со следом, с тенью, с изображением и т. д. Многие из жителей деревни слывут за профессиональных колдунов, причиняющих вред всем односельчанам по присвоенной ими бесовской силе. Часто при этом, конечно, подвергаются неприятностям и лица, совершенно непричастные к каким-либо злым умыслам. Бывают трагические случаи в связи с икотой. Истеричные женщины в припадке исступления делают самые неожиданные сопоставления относительно истории своей болезни, которые на окружающих производят неотразимое впечатление. Больной иногда с большой уверенностью, настойчивостью и убедительностью рисует всю конкретную обстановку заболевания, указывает персонально испортивших и в совершенно убедительных формах. Поэтому пострадавшие и их близкие лица иногда приходят с угрозами к мнимому виновнику и заставляют его лечить от напущенной им болезни. Мординская А. со слезами на глазах рассказывала членам Волисполкома о причиняющихся ей обидах и дурной славе.

В той же д. Jöv-Nörys имелось в довоенное время такое обыкновение. Кликушу и подозреваемого в ее порче призывали в какой-либо дом или же прямо в волостное правление. Приглашали сюда все волостное начальство: старшину, старосту, урядника и т. д. Ставили кликушу и обвиняемого на одну половицу друг против друга и заставляли подозреваемого публично проклинать себя, если он напустил порчу.

Афанасьев в своей книге «Поэтические воззрения славян на природу» приводит любопытное извлечение из архивных источников, рисующее бытовые формы проявления суеверных воззрений.

«В 1770 г. в Яренском уезде Вологод. губ. несколько баб и девок притворились кликушами и по злобе на разных лиц стали оговаривать их в порче. Оговоренные были схвачены, привезены в город и там под плетьми вынуждены были признать себя чародеями и чародейками. Одна из этих мнимых преступниц (по ее собственному сознанию) напускала порчу по ветру посредством червей, полученных ею от дьявола; она доставила судьям и самых червей, а те препроводили их в сенат; оказалось, что это личинки обыкновенных мух. Сенат отрешил за такое невежество

городских властей от мест, а кликуш за их ложные обвинения присудил к наказаниям плетьми; да и впредь подобных кликальщиц предписал наказывать и оговорам их не верить» (цитировано по Крайнскому, 48).

По сообщению Попова в Черныбе был печальный случай такого рода и в наше время. В 1918 г. крестьяне пожаловались армейцам на одну женщину за то, что она будто-бы напускает на людей порчу. Те пришли к ней, стащили ее с полатей и тут же на полу расстреляли. В настоящее время многие знахарки, практикующие колдовское гадание, привлекаются к судебной ответственности. Так М. Н. из д. Ивановской Палевицкой вол. условно присуждена к 3-м годам заключения за свою практику.

Не отрицая некоторой роли административного воздействия, нужно отнестись отрицательно к более резким проявлениям суровой кары за колдовство. Дело в том, что причины, питающие колдовское мировоззрение, коренятся очень глубоко. Колдовство, представляя из себя пережиток прошлого мировоззрения, единственно-возможного для соответствующей эпохи, тем не менее и в настоящем не совсем еще потеряло почву и в хозяйственных, и в общественных и в исторических условиях жизни народа Коми.

Не нужно забывать, что в свое время колдовство было не только системой взглядов, но и системой регулирования общественных взаимоотношений. Колдовские воззрения «veža-vidźöm», колдуны во главе охотничьих артелей были на страже общественных интересов (по крайней мере своей группы), они являлись до некоторой степени носителями охотничьей морали. В настояще время мы видим, что охотничий промысел, один из главных источников народного хозяйства Коми-области, разлагается не только из-за отсутствия объективных условий в связи с истреблением лесов, уменьшением пушного зверя, но также и с падением охотничьих нравов. Охотничьи угодья, охотничьи амбары и кладовые раньше не знали запоров, кроме того и запоры в лесу по существу не могут играть никакой роли; в настоящее время охотники принуждены строить потайные амбары где-либо в густой чаще, вдали от своей избушки, чтобы их кладовые не попали на глаза злоумышленнику. Коми-быт выработал в последнее время ужасные формы расправы с профессиональными похитителями охотничьего промысла из охотничьих кладовых или угодий, расправы, известной

под именем sarö puktöm (т. е. воцарения). Никаких других форм борьбы с хищениями, кроме жестокой расправы, в условиях дикого леса охотник не имеет. Жгут виновника в его избушке, прищемляют связанного и раздетого догола вора за его волосы в расщеп стоящего дерева и так оставляют и т. п. В таких условиях колдовство являлось в прошлом сдерживающим и организующим стимулом во взаимоотношениях охотников друг к другу.

А вместе с тем отсутствие надлежащего обслуживания деревни медицинским персоналом [1]), а также и культурно-просветительными организациями, недостаточность культурной работы на родном языке в связи с малым пока еще количеством коми культурных работников, отдаленность от населения русской интеллигенции в связи с общей культурной заброшенностью и примитивным хозяйством, нечеловеческий труд в условиях сурового Севера,—вот устои, на которых покоится жизненность колдовского мировоззрения. В соответствии с этим общий фронт культурной работы совместно с напряженной работой по изучению края, с поворотом хозяйственного уклада в сторону рациональных методов работы, усиление врачебного обслуживания—вот очередные, главные и даже единственные рычаги, которые смогут перевернуть несуразные воззрения на мир и на природу и дать новое мировоззрение народу Коми.

---

[1]) Средний радиус врачебного участка в Сысольском уезде 53 килом., в Усть-Куломском—117 км., в Усть-Вымском—57 км. и Ижмо-Печорском—210 км. (Jugyd-tuj, Окт. 1926, П. Коканин. Бюджет Здравоохранения и санитарные показатели).

Kurze Uebersicht.

Die Zauberkunst ist die ursprüngliche Basis des Kultus. Die Zauberkunst, als Kultus, steht in Verbindung mit der Wirtschaft, und die Mythe, als Vorstellung, schliesst sich an die Sprache. Auf einer gewissen Stufe der Entwicklung ist die Zauberkunst allen Völkern eigen. Nicht, dass die Zaubermeister die Zauberkunst zum Leben hervorgerufen haben, sondern, im Gegenteil, die zauberische Weltanschauung hat die Zaubermeister erzeugt. Die Zauberkunst ist die einzig mögliche Form der Gemeindeeinrichtung auf der Stufe des Jägerlebens in der Vergangenheit.

Die Zauberkunst ruht auf Prinzipen der parzionischen und similischen Magie. Das zauberische Heil und Verderben werden auf einem und demselben Prinzip ausgeführt. Daher stammt auch der Grundsatz von den unvernichtbaren Folgen der Behexung.

„Schewa“ - Behexung (Besessenheit) ist die Folge der schweren Lebensverhältnisse. Die an „Schewa“ Leidenden, die biblischen Besessenen und mittelalterlichen Hexen sind Erscheinungen von derselben Ordnung. Die zwei- und dreifache Doppelung des Bewusstseins führt an die psychische Veränderung des Geschlechts, die man bei den Paleaziaten und Ureinwohnern von Nord-Amerika findet. Das Wort „Schewa“ wird mit Hilfe der japhetischen Sprachforschung erklärt.

Die Beschädigung durch Einfluss (Hypnose) stellt sich dem Volk von Komi als ein traumatisches Erkranken vor. Die Vorstellung der Behexung unbelebter Gegenstände ist die volkstümliche Verallgemeinung aller Behexungerscheinungen, die durch Einfluss (Hypnose) wirken (vomidź).

Das zauberische Inventar umfängt eigentlich das Inventar der Wirtschaft. Die besondere Rolle der Hausgeräte in der Zauberkunst ist der Beweis deren Zusammenhangs mit der Wirtschaft, im Sinne die Sicherheit und im allgemeinen den Wohlstand zu schützen. Weitere Bekräftigung dieser These findet man in den Ansichten auf die zauberische Natur des Brotes, der Tiere, der Kleidung u. s. w.

Das vorlogische Denken ist die Basis der zauberischen Anschauungen. Das primitive Denken ist mit der Handlung verbunden. Eine unzerteilte Gemeinde ist das Vorbild des primitiven Denkens. Die autoritarische Gemeinde ist der Urgrund des Denkens, Umbildung und gleichzeitig entsteht auch die Idee vom Geiste-Doppelgänger. Die Struktur der primitiven Gemeinde rechtfertigt das Prinzip: „der Wille ist der Grund einer Erscheinung". Die Geräte sind ursprüngliche Faktoren der sozialen Differenz. Der Kampf mit der zauberischen Weltanschauung soll für die Ökonomisten und die Kulturträger eine gemeinsame Aufgaben werden.

15 ноября 1926 г.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Zauber-Heilkunst und Behexung im Gebrauch beim Komivolk

von **A. S. Sidorow.**

INHALT.